

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал №10 (73)

октябрь, 2022

12+
старше
12 лет

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вашему вниманию представлен октябрьский, «крымский» номер литературно-исторического журнала «Александръ». Крым прочно вошёл в нашу русскую литературу, и образы полуострова на страницах произведений классиков порой чаруют не меньше, чем крымские пейзажи воочию. Вам же, дорогие друзья, представилась возможность познакомиться с современной литературой Тавриды и убедиться, что крымская земля обладает удивительным свойством притягивать творческих людей. Наши постоянные читатели уже успели познакомиться с творчеством севастопольских писателей, но география Крыма значительно шире и самобытнее.

Живущих в разных уголках Крымского полуострова, работающих в различных жанрах, прошедших разный творческий путь литераторов объединяет беззаветная преданность русскому языку и русской литературе. Все они – истинные подвижники Слова.

Хотелось бы выразить слова признательности за помощь в создании этого номера руководителю Крымской организации Союза писателей России Владимиру Ивановичу Сорокину. Уверен, что номер не разочарует требовательных читателей.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Мысль о том, что «толстые» литературные журналы – это анахронизм прошлого, а скорее даже, позапрошлого века, уже достаточно давно муссируется и в прессе, и в окололитературных кругах. Дескать, зачем тратить драгоценное время и дорогостоящие материалы, когда одним кликом на клавиатуре компьютера можно получить доступ к любому литературному произведению. С этим спорить трудно. Настораживает другое. Эту самую мысль о бесполезности литературных журналов, да и русской классической литературы в целом, в сознание наших сограждан усиленно пытаются внедрить наши заклятые «друзья», ну, те самые, которые за «бугром».

Недавно судьба свела меня с одним из представителей военно-гражданской администрации освобождённой территории Украины, который поведал, что практически всю литературу из библиотек они вынуждены отправлять в спецхраны. И это понятно, законы России запрещают пропаганду нацизма, нетрадиционных половых отношений и прочей чуши, которой долгие десятилетия пичкали жителей «незалежной». Возникает закономерный вопрос: какой смысл уничтожать русскоязычные книги и журналы, если их всё равно никто не читает? Пусть бы и пылились себе на полках, кому они мешают? И главное, какой смысл заполнять библиотеки Украины «продвинутой», идеологически выдержанной националистической литературой, если книги в их классическом печатном виде, по мнению западных идеологов, перестали быть востребованы?

Если следовать подобной логике, то с появлением фотографии должна была исчезнуть живопись. Зачем корпеть месяцами над мольбертом, если такую же самую картину можно сотворить одним щелчком фотоаппарата? Нет, хитрят наши заклятые «друзья», и как бы они ни старались, литературные журналы как жанр, как явление, как наше историческое достояние никуда не исчезнут. Потому что они стали частью нашего мировоззрения, нашей культуры, нашей истории, связующей нитью многих поколений читателей.

Поэтому я хотел бы высказать слова искренней благодарности членам редакционной коллегии литературного журнала «Александръ»: всем, кто помогал готовить журнал к печати, и лично его главному редактору Анатолию Сергеевичу Трубе – за представленную возможность напечатать на страницах журнала произведения крымских авторов.

Благословенная земля Тавриды испокон веков была богата талантами. Я очень надеюсь, что представленные в литературном сборнике произведения не разочаруют читателей. Уверен, что нам удастся найти ту самую незримую тропинку к сердцам и душам почитателей прозы и поэзии, а таланты наших авторов засияют новыми неожиданными гранями.

От всей души поздравляю вас с выходом в свет «крымского» номера журнала «Александръ».

Владимир СОРОКИН,
председатель правления Крымского регионального отделения
Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕК

Журнал издан за счёт благотворительной помощи, оказанной Фондом
«Рассказовский» и директором ФГБНУ «ФНЦ садоводства»
Иваном Михайловичем Куликовым

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 10 (73), октябрь 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.10.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

- 6** Владимир Сорокин.
Ополчение

КРЫМСКИЙ ВЕНОК

- 17** Сергей Овчаренко
18 Ольга Бондаренко.
Тропой Волошина...
21 Виктория Анфимова
24 Николай Переяслов.
Из крымских воспоминаний
27 Константин Фролов-Крымский
30 Елена Осминкина
32 Инна Козеева
35 Лидия Огурцова

ЖИТЕЙСКОЕ

- 38** Лидия Огурцова.
Метроном счастья
42 Александр Шаламов.
Тихая бухта
44 Ливадия
45 На диком пляже

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

- 48** Евгений Голоднов.
Александр Галушкин: герой из песни

ИСТОРИЯ РОССИИ

- 51** Людмила Шишло.
Керчь – Севастополь: от петровского замысла и екатерининских миль до крымской кругосветки Данилевских

ПУШКИНИАНА

- 57** Светлана Замлелова.
Он никем не заменяем!

РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 63** Атилла Садыков.
Под сенью рубцовского древа

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 66** Марина Матвеева
68 Ольга Голубева.
Расплескалась в душе заря
70 Ольга Иванова

ДЕБЮТ

- 72** Рифат Измаилов
74 Анфиса Третьякова

ОТНОШЕНИЯ

- 76** Олег Азарьев.
По-братски

ФЕЛЬЕТОН

- 80** Валерий Аршанский.
Аттестация

ПАМЯТЬ

- 82** Интервью Виктора Сошина
с Валентином Сорокиным.
Талант, судьба и Родина
89 Вячеслав Богданов

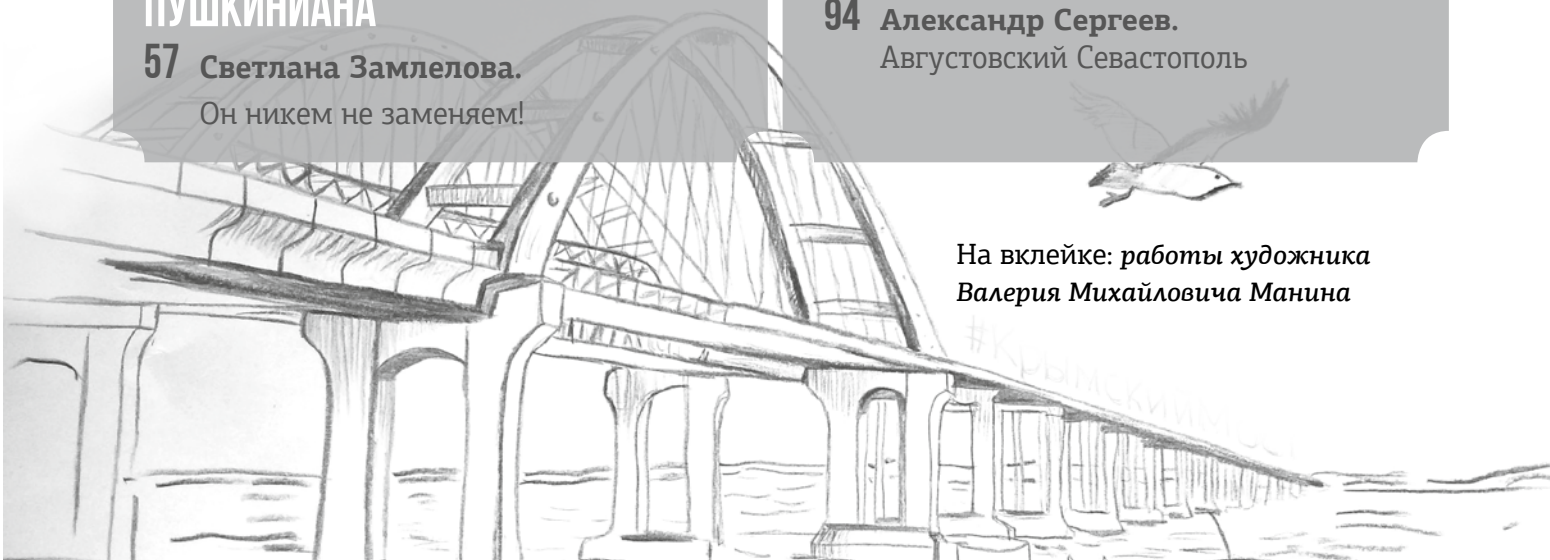
КРИТИКА

- 91** Николай Переяслов.
Голоса «Ахматовского парка»

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Александр Сергеев.
Августовский Севастополь

На вклейке: работы художника
Валерия Михайловича Манина

Алексей Крюков. На защиту рубежей
Донбасса. Х., м. 85 × 175 см. 2016

ОПОЛЧЕНИЕ

– Да иди ты со своим ополчением знаешь куда?!

Алексей с раздражением провёл пальцем по экрану дисплея, бесцеремонно оборвав бессмысленный и беспредметный, по крайней мере как ему казалось, разговор.

– Задолбал! – произнёс он вслух, не в силах погасить внутреннее раздражение.

Наверное, уже третий день кряду Алексея донимал телефонными звонками его бывший одноклассник по военному училищу Валерка Протасов. В обычной жизни они пересекались с ним пару, от силы тройку раз в год, обменивались дежурными фразами: «Как дела? Как здоровье?» – и потом опять надолго исчезали из поля зрения друг друга. А тут, смотри, звонит по десять раз на дню, да ладно если бы по делу, а то... Алексей всегда относился с большой осторожностью ко всякого рода предложениям о поддержке той или иной политической силы.

«В этом деле, – резонно рассуждал он, – надо держать ухо востро, а то и глазом не успеешь моргнуть, как окажешься втянутым в какую-нибудь авантюру».

– Мужчина, не проходите мимо, берите сувениры!

Обернувшись, Алексей увидел совсем юную девушку, которая держала в руках толстые пучки разноцветных лент. Впрочем, это только на первый взгляд ленты казались разноцветными. В одной руке она сжимала оранжевые в чёрную полоску георгиевские ленты, а в другой – ленты, раскрашенные в цвета российского триколора.

– Мне по две штучки и тех и тех, – попросил Алексей.

– Да, пожалуйста, – с радостью согласилась девушка.

Алексей не сразу определился, какую из лент прицепить к петлице, но в конце концов остановил выбор на георгиевской.

Осмотревшись по сторонам, он неожиданно обнаружил, что за размышлениями не заметил, как оказался на центральной площади города. Ещё вчера все новостные телеканалы крутили видеоролики, на которых радикалы пытались свалить памятник Ленину, а сегодня здесь царила тишь да благодать. Только вытоптанные клумбы да одинокий гражданин в старомодной пыжиковой шапке и с плакатом «Руки прочь от вождя мирового пролетариата» напоминали о вчерашних драматических событиях.

Чуть ниже гражданина, прямо на гранитных ступенях постамента, расположилась группа казаков в разномастных казацких одеяниях. Алексей слабо разбирался в хитросплетениях казацкого форменного обмундирования. Но среди стоявших можно было заметить и тёмно-синие с ярко-красными лампасами шаровары, и долгополые черкески, и кубанские, с белыми крестами по красному верху, отороченные каракулем шапки. В самой середине компании в захватки заломленной на затылок папаше крепко стоял огромный седобородый казак. В руках он держал инкрустированную зелёным перламутром гармонь, которая в его медвежьих лапах казалась неестественно мелкой, напоминающей концертину. Перебирая по клавишам своими толстыми, покрасневшими от стужи пальцами, он горланил лужёной глоткой о том, как ему любо жить и что-то ещё про батьку атамана. Стоявшие рядом и ростом пониже, и статью пожиже казаки невпопад подпевали ему хором неслаженных чуть хриплых голосов.

– Цирк уехал, а клоуны остались, – невольно усмехнулся Алексей, с интересом разглядывая станичников.

Немного в стороне от импровизированного казацкого хора собралась довольно внушительная группа военных отставников. Возможно, там были не только отставники, но на большинстве из стоявших красовались офицерские, преимущественно морские, парадные фуражки. Над их головами свежий февральский ветер трепал множество разноцветных стягов: российских, советских, Военно-морских сил и де-

сантных войск и ещё каких-то, ранее Алексеем не виданных. Не вполне трезвая личность в полном парадном обмундировании капитана третьего ранга советского Военно-морского флота держала в руках написанный, скорее всего, тут же от руки плакат «Штаны пропью, но флот не опозорю!!!».

За спинами бывших военных, с противоположной стороны от памятника вождю мирового пролетариата, виднелась ещё одна группа граждан. В руках они держали преимущественно крымско-татарские флаги цвета морской волны и «жовто-блакитные» верноподданные прапора. Всё это разномастное действо напомнило Алексею какой-то заурядный, плохо отрепетированный балаган. «И вот это, – с грустью подумал он, вспомнив уговоры своего сокурсника, – он называет ополчением?»

Алексей прошёл ещё немного вдоль строя «отставников» и неожиданно упёрся взглядом в выставленные прямо на парапете портреты. Из-под чёрных похоронных рамок на него укоризненно взирали молодые ребята, убитые пару дней назад где-то там, в пекле Майдана. Чувство стыда или, скорее, чувство неловкости неожиданно настигло Алексея. Там, глубоко внутри себя, он понимал, что в этот раз отсидеться не получится, что в этот раз всё зашло слишком далеко, и он обязан сделать выбор, определиться, на чьей стороне он находится и что он, конкретно он, может положить на алтарь отечества. «Ребята положили жизнь, – подумал Алексей, – но вопрос: ради чего? Что от этого поменялось? И что может изменить чья-то смерть в принципе?»

Впрочем, вопрос выбора перед Алексеем не стоял, всё его внутреннее существо противилось «майданно-бандеровской», коричневой с «жовто-блакитным» оттенком идеологической мути. Но за последние годы он как-то смирился, свыкся с подобным положением вещей, стараясь не замечать нарастающего разгула украинского национализма. Он выработал в себе некое умение смотреть на происходящее вокруг как на явление природы, остановить которое или хотя бы повлиять на которое он был не в силах.

– О! – услышал Алексей за спиной чей-то удивлённый возглас. – Я его, можно сказать, целыми днями по телефону вызваниваю, а он, оказывается, тут как тут собственной персоной.

Обернувшись, Алексей увидел сокурсника, с которым всего несколько минут назад говорил по телефону. Молча пожав Протасову руку, он продолжил рассматривать траурные портреты, всем своим видом демонстрируя, что к прерванному телефонному разговору он возвращаться не намерен.

– Под Уманию, – тихо и как-то очень буднично произнёс Протасов, – наших тоже порядком положили.

– В каком смысле – положили? – переспросил Алексей, исподлобья взглянув на приятеля.

– Два автобуса расстреляли, – пояснил Протасов, – наши крымские ребята из Киева, с «антимайдана», домой возвращались, так их там, прямо на дороге, и подкараулили. Кого сразу на месте пристрелили, а кто до сих пор в без вести пропавших числится.

– Врёшь! – не поверил Алексей.

– Если бы, – вздохнул Протасов, – дорого бы я отдал за то, чтобы это оказалось неправдой.

Замолчали. В душе Алексея непроизвольно стало нарастать дикое, неуправляемое раздражение. Чувство вины за гибель неизвестных ему людей там, в огне Майдана и на безлюдном шоссе под Уманию, жгло его сердце, наполняя душу чувством необъяснимой тревоги и безысходности.

– Зайдём? – предложил Протасов, кивнув в сторону расположенного неподалёку кафе. – А то ведь День Советской армии и Военно-морского флота не отмеченным остался, не по-людски это.

– Хорошо, – согласился Алексей, – давай зайдём, чего не зайти-то...

Несмотря на довольно раннее время, мест в кафе не оказалось, даже барная стойка, расположенная в дальнем углу зала, была плотно облеплена посетителями. В основном это были крепкие чернявые мужчины, облачённые в кожаные куртки и овчинные дублёнки. В кафе было смрадно, шумно и как-то неуютно.

– Вот это да... – удивлённо произнёс Протасов, осматриваясь по сторонам. – И чё это они сюда припёрлись в такую рань?

– Наверное, за тем же самым, что и мы, – предположил Алексей.

– День Советской армии отмечать, что ли?

– Ага, – подтвердил догадку приятеля Алексей, – исключительно ради этого. Смотри, – указал он рукой в дальний угол зала, – там, по-моему, столик освобождается.

– Нам с другом, – обратился Протасов к подошедшей официантке, – водочки грамм по сто пятьдесят и закусить чего-нибудь.

– Мы сегодня спиртного не отпускаем, – с безразличным видом сообщила официантка.

– Как это? – не поверил Протасов. – У вас что, сегодня постный день?

– День у нас самый обыкновенный, – официантка сделала вид, что не поняла юмора, – или заказывайте, или освобождайте столик, – поставила она вопрос ребром.

– Хорошо, хорошо, – пошёл на попятную Протасов, – но пиво-то, я надеюсь, в вашем заведении в наличии имеется?

– «Черниговское», – сообщила официантка.

– Ладно, давай два бокала «Черниговского» и каких-нибудь салатов на закуску.

Проводив взглядом официантку, Протасов, не поднимая глаз, принялся вертеть в руках хрустальную перечницу, возникла неловкая томительная пауза. Алексей почувствовал, что его давний приятель, с которым они съели не один пуд курсантской соли, не решается заговорить с ним о чём-то очень важном, о том, что или объединит их сегодня, или разведёт по разным сторонам баррикад, и, возможно, разведёт уже навсегда.

– Ты с ними? – наконец в лоб спросил Протасов.

– Нет, – ответил Алексей.

– Да какого же рожна ты тогда кочевряжишься?!

– Ты про ополчение, что ли?

– А про что же ещё? – удивился Протасов.

– Ну хорошо, – согласился Алексей, – я постараюсь тебе кое-что растолковать. Вот ты, – ткнул он указательным пальцем прямо в лоб приятеля, – на первый взгляд производишь впечатление взрослого адекватного человека, с большим жизненным опытом, до-

служившегося до майора, командовавшего батальоном...

– Военно-строительным отрядом, – поправил его Протасов, – а это, между прочим, на целый ранг выше, я бы и до полковника дослужился, если бы Союз не развалили.

– Конечно, дослужился бы, – согласился с его доводами Алексей, – и я бы дослужился, да все мы до чего-нибудь дослужились бы, если бы... но, как известно, история сослагательных наклонений не приемлет. Но дело даже не в этом, – непроизвольно махнул рукой Алексей. – Чем объяснить, что ты, имея такой колоссальный армейский опыт, не понимаешь элементарных вещей? Ведь твоё ряженое ополчение способно только песни горланить да водочку втихаря у постаментов вождю мирового пролетариата употреблять. С кем ты с таким войском воевать собрался, Валера?

– Ну это ты зря, – возразил Протасов, – у нас, между прочим, всё по-серьёзному, и ты правильно заметил, уж в чём в чём, а в формировании военизированных подразделений я кое-что смыслю. С командным составом, правда, туговато, но это временные трудности. А эти, которые на площади песни горланят, к нам вообще никакого отношения не имеют.

– Хм, вон оно как, – усмехнулся Алексей, – военизированные подразделения, говоришь? Небось ты уже и личный состав по взводам распределил, и командиров назначил, и списки составил?

– А то как же, – самодовольно улыбнулся Протасов, – как учили, нас теперь голыми руками не возьмёшь.

– А ты случайно не задумывался, как твоё деяние трактует закон?

– В каком смысле? – не понял Протасов.

– А здесь один смысл, вернее, криминальный умысел, – уточнил Алексей. – С точки зрения закона всё, что ты делаешь, трактуется как создание незаконных вооружённых формирований. Да не просто формирований, – поднял Алексей вверх указательный палец, – а формирований с целью свержения законной власти. Двадцать лет, Валера, но это по минимуму, а то и на пожизненное загреметь можно.

– Какой закон?! Ты сейчас о чём вообще?! – возмутился Протасов. – Ты посмотри, что в стране происходит. Кончился твой закон, какие-то ублюдки муниципалитеты захватывают, чиновников в мусорных баках зелёной обливают, милиционеров дубинами до смерти забивают, а ты говоришь, закон. Значит, им можно, а нам нельзя? Значит, для нас закон существует, а для них нет? Или ты думаешь, что у нас всё по-тихому обойдётся, что нас убивать не станут?

– Не обойдётся, к сожалению, – согласился Алексей, – но сейчас эти ублюдки, как ты выразился, и есть власть. И что бы они ни сделали, что бы ни сотворили, новая власть всегда будет на их стороне, а вы для их власти так навсегда и останетесь незаконным бандформированием. Это диалектика жизни, Валера. А списки ополчения, которые ты с такой тщательностью составлял, наверняка уже лежат на столе у какого-нибудь чина из СБУ.

– И что? Что ты предлагаешь? – пожал плечами Протасов. – Сложить лапки и ждать, когда тебя убивать придут?

– А ты готов умереть за идею? Или, ещё лучше, убить кого-то за идею?

– Готов, – решительно произнёс Протасов, – только не за идею, а за свою землю, за свою семью, за свою честь, в конце-то концов.

– Боже, какой пафос, – похлопал в ладоши Алексей, – но это, как ни крути, только эмоции, а есть ещё и элементарный расчёт. Какой смысл втягиваться в драку, если заранее знаешь, что обречён на поражение, это всё равно что с финкой на паровоз переть. За спинами этих ублюдков власть, полиция, армия, Евросоюз, Америка. А с кем ты? С казаками да гармошками? Тебя этот дисбаланс не смущает?

– А Россия?! – с волнением в голосе произнёс Протасов. – А Краснознамённый Черноморский флот? Ты думаешь, они допустят, чтобы в городе-герое русской славы Севастополе разместились военно-морская база НАТО?

– Господи! – Алексей непроизвольно приложил ладони к вискам. – Да что же у тебя за кавардак в башке-то творится? Да сдала твоя Россия, давно сдала и Севастополь, и

Югославию, и Грузию, вот теперь дошла очередь и до Украины. Никто, слышишь, никто из-за нас с тобой голову на плаху класть не станет, да и третью мировую войну из-за Крыма начинать никакого резона нет. Сольют нас, Валера, как миленьких, сольют, да что там сольют, слили уже.

– И что теперь делать? – с дрожью в голосе произнёс Протасов.

Алексей понял, что подобные мысли посещали и его приятеля, но он, судя по всему, гнал их от себя, пытаясь спрятаться за напускной бравадой бывалого вояки.

– А что тут поделаешь? – вздохнул Алексей. – Или закопаться ниже плинтуса и делать вид, что происходящее тебя не касается, или рвать когти, пока не поздно.

– То есть?! – произнёс Протасов зловещим шёпотом. – Ты?! Ты предлагаешь мне вместе с этой оголтелой сворой топтать святое Знамя Победы, кричать «Слава Украине»?! И лизать сапоги бандеровскому отребью?! И при этом делать вид, что происходящее меня не касается?! Да кто же я буду после этого?! Да как же я буду жить с этим?!

– Да что ты всё про себя да про себя! – Алексей тоже перешёл на повышенный тон. – А о семье своей, о близких своих ты подумал? Ты им живой и здоровый нужен, понимаешь? А глобальные политические проблемы, уверяю тебя, и без нас найдётся кому порешать.

– Так! – решительно произнёс Протасов, поднявшись из-за стола. – Политические дебаты прекращаем. Не знаю, что там происходит в глобальной политике, а сейчас и здесь нам нужно не допустить срыва заседания парламента. Мы республика, понимаешь, республика, и от того, какое решение сегодня примут депутаты, очень многое будет зависеть. Ты со мной, – пронзил он Алексея пристальным взглядом, – или под «плинтус»?

– Да куда же от тебя денешься! – примирительно произнёс Алексей. – А с этим что делать будем? – показал он на два бокала нетронутого пива.

– После допьем, – произнёс Протасов, бросив на стол двухсотгривенную купюру.

На улице прохожих заметно прибавилось. «Прохожие», объединённые в небольшие группы человек по десять-пятнадцать, подтягивались к правительственному зданию, где должно было начаться заседание Верховной Рады. Алексей с удивлением обнаружил, что флаги с российским триколором и красные советские стяги, которые во множестве попадались ему ещё утром, куда-то исчезли. Теперь повсюду виднелись только крымско-татарские и «жовто-блакитные» полотнища, а кое-где и зловещие, напоминающие траурные ленты красно-чёрные флаги «Правого сектора».

– А куда же наши-то подевались? – спросил Алексей, едва поспевая за приятелем.

– Да чёрт их знает, – с раздражением произнёс Протасов, с трудом пробираясь сквозь толпу зевак, – давай с той стороны зайдём, – предложил он, – напрямую нам уже не пробиться.

Действительно, огромная толпа, состоявшая из плотно прижатых друг к другу людей, не оставляла ни малейшего шанса пробиться к главному входу правительственного здания.

– Да вот же они! Наши! – обрадовался Протасов, когда приятели в обход, с трудом, но всё же сумели протиснуться ближе к центральному входу.

Старые знакомые, которых Алексей ещё утром наблюдал на центральной площади города, плотным кольцом охватили по периметру правительственное здание, преградив таким образом путь радикалам.

– Ну, слава Богу, – с облегчением произнёс Протасов, когда они наконец-то добрались до места, – ребята из Севастополя подтянулись, без них нам здесь ох как туго пришлось бы.

– Где тебя носит! – набросился на Протасова подошедший сзади мужчина в камуфляжной куртке и джинсах, заправленных в высокие армейские берцы. – Быстро становитесь вон там, – указал он в сторону казаков, – сейчас для нас самое важное – главный вход защитить.

Алексею показалось, что какая-то неведомая сила подхватила его и потащила в указанное мужчиной в камуфляжной куртке место. Оказавшись плечом к плечу с седобородым

казаком, он, зажатый в плотное кольцо из человеческих тел, теперь безвольно раскачивался из стороны в сторону, подверженный волнообразным ритмам движения толпы. Чернявые ребята из кафе (некоторых Алексей даже узнал) теперь стояли к нему лицом и так же, как и он, ритмично раскачивались из стороны в сторону. Агрессии не было, стоявшие безразлично взирали друг на друга, очевидно, не до конца понимая, зачем они здесь оказались и что от них, собственно, хотят.

– Банду ге-е-еть! Банду ге-е-еть! – слышались из дальних рядов нестройные возгласы. Толпа не сразу, но всё же подхватила призыв, с каждой секундой всё громче и громче выкрикивая лозунги.

– Россия! Россия! – гром голосов, словно по команде раздавшийся за спиной Алексея, лавиной накрыл нестройные возгласы оппонентов.

– Украина! Украина! – заорал в ответ хор голосов с противоположной стороны.

Стороны ещё немного порвали глотки, но разогреть толпу до нужного «майданного» градуса не получалось.

Неожиданно по противоположной стороне прокатился невнятный ропот. Затем ропот перешёл в одобрителный гул, улюлюканье, какие-то выкрики, которые было сложно разобрать.

– Слава Украине! – пронёсся над толпой писклявый фальцет.

– Героям слава! – раздался в ответ хор слабых голосов.

Красно-чёрных флагов заметно прибавилось.

– Пипец! – услышал Алексей за спиной чей-то возглас. – Правосеки из Киева на подмогу прибыли, теперь держись!

Действительно, сквозь цепи плотно прижатых друг к другу людей стали пробиваться какие-то подозрительные личности, было понятно, что делали они это далеко не спроста.

– На провокации не поддаваться! – пронеслось по цепи.

Алексей как-то сразу зацепился глазами за пролезшего в первый ряд правосека, очевидно, и правосек выделил Алексея в качестве

Алексей Крюков. Ополченец Вадим.

Бум., уголь. 55 × 75 см. 2015

потенциальной жертвы. Какое-то время они пристально смотрели в глаза друг другу, пока гость из Киева не вскинул руку в нацистском приветствии и не прокричал:

– Слава Украине!

– Зиг хайль! – слышалось Алексею.

– Слава Украине! – снова и снова орал «правосек».

– Зиг хайль! – снова и снова слышалось Алексею.

Не совладав более с распиравшими его эмоциями, Алексей рванул вперёд.

– Стой! – кто-то попытался удержать его за плечи. – Ты что, не видишь?! Он же тебя провоцирует!

Но удержать Алексея в этот момент, наверное, не смогла бы уже никакая сила. Влекомый внутренними внезапно пробудившимися инстинктами, он ощутил непреодолимое желание вцепиться в глотку этому брызгавшему слюной мерзавцу.

Что произошло дальше, Алексей запомнил смутно, вернее, он вообще не понял, что

Алексей Крюков. Портрет ополченца Леонида. Х., м., 90 × 130 см. 2015

произошло. Внезапно что-то тёмное и бесформенное, по крайней мере так ему показалось, возникло перед лицом. Затем послышался протяжный писк гармони, и только после этого он услышал чей-то удивлённый возглас:

– Ах ты ж бя... такая!

Когда предмет, закрывающий обозрение, исчез, перед взором Алексея предстала широкая спина казака. Казак держал в левой руке гармони, в меха которой по самую рукоятку был воткнут нож с плексигласовой наборной ручкой. «Мерзавец» с расквашенной физиономией и подкосившимися коленями безвольно висел на руках близстоящих товарищей. Боковым зрением Алексей заметил, как несколько человек, интенсивно работая локтями, пытались пробиться к месту происшествия.

– Это не мы, слышишь? Это не мы, нам не нужна кровь!

Пожилый мужчина в высокой каракулевой папахе, явно татарской национальности, пытался в чём-то убедить стоявшего перед ним казака. Затем, повернувшись, он что-то громко выкрикнул на татарском языке.

– По-русски говори! – потребовал казак.

– «Правый сектор» вперёд не пускать! – прокричал старик.

Подчиняясь команде, протестующие, стоявшие в первых рядах, плотно сомкнулись локтями, а некоторые из них ещё и накрепко сце-

пились руками. Но именно в этот момент где-то там, у центрального входа, послышался звон разбитого стекла. Толпа, влекомая инерцией тысяч человеческих тел, качнулась вперёд, но тут же замерла в тревожном ожидании.

– Прорвали, суки! Оцепление прорвали! – пронеслось над толпой.

– Все к центральному входу! – орал мужчина в берцах. – Не дадим захватить здание!

Но куда-то бежать или просто перемещаться в пространстве не представлялось

никакой возможности. Зажатые в каменном мешке внутреннего дворика люди напирали друг на друга, но без особой надежды, а возможно, и желания сломить сопротивление защитников правительственных апартаментов.

В какой-то момент толпа неожиданно притихла, возле центрального входа обозначилось едва заметное движение, но что именно там происходило, было непонятно.

– Всё! Баста! – стали разноситься возгласы. – Приехали, кина не будет!

– Какого кина?! – прокричал стоявший рядом с Алексеем казак. – Толком объясните!

– Кворума нет, – ответили ему, – заседание перенесли!

– Вот жеж сука, – возмутился казак, – мы тут, понимаешь, жилы рвём, а у них, видите ли, кворума нет. Да иди ты, – безадресно крикнул он, – знаешь куда со своим кворумом!

Как-то в один миг спало напряжение, толпа, постояв ещё несколько минут, стала потихоньку рассасываться.

Но Алексей продолжал стоять, не было сил сдвинуться с места, до него только сейчас стал доходить смысл произошедшего. Ведь не окажись рядом с ним казак, нож с плексигласовой наборной ручкой торчал бы сейчас не в мехах гармони, а в его сердце и шансы остаться в живых были бы у него ох как невелики. Алексей осмотрелся по сторонам, пытаясь отыскать

Протасова, но тот как сквозь землю провалился. «Да Бог с ним, – подумал Алексей, – никуда не денется, позвонит рано или поздно».

Сделав над собой усилие (налитые свинцом ноги показались ему неподъёмными), он медленно пошёл вдоль гранитного парапета небольшого отключённого на зиму фонтана. Сразу за фонтаном Алексей неожиданно столкнулся с группой казаков, которые, судя по всему, с жаром обсуждали последние политические события.

– Спасибо вам, – произнёс он, подойдя поближе и слегка склонив голову, – спасибо огромное от всего сердца.

– За что же ты нас благодаришь? – удивился седобородый казак.

– Вот за это, – указал Алексей на порванные меха висевшей на его плече гармони.

– А-а-а, – протянул казак, очевидно узнав Алексея, – тогда с днём рождения тебя, паря, считай, что ты сегодня заново родился. Гармонь, правда, жалко, дедова гармонь-то, ну да ладно, – махнул он рукой, – как ни крути, она в бою пострадала.

– Вы, главное, посты, посты на ночь ставьте, – принялся с жаром говорить Алексей, – они не успокоятся, не получится днём, они обязательно ночью нагрянут. Если потребуется, то и я с вами дежурить останусь.

– Ты на себя в зеркало посмотри, – посоветовал Алексею седобородый казак, – на тебе ж лица нет, ты же белый как полотно. Тебе сейчас впору не в сторожа наниматься, а водочки грамм триста хряпнуть да выпасться как следует. А за посты не беспокойся, у нас не забалуешь.

– Ещё раз спасибо, – поблагодарил казаков Алексей, – за всё, огромное спасибо. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Постой! – окликнул его седобородый казак. – На вот, – протянул он Алексею сделанную из напильника с плексигласовой наборной ручкой заточку, – сохрани на память.

Алексей медленно шёл по улице, мысленно он вновь и вновь возвращался к драматическому эпизоду, который произошёл с ним сегодня во время митинга. Все глобальные по-

литические процессы сосредоточились сейчас для него на острие заточки, которая лежала в кармане его куртки. Только сейчас его настиг страх, страх за собственную жизнь, только сейчас он стал осознавать, насколько зыбкой была эта грань – грань между жизнью и смертью.

«Казак прав, – подумал Алексей, преодолевая неприятную дрожь, охватившую его тело, – надо накатить».

Неожиданно во внутреннем кармане куртки завибрировал телефон, Алексею не сразу удалось выудить его оттуда. «Прокопенко Александр», – прочитал он экране дисплея, это был ещё один его сокурсник. Пару лет назад, встретившись на юбилее училища, они обменялись телефонами, однако общение их ограничивалось в основном отправкой по WhatsApp друг другу «поздравленок».

– Слушаю, – ответил на звонок Алексей.

– Здорово, сепаратист! – радостно орал в трубку Прокопенко. – Вы что там, с глузду съехали, чи шо?! На хрена вам эта Рашка сдалась? Вы с головой-то дружите вообще? Перед вами Европа! Понимаешь, Европа двери открывает, а вы назад, в какую-то срань, лезете!

Алексей не смог переключиться на разговор, не смог сразу понять, о какой «срани» говорил с ним Прокопенко.

– Ты сейчас про что говоришь? – решил он уточнить.

– Да про то же самое, – ответил Прокопенко, – перед вами сумасшедшие перспективы открываются, к вам же теперь вся Европа отдыхать пойдёт, а это тебе не гопота донецкая, знаешь какие это бабки? На золоте жрать и спать будете.

– Постой, постой, – остановил сокурсника Алексей, до него постепенно стал доходить смысл разговора, – а при чём здесь ты? А при чём здесь Европа? Вы какое к нам имеете отношение?

– Да вы, как я погляжу, – усмехнулся Прокопенко, – в Крыму все малахольные какие-то, собственной выгоды не понимаете. Всё, Лёша! Всё, кончилось ваше время, если ты ещё не понял этого, можешь считать, что мы уже в Европе. А с теми, которые особо непонятливые,

мы церемониться не станем, два дня назад мы ваших придурков всю ночь, как зайцев, по лесам гоняли.

– Саня, – тихо произнёс Алексей, в его сознании возникла чудовищная догадка, опровергнуть и подтвердить которую ему сейчас предстояло, – а ты где живёшь?

– Как где? – удивился Прокопенко. – Под Уманию.

То, что произошло с Алексеем в следующий момент, с точки зрения психиатрии, очевидно, трактовалось как нервный срыв. Телефонный звонок выбил из фундамента его подсознания, придавленного огромной массой событий и впечатлений, накопленных за последние дни, маленький камешек, вернее крохотную эмоциональную песчинку. Стена рухнула, лавина понеслась вниз, сметая на своём пути все устои, правила, принципы, переминая и переламывая, казалось бы, вечные, незыблемые законы бытия.

Что он орал в трубку, Алексей не помнил, скорее всего, что-то не вполне приличное. Когда он вернулся в действительность, то обнаружил себя стоящим посередине улицы с плотно прижатым к уху отключённым мобильным телефоном, несколько случайных прохожих с любопытством взирали на него.

– Извините, – произнёс Алексей, засовывая в карман мобильный телефон.

Войдя в квартиру, Алексей, не снимая куртки, прошёл на кухню и поставил на стол бутылку водки. Поразмыслив несколько секунд, достал из кармана заточку и зачем-то положил её рядом.

– Ну и как это прикажете понимать? – услышал он за спиной голос жены.

– А-а-а, Наташа? – с удивлением произнёс Алексей, будто встреча с женой в собственной квартире была для него неожиданностью. – Собери чего-нибудь на стол по-быстрому.

– А по какому поводу гуляем? – поинтересовалась Наташа.

– Да так, – пожал плечами Алексей. – У одного хорошего человека, впрочем, – запнулся он, – может быть, и не очень хорошего человека, сегодня случился день рождения.

– А эту гадость, – указала Наташа на заточку, – ты где взял?

– Нашёл, – ответил Алексей первое, что пришло на ум.

– Вечно ты всякую дрянь в дом тащишь, выбрось её немедленно, чтобы я её больше не видела.

Отодвинув штору, Алексей положил заточку на подоконник. Когда, сняв куртку и помыв руки, он вернулся обратно, стол уже был сервирован на две персоны, Наташа тонкими ломтиками дорезала на разделочной доске замороженное сало. Не дожидаясь завершения процесса сервировки, Алексей откупорил бутылку и до краёв наполнил стопки.

– Ну что, – произнесла Наташа, приняв из его рук рюмку, – нехай ему щастит, удачи ему по жизни.

– Кому? – не понял Алексей.

– Ну этому не очень хорошему человеку, день рождения которого мы сейчас отмечаем.

– А-а-а, – протянул Алексей, – ты про это... удача ему сейчас ох как бы не помешала.

Залпом опрокинув стопку, Алексей, не кусывая, налил себе ещё одну.

– Что, – поинтересовалась Наташа, внимательно наблюдая за мужем, – неужели всё так хреново?

Алексей ответил не сразу, присев за стол, он какое-то время внимательно рассматривал налитую в рюмку жидкость, затем резко отодвинул её в сторону.

– Сначала они снесут наши памятники, – отрешённо заговорил он, – потом они разрушат наши храмы, затем они поглумятся над нашими святынями, и только после этого они доберутся до нас. Впрочем, нас как таковых к тому времени уже не останется, мы превратимся в послушную, безмолвную, убогую биомассу. И мерилom нашей свободы, чести, счастливой жизни станет обыкновенный плинтус.

– При чём здесь плинтус? – не поняла Наташа.

– Да просто таким, как мы, не оставят иного способа существования, как забиться под плинтус и не высовываться.

– Хорошо было им, – задумчиво произнесла Наташа.

– Кому? – не понял Алексей

– Ну тем людям шестьдесят лет назад. Легли спать в России, проснулись на Украине, ни тебе митингов, ни социальных потрясений, ни идеологических перекосов, тишь да благодать, красота. Вот было бы здорово, если бы и сейчас так: уснули в Украине, а проснулись в России.

– Тогда время было другое, – возразил Алексей.

– Время всегда одинаковое, – не согласилась Наташа, – тогда люди были другие, они войну прошли, и, что такое фашизм, им объяснить было не надо. А эти нынешние зигующие подонки сами не ведают, что творят.

Утром Алексея разбудил Арсений. Арсений был псом деликатным, поэтому каждый день ни свет ни заря он осторожно, чтобы не потревожить домашних, принимался тыкать своим влажным носом в руку хозяина, приглашая разделить с ним радость утренней прогулки.

– И чего тебе не спится, рыло лохматое? – недовольно бурчал Алексей, набрасывая на плечи куртку. – Завели животное на мою голову.

Выйдя из подъезда, Алексей сначала попытался присесть на скамейку, но передумал, холодок промороженных за ночь досок ощущался даже через куртку. Закурив, он от нечего делать принялся наблюдать за Арсением, который с щенячьим восторгом носился по окрестностям.

«Ну и что теперь делать? – в который раз задавал себе Алексей риторический вопрос. – Что делать? Что делать? – повторял он. – Уезжать отсюда надо, пока не поздно. Легко сказать "уезжать", а как? Продать квартиру? Не дадут, таких желающих, которые захотят продать своё имущество, сейчас будут десятки, если не сотни тысяч. И потом, зачем что-то покупать, когда можно это "что-то" взять даром, необходимо только создать соответствующие условия, и народ сам побросает своё добро, а уж "условия" создавать они умеют. Купить халупу в каком-нибудь селе под Воронежем?

А гражданство? Переходить на нелегальное положение и подрабатывать дворником? Ну ладно я, а дети? А внуки? С ними-то как быть?»

Какие бы варианты ни прокручивал в голове Алексей, он отчётливо понимал, что бежать ему некуда, да и что-то менять в жизни было уже поздно.

– Здорово, Лексей!

Оторвавшись от размышлений, Алексей увидел Семёныча, соседа с верхней площадки.

– Здравствуй, Михал Семёныч, – пожал он соседу руку, – а ты здесь какими судьбами в такую рань?

– Да, – неопределённо протянул Семёныч, – с ночной я, ты чё, не знаешь, я ж теперь на насосной дежурю. Папироской не угостишь?

– Да кури на здоровье, – Алексей протянул соседу открытую сигаретную пачку.

– Слыхал, – поинтересовался Семёныч, прикуривая, – люди, когда я в троллейбусе ехал, говорили, что сегодня ночью будто бы все правительственные здания позакхватывали?

– Кто?! – переспросил Алексей, от недоброго предчувствия к его горлу подкатился ком.

– Знамо кто, – произнёс Семёныч с деловым видом, – правосеки, кто же ещё? Больше-то некому.

– Арсений! Ко мне! – прокричал Алексей, не в силах совладать со вскипевшими внутри эмоциями.

Осторожно, чтобы не разбудить домашних, Алексей вынес вещи на кухню, одевшись, отодвинул занавеску, чтобы взять с подоконника заточку.

– Её там нет, – услышал он за спиной голос жены. – Ты куда собрался?

– Прогуляюсь, – ответил Алексей, пытаясь пройти к входной двери.

– Что ты задумал? Не пущу! – Наташа загородила проход.

– Голыми руками, слышишь, – зловещим шёпотом произнёс Алексей, – голыми руками я эту мразь душить буду.

Резким движением отодвинув в сторону жену, он выскочил на площадку.

– Алексей! – кричала ему вслед Наташа. – Алексей! Вернись, я прошу тебя, не делай этого!

Алексей Крюков. Ополченец Виталик
(погиб в 2016 г.). 2015

«Сволочи, скоты, мразь бандеровская, это вам с рук не сойдёт, не на того напали».

Алексей шёл по предрассветным улицам родного города – города, где он родился и прожил свою жизнь, где родились его дети, внуки. И сейчас, в эту минуту, он остро и очень отчётливо понимал, что нет и не будет в его жизни ничего, кроме этого города, ничего, кроме этих улиц, домов, парков и скверов. И его личное счастье каким-то непостижимым образом вдруг стало неотделимо от счастья и благополучия сотен тысяч таких же, как он, у которых, как и у него, нет ничего ближе и роднее этого города, этой земли.

– Гражданин! – услышал Алексей голос патрульного. – Сюда нельзя, по этой улице проход закрыт.

Старший лейтенант, насколько мог разобравшись звание Алексей (бронежилет скрывал погоны), пристальным, настороженным взглядом изучал раннего прохожего.

– А в чём, собственно, дело? – возмутился Алексей. – Мне просто пройти, и всё.

– Соседняя улица свободна, ступайте в обход, – посоветовал милиционер.

«Да, – возмущённо думал Алексей, – быстро переобулись. Неужели им настолько всё безразлично, неужели они не понимают, какой власти они служат?»

Пройдя по соседней улице, как и советовал милиционер, Алексей оказался рядом с домом правительства. Стало совсем светло, ночная мгла постепенно растворялась, утренний рассвет неумолимо наполнял окружающее пространство светом зарождающегося дня. На центральной площади Алексей снова наткнулся на милицмейское оцепление. Молодые ребята, по виду срочники, взяли в плотное кольцо здание Совета министров, проникнуть за оцепление не представлялось никакой возможности.

– Гражданин, – снова услышал Алексей старую песню, – проход закрыт, сюда нельзя.

– Да что же вы за люди такие?! – возмутился Алексей. – Неужели вы не понимаете?..

Но закончить фразу Алексей так и не смог. Было ли это наваждением или это был Божий промысел, не суть важно, но именно в этот момент, Алексей готов был поклясться, что всё происходило именно так, именно в этот момент первый предрассветный луч, пробившийся сквозь свинец низких облаков, осветил на здании правительства российский триколор.

Алексей не поверил увиденному, он непроизвольно закрыл глаза, но открыв их через секунду, к великой радости, обнаружил, что видение не исчезло – над зданием Совета министров гордо реял российский флаг.

Слёзы хлынули разом, в груди что-то заклокотало. Алексей понял, что не в состоянии управлять нахлынувшими на него эмоциями. Обняв за тонкую шею стоявшего перед ним мальчика в милицмейской форме, он зарыдал, упёршись головой в нелепо топорщащийся на его груди бронежилет.

– Гражданин, – испугано спросил милиционер, – с вами всё в порядке?

– Со мной всё в полном порядке, – стараясь совладать с эмоциями, произнёс Алексей. – Теперь с нами со всеми всё в порядке.

Владимир СОРОКИН

Сергей ОВЧАРЕНКО

г. Евпатория

Поэт, переводчик. Член правления Крымского отделения Союза писателей России (в СПР с 2009 года). Лауреат Всероссийской премии им. Н. Гумилёва, Премии Республики Крым, премий им. С. Дувана, «Общественное признание», «Славянские традиции». Награждён медалью «Николай Рубцов».

Автор 10 поэтических сборников.

Учредитель Международного фестиваля «Поэтический маршрут. Трамвайчик №...».

А. С. ПУШКИНУ

Какую шалость сотворил поэт,
Что государь сослал его в обиде?
Об этом по сей день судачит свет...
Но как же, братцы, повезло Тавриде!

Он мог сидеть в Михайловском тишком,
Чаи гонять под вечер с доброй няней,
А не бродить по Таврии пешком,
Не упиваться воздухом духмяным,
Не наблюдать, как утром солнца край
Волна морская лижет неустанно,
Не посетить седой Бахчисарай,
Не любоваться мраморным фонтаном,
Не видеть бурю с мыса Фиолент,
Сравнив её с груди своей волненьем,
Не подарить на много долгих лет
Потомкам крымским дивные творенья.

Вот так добром нас наградило зло,
Но мысль одна царапает сознание:
Ведь мог же заглянуть и к нам в Козлов,
Да, видно, не понравилось названье.

* * *

Буря мглою небо кроет...

А. С. Пушкин

Ещё полночи до утра,
Расшитый ворот взмок сорочки,
Под скрип гусяного пера
Ложатся на бумагу строчки.

В углу – несмятая постель,
Лафитник перечной настойки,
А за окном гудит метель
И колокольчик слышен тройки.

Чудит метель: то плач дитя,
То вой голодной волчьей стаи...
А строки по листку летят,
Едва за мыслью поспевая.

Во мраке – буйство снежных игр.
Не вьюга, светопреставленье!
Что до неё? Есть только миг,
Когда нисходит вдохновенье!

СОНЕТ 75

Иссохшая, пустая,
Меж двух его картин
Останься век немая...

А. С. Пушкин. К моей чернильнице

На доньшке своём получше скрой
Сокровища несбывшихся фантомов.
Уж много лет прошло, как не был дома
Твой бог, твой властелин и твой герой.

Назойливых пиитов новых рой,
Которые в сравненье с ним лишь гномы,
Всё норовит пролезть в его хоромы
И обмакнуть в тебя своё перо.

И, сетуя на то, что ты немая,
Со дна слова и рифмы доставая,
Стихи строчат с утра и до утра...

Но им не заменить, напрасны штучки,
Посредственностью шариковой ручки
Изысканность гусяного пера.

Просто Волошин...

* * *

Что может быть нежней, чем пыль
Степной разъезженной дороги?..

М. Волошин

Горячий полдень травы жёг,
Вдыхали ноздри жар полынный,
И предо мной покорно лёг
Скупой ковер степи пустынной...

Я простотой повержен был
И шёл, куда ступали ноги...
«Что может быть нежней, чем пыль
Степной разъезженной дороги?..»

* * *

И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны...

М. Волошин

Скупые крымские дожди
Прольют живительную влагу
На горы, степи и овраги,
Но это будет впереди...

В лилово-облачную даль,
Вдруг вострепнувшись на рассвете,
Каштанов ввысь взметнутся ветви,
И в дымке выплеснет миндаль

Прогорклый запах новизны,
Забывшей за зиму природой.
Всегда в такое время года
Она, проснувшись, гонит сны,
«Молясь Введению Весны...»

Ольга БОНДАРЕНКО

Евпатория, Республика Крым.

Поэт, переводчик. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии им. Н. Гумилёва. Автор 10 поэтических сборников. Учредитель Международного фестиваля «Поэтический маршрут. Трамвайчик №...».

* * *

И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами
изваян профиль мой...

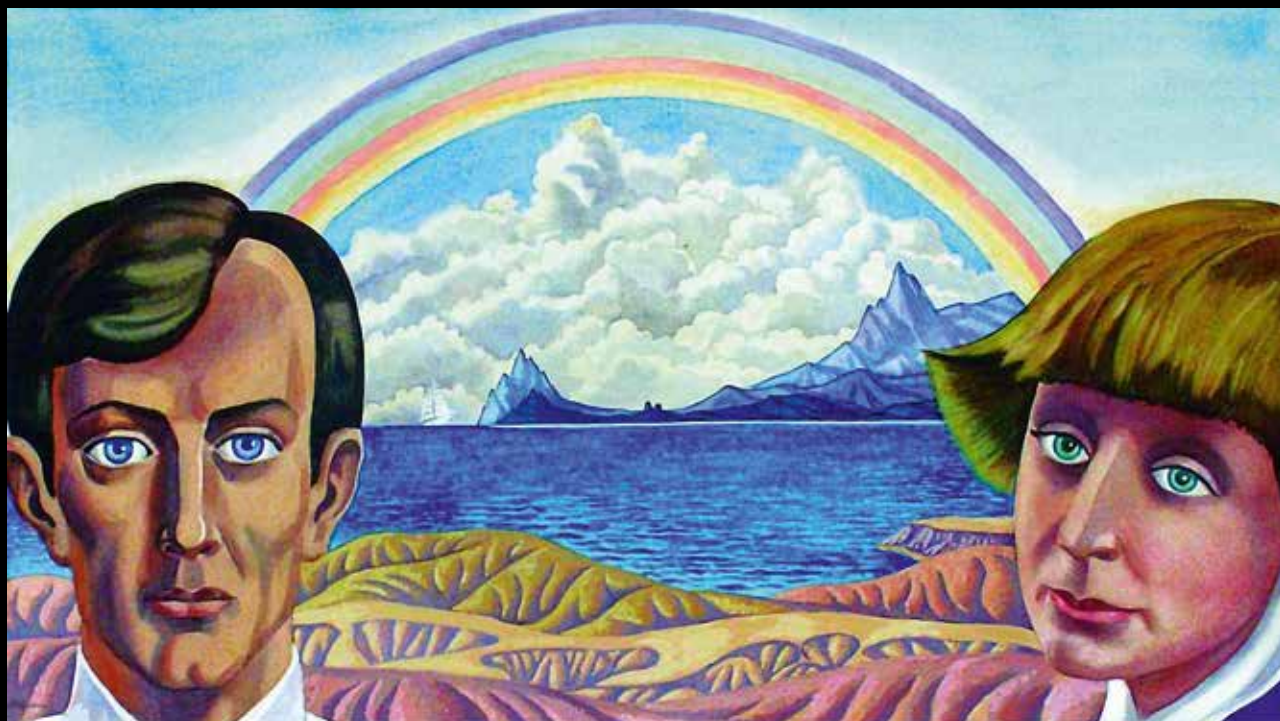
М. Волошин

Скажите, что таят на милость
В себе предгорные хребты?
Предназначение судьбы?
Или ветров морских игривость?

На чёткой кромке Кара-Дага
Из камня выточен портрет.
И в том сомненья вовсе нет,
Живит его морская влага...

Стою, виденьем заворочен,
Гадаю: чей же профиль здесь?
И вижу сходство. Так и есть!
Шепчу губами я: «В-о-л-о-ш-и-н...»

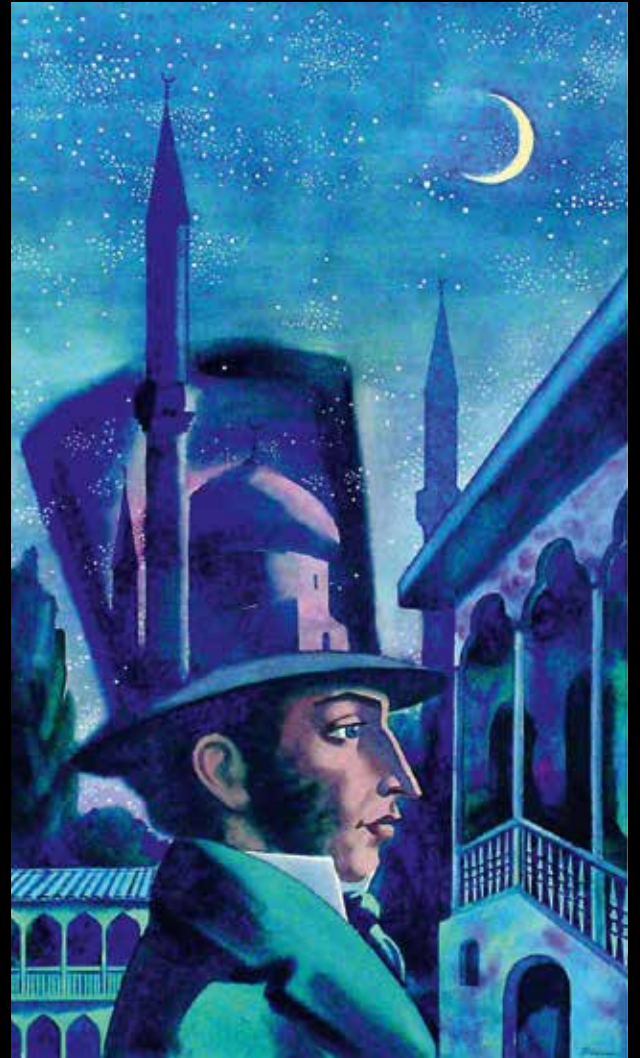
Таят могучие хребты
Предначертание судьбы.

Валерий Михайлович Манин, член Творческого союза художников России и международной Федерации художников. Участник и лауреат Республиканских, Всесоюзных и Международных выставок с 1977 года.

Работы хранятся в частных и государственных коллекциях России, Польши, Финляндии, Англии, Израиля, Нидерландов. Создает произведения в различных жанрах изобразительного искусства: живописи, графики, сценографии, мультипликации и плаката. Предлагаемая серия носит название "Писатели в Крыму". Художник живёт и работает в Севастополе.

Виктория АНФИМОВА
Симферополь

Поэт, журналист. Член Союза писателей России, Союза писателей Восточного Крыма. Автор трёх поэтических книг: «Чаша дня» (2007), «Лабиринт» (2009), «Окно на шестом этаже» (2013). Публиковалась в альманахе «Академия поэзии» (Москва), журналах «Форум» (Москва), «Метаморфозы» (Гомель, Белоруссия), «Содружество» (София, Болгария), «Венский литератор» (Вена, Австрия), «Алые паруса», «Чёрное море», «Ковчег-Крым», «Литературный детский мир», «Крым» (Симферополь), русскоязычной газете «Новый Меридиан» (США, Нью-Йорк), литературных сборниках. Лауреат международных литературных конкурсов и фестивалей, в том числе Международного литературного чеховского конкурса «Краткость – сестра таланта» (Ялта, 2017), литературного конкурса «На крыльях грифона» XX Международного фестиваля античного искусства «Боспорские агоны» (Керчь, 2018), Республиканского литературного конкурса «Крымское приключение – 2021» (Симферополь) и др. Руководитель молодёжной Республиканской литературной студии им. Н. Кобзева.

* * *

Дни наполнены солнечным светом,
Нотой «ля» отзывается кода.
Я в шкатулке храню не браслеты –
Тайны лета двадцатого года.

Всё упрямей стрекочут цикады
От заката и до восхода
Среди трав притихшего сада
Знойным летом двадцатого года.

Сочный персик на бронзовом блюде,
Облака – кружева небосвода.
Я всё знаю, что было и будет.
Верь мне, лето двадцатого года.

Я любила когда-то, и всё же
Мне дарована сердцем свобода.
Всех алмазов и злата дороже
Это лето двадцатого года.

Откровенья вечерней молитвы,
Ожиданье иного исхода,
Облегчение несбывшейся битвы
Помнит лето двадцатого года.

Мир стремится разбиться на части,
Но – живёт своей жизнью природа.
Сохраню это хрупкое счастье –
Август. Лето двадцатого года.

* * *

На улицы спустились вечерние туманы,
И значит, снова осень вернулась в город мой.
Она мила со всеми, добра и, как ни странно,
Мне хочется побыть с ней, хоть ждут меня домой.

Прохладой полон сумрак и влагой прелых листьев.
Мне будто снова двадцать, я весела, юна,
И всё, что было раньше, что нынче только снится,
Опять ко мне вернулось. Гитарная струна,

Натянутая сильно, порвётся очень быстро.
Зато она звучала! За это и люблю
Вечерние мгновенья, воспоминанья, мысли –
Всё то, что осень снова вернула в жизнь мою.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФЕОДОСИЯ

Зной полуденный. Воздух недвижим.
Оглушительный стрекот цикады.
Вечность здесь реальней и ближе
Тысяч слов. Деревьев аркады
Не спасают живительной тенью.
Родники затаились. Сквозь камни
Проступает безликое время.
И по пыльной дороге – куда мне?
Богомол – неизменный хранитель
Этих мест, иссушённых июлем.
Подношение оставь. День в зените.
Слышишь, травы полынно вздохнули?

* * *

Август бросает мне листья
Под ноги, словно украдкой.
Вижу я медно-лисье
Что-то в его повадке.

Томно играет на солнце
Чёлка травы линялой.
Золотом дыня жжётся,
Точно в лавке менялы

Тайно заблещет монисто –
Деньги отдам, не торгуясь.
Мёда – того, золотистого –
Льются упругие струи.

Август чеканит монеты,
Аспры пополнят клады.
Астры проводят лето...
Скрипнет калитка сада.

* * *

Это время грецких орехов,
Спелых яблок, ночных дождей.
Что считать нам мерилом успеха –
Чтобы было всё как у людей?

Чтобы дом, и машина, и дача,
И Мальдивы, и мерседес?
Ну а если ты мыслишь иначе?
Как прекрасен осенний лес,

Когда синь безграничная в небе,
До прозрачности, до немоты,
Как зерно смысл свой видит в хлебе,
Так в поступках себя видишь ты.

И к чему разногласья и споры,
Когда мир тебе выбор даёт:
Жизнь плести бесконечным узором
Или крохи урвать от щедрот.

Это время прощенья и веры,
Тишины и сопенья детей.
Нам отпущено полною мерой
И любви, и стихов, и страстей.

В каждом вздохе – октябрь. Тихо осень
По тропинке из палой листвы
Подойдёт и застенчиво спросит:
«Я надеюсь, что счастливы вы?»

В КРЫМСКОМ ОСЕННЕМ ЛЕСУ

У подножья ёлок – шишки да хвоинки,
Изредка мышата шляпками мелькнут.
Занесло листвою жёлтые тропинки,
Осень как хозяйка поселилась тут.

И шиповник машет ветками-руками,
Полными поспевших ягод-огоньков.
Небо приделось в платье с облаками.
Мне орех признался: «К ноябрю готов!»

В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ

* * *

Ива разбросала жёлтые монеты
На асфальте мокрым, пахнущем дождём.
Белки пышнохвостые проводили лето,
Падают орехи в тёмный водоём.

Сшиты тонкой ниткой сонные аллеи,
Тополя прикрылись кружевом ветвей.
Тучи дождевые снова осмелели,
Шляпу нахлобучив парку до бровей.

«КРЫМСКАЯ ВЕСНА. 2014 Г.»

Серебряные нити проводов
Прозрачною накидкой февраля
Наброшены на плечи городов,
Но греют мало, и душа моя

В холодный и ненастный зимний день
Глядит в окно, где спрятан целый мир,
И, даже не отбрасывая тень,
Он намечает тонко, как пунктир,

Грядущие события, людей,
Переплетенье судеб, городов...
Мир тихо ждёт хороших новостей,
Бегущих по изгибам проводов.

Когда из песочных часов
Прозрачной струёй проскользнёт
Всё множество дней, лет и снов
И время устало вздохнёт,

Останутся только слова –
На камне, на глине, песке...
Всех тайн да сойдут покровы
Слезой на детской щеке.

...И снова перо чертит след
По белой холстине листа.
Ни боли, ни прошлого нет.
Душа первозданно чиста.

ПОСВЯЩЕНИЕ АННЕ АХМАТОВОЙ

Солнце сплетало узорные травы,
Тенью дразнило меня без конца.
Анна, я знаю, что вы были правы:
Быстро от славы дрыхлеют сердца.

Да, покрываются тонкою коркой,
Прячут подальше душевный огонь,
Тот, что давался нам долею горькой,
Мучивший нас изнутри испоконь.

Анна, вы знали, тогда уже знали –
Счастье в простых и обычных вещах:
В первом подснежнике, шумном вокзале,
В тёплой руке на озябших плечах.

Просто и мудро жить надо на свете,
Все испытанья в душе пережив.
Море и солнце, небо и ветер
Звонко сольются в единый мотив.

ИЗ КРЫМСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

КИММЕРИЯ МАКСА ВОЛОШИНА

Вечер. Пальмы. Кипарисы.
Рокот моря за окном.
Солнце сладкой барбариской
Поползло за окоём.

Так и кажется, что где-то
Сам Господь, безмерно прост,
Смотрит с неба на планету,
Как художник на свой холст...

У МОРЯ

Я к морю приехал. И вскоре
Постиг глубину простоты,
Увидев, что Бог – это море,
Ведь море полно красоты.

В Гурзуфе, Анапе, Мисхоре,
Куда ни заехал бы ты,
Постигни, что Бог – это море,
Ведь море полно доброты...

* * *

Слава Богу, не вымерли птицы в Крыму –
Так щебечут, что сладко душе и уму!
Слава Богу, полощется море у скал
И смягчает собою эпохи оскал...

ЕВПАТОРИЙСКИЙ МОНОРИМ

Правду жизни учил не по Торе я,
А по пушкинским дивным стихам.
Это в них я прочёл, Евпатория,
Про кораблик, что плыл по волнам.

Тот кораблик сегодня на море я
Видел въяве – он мимо бежал.
Как он вырос с тех пор, Евпатория!
Как он с пушкинских дней возмужал!

Он летел мимо пляжей, которые
Золотились песком из-под ив –
Только вспененный след траекторией
Перечёркивал синий залив.

И залив ли то? – консерватория! –
Ветер ставит тут голос волнам,
Чтобы слышала ты, Евпатория,
Как в прибое поют они нам...

В мире нет такой амбулатории,
Чтоб она, изучив нас за час,
Словно пляжи твои, Евпатория,
Выгоняла все хвори из нас.

И пускай вновь сорвусь на повторы я,
Но я снова и снова скажу,
Что и в дальнем краю, Евпатория,
Я в мечтах на тех пляжах лежу.

...Солнца золото по акватории
Растеклось, как расплавленный жир.
(Не смотри на него, Евпатория,
Чтоб сберечь глаза окнам квартир!..)

Вспомню радость свою или горе я –
И искусство сольётся с судьбой.
Нет отзывчивей аудитории,
Чем грохочущий «Браво!» прибой.

Время мимо течёт. И история
Приглушает здесь свой голосок.
Солнце, море... Вдали – Евпатория
Да утративший память песок...

ПОСВЯЩЕНИЕ КОКТЕБЕЛЮ

Коль нету дел – коктейли бей
Иль муть реклам с экрана сглатывай.
Но лучше – двигай в Коктебель,
Что весь от солнца словно матовый.

Невольно вскрикнув: «Как ты бел!» –
От света взгляд сощуришь истоиво,
И старый сплетник Коктебель
Тебе откроет свои истины.

Прислушайся: тут колыбель
Стихов, растущих, как горошины.
Не зря ведь помнит Коктебель
Хитон художника Волошина.

Остынь, не бегай как кобель
Ради хлопков аудитории.
Перед тобой – весь Коктебель
И море – аж до Евпатории!

Растает, словно карамель,
Мирская слава – хрен ли знаться с ней?
Один друг верный – Коктебель –
Всё ждёт тебя на пыльной станции.

Ну так скажи, каких тебе ль
Тут не хватает нынче прелестей?
О Коктебель мой, Коктебель,
Очаг поэзии и ереси!..

Гордыня в нас. Но, как на мель,
Судьба однажды вдруг нас вышвырнет...
Кто нас подхватит? Коктебель!
Лишь он шепнёт нам в ухо: «Выживем!»

Заплачет в сердце коростель,
Запляшет шум прибоа в памяти.
И над бедою – Коктебель
Восстанет, как Победы памятник...

ВОСТОРЖЕННОСТЬ

Море сегодня настолько морское,
Так бирюзой своей радует взор,
Что невозможно обидеть тоскою
Этот чарующий душу простор!

Примешь стаканчик вина под навесом,
Глянешь – бегут облака в горизонт,
Как паруса кораблей Херсонеса,
Через Эвксинский плывущие понт...

НА ЮГЕ

На юге спать ложатся рано.
Зато потом чуть свет встают
И, как ошпаренные, рьяно
Купаться к морю все бегут.

Там лезут в воду и хохочут,
Смеются, ойкают, визжат –
Как будто их сто рук щекочит
И тычут в плавки лягушат...

ЗАКАТ У МОРЯ

Вечернее солнце не дарит загара.
Вода холодеет. И хочется есть.
Заехать бы к теще... Да где ты, Самара?
Дорога длинна, километров – не счесть.

Стою на остывшем песке у прибоя,
Вдыхаю струящийся в воздухе йод.
То ль море висит надо мной голубое?
То ль синий лежит предо мной небосвод?

Колышет волною буйков вереницу,
Кричащая чайка заходит в вираж.
Всё ниже и ниже светило садится...
Всё тише и тише становится пляж...

КРЕДО

Море – это много воды.
Горе – это много беды.
Суша – это кол на меже.
Стужа – это холод в душе.

Чтобы не кануть в море – плыви!
Чтоб не засохнуть с горя – живи!
Чтоб не загнуться на суше – дыши!
Чтоб не замёрзнуть от стужи – пляши!

Кто там сказал, что я мыслью не дюж?
Я – инженер человеческих душ!
Мудрость со мной как в кармане пятак.
(Только вот что-то идёт всё... не так.)

Встретившись с морем – я пел и плясал.
Встретившись с горем – я песни писал.
Сушу увидев – её переплыл.
Стуже я двери и окна открыл.

Мне бы проснуться, да всё – наяву!
Мне бы загнуться – а я всё живу!
Мне б задохнуться – а я всё дышу.
Мне бы заткнуться – а я всё пишу.

«Море» и «горе» – выводит перо.
«Бьются в дозоре Зло и Добро».
«Стужа по суше идёт ко двору».
«Смолкнув, я струшу, струсив – умру».

Кто там сказал, что я духом не дюж?
Я видел столько споткнувшихся душ!
Но от унынья не бросил перо...
Брошу – а чем будет биться Добро?

Константин ФРОЛОВ-КРЫМСКИЙ

Константин Фролов-Крымский. Фролов Константин Юрьевич – замечательный крымский бард, актёр, поэт. Родился в 1956 году в городе Новохопёрск Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского педагогического института. Работал директором школы в одном из сёл Воронежской области. С 1983 года живёт в Крыму. С 1996 года работает в Крымском академическом русском драматическом театре имени М. Горького.

ЗЕМЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Зря вы, друзья, не поверили
В эти простые слова:
Земли Российской империи
Вновь собирает Москва.

Память народа нетленная –
Вызов былым временам.
Миссия эта священная
Ныне поручена нам.

Земли, что были украдены, –
Горы, леса и моря –
Кровью и дедов, и прадедов
Были политы не зря.

Да, будет трудно и хлопотно.
К Правде дорога длинна!
Но, коль утрёмся безропотно,
Грош нам, убогим, цена!

Не демонстрируя мускулы,
Жизнь свою ставим на кон!
Всё потому, что мы – русские.
Нам Справедливость – закон!

Мы не смирились с потерями.
И, засучив рукава,
Земли Российской империи
Вновь собирает Москва.

ПОДАРОК ДЛЯ МАМЫ

С непривычки каждый мускул стонет,
Хоть ни грамма лишнего в укладке.
Наш отряд бредёт по «серой зоне».
Безопасно лишь в лесопосадке.

Отчего-то ёкает в желудке.
Всюду посечённые деревья.
Наше дело – продержаться сутки
На краю покинутой деревни.

Заходить в деревню мы не стали.
Все дома, как видно, под прицелом.
На краю посадки окопались –
Хоть какой-то шанс остаться целым.

Сухпаёк – консервы да галеты.
Не впервой. Спокойно обойдёмся.
Главное – вода и сигареты.
С ними подкрепления дождёмся.

Там, на предварительном этапе,
Меж посадок лысый был кусочек,
Час назад по нам работал снайпер,
А чуть позже – наглый пулемётчик.

Оба косорукие, как видно –
Целились, но малость промахнулись.
Только нам нисколько не обидно,
Что вояки эти лопухнулись.

Солнце обещает тёплый вечер.
Но у нас нарушена «приватность»:

16.07.2022

Если появился дрон-разведчик,
Значит, скоро будет неприятность.

Не успели спрятаться в окопы,
Друг у друга прикрывая спины,
Как в подарок «щедрые» укропы
Нам прислали натовские мины.

Метрах в трёх – разрыв и свист осколков,
Звон в ушах, круги перед глазами.
От бронжилета мало толку,
Не пригнёшься – в клочья растерзает.

Я пригнулся, вжал по плечи шею,
С жаждою остаться невредимым,
Как волна промчалась над траншеей,
Всю округу застилая дымом.

Вновь разрыв, и кровь течёт из уха,
И земля трясётся и грохочет.
И с косою грязная старуха
К новой жертве дотянуться хочет.

Только нынче не срослось у дамы.
Жив-здоров. Лишь головокруженье...
Это был подарок мой... для мамы.
У неё сегодня день рожденья.

ЗНАМЯ НАД ХЕРСОНОМ

Я вижу Победное алое знамя!
И это, дружище, не сон!
Оно развевается гордо над нами!
Но здесь не Берлин, а Херсон!

И русское слово, законное, наше,
Звучит! Знать, настала пора!
И Вечный огонь вновь колыхнется в чаше
Над самую кромку Днепра!

Как долго, как долго мы этого ждали
Под гнётом нацистской чумы!
Но в пику бандеровцам не забывали,
Что, в сущности, русские мы!

Что будет земля по-весеннему рада,
Как будто ожившая плоть,

И вновь расцветут Справедливость и
Правда,
Как этого хочет Господь.

Я верю – наступит Девятое мая,
И площадь заполнит народ,
И бабушка с флагом, немного хромая,
Уверенно выйдет вперёд!

И солнце пригреет спокойно и мирно,
И смолкнет взволнованный гул.
И вдруг прозвучит долгожданное
«Смирно!
Равнение... На караул!»

20.04.2022

ОДЕССА

Над Окраиной кружатся бесы.
Дым ползёт от горящей травы...
Непокорная дама Одесса
Ждёт условный сигнал из Москвы!

Дни, недели сливаются в годы.
На крестах увядают венки...
Но в огне не отыщется брода.
Надо будет идти напрямки!

Ни к чему поминальные речи.
Не покроется память быльём!
Помнят все, как фашистская нечисть
Непокорных сжигала живьём.

Это делалось подло и гадко,
В дикой злобе отдав тормоза.
А фальшивые «стражи порядка»
Отводили трусливо глаза.

Но Победой закончится пьеса!
Над Потёмкинской Дюк подмигнёт!
Непокорная дама Одесса
Снова полную грудью вздохнёт!

И не будет дурацких вопросов
Со слюною на жёлтом клыке!
И споёт, как когда-то, Утёсов
На понятном для всех языке.

СВЕТЛОЕ МЕСТО

Таёжная даль. Край глухого села.
Вокруг лишь леса да болота.
Отсюда, уж если судьба привела,
Не выбраться без вертолѐта.
Суровую память хранит о былом
С дощатою крышей избушка.
Внутри, под иконой, за скромным столом –
Почтенный старик и старушка.

На бабушке старый цветастый платок.
Старик в душегрейке овчинной.
Пред ними в горшочке алеет цветок
Зажжённой под вечер лучиной.
– Гляжу, погибает. А трогать боюсь –
А вдруг оклематься не сможет?
Я вынесла утром цветочек на русь,
И он, слава Господу, ожил.

Не верю ушам!
– Вы сказали – «на русь»?
– На русь! – И в окошечко жестом.
– А что это значит, гадать не берусь?
– На самое светлое место!
Так вот в чём России сакральный секрет,
Смиренья, молитв и бунтарства!
Весь мир – это Сумерки! Русь – это Свет!
Америка – Тёмное царство!

ВЕРНУЛСЯ С 3-Й МИРОВОЙ

Дождливым днём, когда вода стеною,
Контуженный, уставший, но живой,
С отчётливо заметной сединою
Мой сын вернулся с Третьей мировой.

Он снял рюкзак, армейские ботинки,
Неторопливо на диван присел,
И я заметил ранние морщинки
У глаз, познавших смерть во всей красе.

Я понял, что душа его клокочет,
Что боль не рассосётся как-нибудь.
Он долго ждал, он высказаться хочет,
Освободить истерзанную грудь.

Что ж, говори! Не пророню ни слова.
Я, как священник, исповедь приму.
Война бесчеловечна и сурова.
Её не пожелаешь никому.

Он рассказал мне о ночах бессонных,
О перегретых от стрельбы стволах,
Осколками стальными посечённых
Домах, заборах, стёклах... и телах.

О том, как у других «сползала крыша»,
Но он следил всё время за собой,
О том, как спал, но всё прекрасно слышал
И был готов принять внезапный бой.

О том, что не всегда везло с погодой:
То солнышко, то дождик моросит.
О том, как тѣзка, снайпер, одногодок
Расслабился чуть-чуть... и был убит.

О минах, разрывающихся рядом,
От коих звон в ушах и тошнота,
О площадях, что накрывают «Градом»,
Стирая, словно живопись с холста.

Он вспомнил дым пылающих покрывшек,
Висящий непроглядной пеленой,
И госпиталь, и множество мальчишек,
Нешадно изувеченных войной...

А за окном гремел по крышам зданий
Дождь проливной, июньский, грозовой,
Стараясь сгладить боль воспоминаний
Того, кто выжил в Третьей мировой.

24.06.2022

Елена ОСМИНКИНА

Поэт, публицист, филолог, критик. Член Союза писателей России. Заслуженный деятель искусств Республики Крым. Лауреат ряда всероссийских литературных премий и конкурсов Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма. Автор девяти книг и многочисленных публикаций в популярных изданиях РФ, среди которых – «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Подъём», «Сибирь», «Александръ», «Невский альманах», «Новый Енисейский литератор», «Московский литератор», «Литературная газета», «Российский писатель», «День литературы» и другие.

* * *

И отзываются сердца
На звон Руси сквозь сотни лет –
Воспламенившись, до конца
В ней ощущают смысл и свет,
Клянутся не отдать врагу,
Защитой быть, спасти от бед.
И каждый нынешний – в долгу
Перед победами всех лет,
Когда отпор давали тем,
Кто руки жадные тянул,
Туманил лестью, а затем
Через колено подло гнул...
И слово «Русь» тогда звенит,
И каждый звук набатом бьёт
И собирает, как магнит,
Как светоч, русский наш народ!

* * *

В молитвословии ковыль
Склонился к землям Тарханкута,
Где настоящее и быть
Веков ушедших просто спутать:

Всё та же бездна синевы
Над хрупкой далью горизонта,
Ветрами будто бы волхвы
Раздули жар палящий солнца.

И шёпот ковылей седых
Звучит как вечная молитва,
В картинах строгих и простых –
Иконописная Таврида.

ОСЕННИЙ СПЛИН

Ветер сутулит спины
Жёлтых берёз атласных.
Вечер печально-длинный
Чёрным кострищем гаснет,
Стелется под ногами
Там, где пестрит гербарий
Листьев сухих. Дождями,
Серостью дней и хмарью
Сломлена я в унынье –
Не помогает чаще
Чай «бергамот с малиной»
В розово-хрупкой чашке.
Верное средство всё же
Есть и в осенней драме:
Заворожит, встревожит
Глаз бирюзовых пламя.

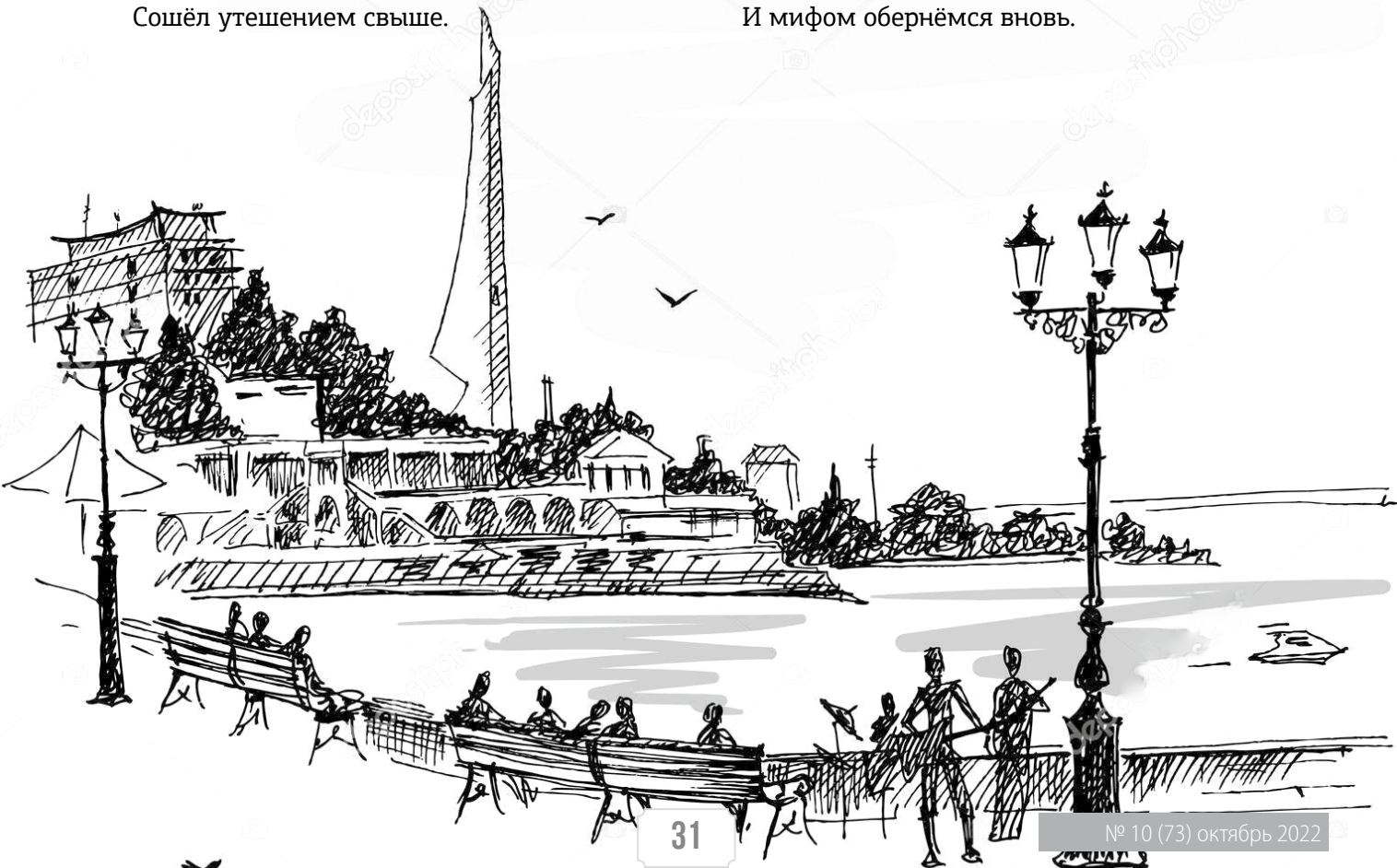

* * *

* * *

Скроила платок из тумана
Озябая к ночи река.
Цветами гордятся луга,
Увянуть которым не рано,
Но осень забывчива в сроках
И зелень с макушек леска
Всё так же капризно пока
Не смысла дождливым потоком.
До сумерек сизых старухи
На лавке сидят у ворот.
На лицах – морщины невзгод,
И жизнью натружены руки,
И в душах давно уже осень
Порядки свои навела.
Но всё же немного тепла
Сердца утомлённые просят,
И тих разговор о прошлом,
О тяжком – тогда и сейчас...
Умолкли, задумавшись враз,
Дрожащие слёзы смахнули.
А в сумерках – золотом вышит
Закат, словно ангела свет,
Который на горечь их бед
Сошёл утешением свыше.

И глаз луны, смотревший ярко
В незрячую бесплотность тьмы,
Померк – рассвет по кромке стартной
Ступает робко. И немые
Пока его шаги. И ветер
Не распалил зарёй восток,
Но день, рождённый в лоне света,
От солнца отделиться смог.
И в тайне нового рожденья
Познать бы смысл и высоту
И научиться без смятений
Ценить мгновений череду.
Ум человеческий стремился
До возвращений снова в высь
К тому, чтоб людям приоткрылся
Земных рождений главный смысл.
И снова глаз луны мерцает,
И снова день, и новый ум
Опять неистово мечтает
Найти зерно в плетенье дум
Возвышенных, высококрылых...
Вновь обретая плоть и кровь,
Из вечности впорхнули былью
И мифом обернёмся вновь.

Инна КОЗЕЕВА

Член Союза писателей России, Союза журналистов России, лауреат премии имени А. П. Чехова

*Героическому народу Великой России
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

БАЛЛАДА О НАРОДНЫХ МСТИТЕЛЯХ КРЫМА

В Германии пришедший к власти Гитлер
Мечтал о скором мировом господстве.
В рейхсканцелярии в глубокой тайне
«План Барбаросса» в сейфе укрывали:
Зловещие страницы предрекали
Падение Советского Союза,
Уничтожение его народов.

В Берлине книгу «Готенланд» издали –
«Страною готов» Крым именовали
В честь племени германского остготов,
Что нашу землю жгли и разоряли
В далёком и кровавом третьем веке.
...И вновь запылал огонь над Крымом!
Перед ордой фашистской отступая,
От Перекопа горной шли дорогой
Бойцы Приморской армии на запад,
Чтоб биться там с врагом за Севастополь.

Теперь на партизан одна надежда!
Алуштинский отряд ушёл с рассветом
В ущелье Узен-Баш, в лес заповедный.
Здесь приготовлена была стоянка
С боеприпасами и провиантом.

Крещение боевое получили
В сражение на Ангарском перевале:
Колонну вражескую задержали
И дали знать фашистам, что не будет
Их пребывание в Крыму спокойным!

Война с врагом на горных шла дорогах:
Из снайперских винтовок партизаны
Прицельно били по автомашинам,
Летели взорванные «семи тонки»
С солдатами по горным кручам в пропасть.

В лес двинулись карателей отряды,
Прочёсывали каждое ущелье,
Урочища, овраги и пещеры,
Сжигали партизанские стоянки,
Над ранеными зверски издевались.

Был уничтожен лагерь партизанский
В ущельях Яман-Таш и Ай-Иори.
Пришлось на Бабуган-Яйлу подняться,
Чтобы отряд спасти от истребления
И с оккупантами борьбу свою продолжить.
Разведчикам нередко удавалось
Добыть штабные документы немцев,
Планшеты с картами и планом операций,
А у горы Кагель был ими взорван
Пульт управления прожекторами.

...Но вот врагом захвачен Севастополь.
Каратели вновь в горы устремились,
Здесь их огнём встречали и штыками.
И, отступая, оставляя трупы,
Кричали немцы: «Ахтунг! Партизанен!»
...Освобождён был Крым в сорок четвёртом.
Бойцов отдельной армии Приморской
Народ встречал повсюду хлебом-солью.
Оплакивали горестно погибших,
Цветы на их могилы возлагали...

Народных мстителей мы подвиг помним!
И имена героев не забыли.
Подпольщиков и партизан мы славим!
О них поведаем потомкам нашим!

*Подвигу отважной партизанки
Героя Советского Союза
Елизаветы Ивановны Чайкиной
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

В историю вошёл год сорок первый
Трагедией великой, всенародной:
Над Родиной летали самолёты
На фюзеляжах с чёрными крестами;
Немецкие пилоты, усмехаясь,
На мирных граждан сбрасывали бомбы
И города в руины превращали!
Но где война ещё не разразилась,
Там лён в полях сиял голубизною;
Пшеничные колосья золотились,
Чтоб щедро накормить народ наш хлебом.
А секретарь райкома комсомола
Елизавета Чайкина старалась
Бесценный дар земли спасти от немцев –
Чтоб даже зёрнышка им не досталось.
Хлеб ждут в Москве, он очень нужен фронту!

Но вот в огне уж ближние деревни,
Утюжат землю гусеницы танков,
И флаг со свастикой зловеще реет.
Треск мотоциклов, лающие крики:
«Рус! Хальт! Цурюк!» Облавы, пытки, казни...
Эсэсовцы лютуют, полицаи
Выслеживают всюду активистов,
Евреев, коммунистов, комсомольцев.

Родимый лес стал партизанским краем.
Здесь Чайкина – разведчица в отряде,
Она же заместитель командира.
В жестоких схватках с нечистью фашистской
Взрывала вражеские эшелоны
И мстила за товарищей погибших.
Бывала Лиза Чайкина и в сёлах,
Она листовки людям раздавала –
Делилась с ними новостями с фронта.

Но выискался прихвостень фашистский –
Донёс предатель староста на Лизу.
Её схватили немцы вьюжной ночью,
Допрашивали: «Где есть партизанен?
Ты лютше ковори, не то повесим!
Так глупо умирайт за эти лютди!»
Пытали зверски, люто издевались.

Но не сломили девушку нацисты.
На месте казни крикнула народу:
«За Красной армией победа будет!
Родные! Помогайте ей и верьте,
Что мы очистим землю от фашистов!
Прощайте!..» Из толпы старик ей крикнул:
«От нас тебе великое спасибо!»

Осталась Лиза в памяти народной.
Прекрасное ей дали имя – Чайка.
«За нашу Чайку!» – надпись на снарядах,
Что немцев беспощадно истребляли.
Берлин повержен – и пришла Победа!

Все семьдесят семь лет мы жили мирно,
А вот сейчас сражаемся с нацизмом,
Что новою войной грозит планете.
Народ наш в час суровых испытаний
Встал на защиту матери-России!

СКАЗАНИЕ О ПАМЯТНИКЕ У ПОДНОЖИЯ САПУН-ГОРЫ

Шла по крымской дороге, опалённой войной,
Мать, в чьём сердце стучало: «Мой сыночек
родной,

Я спешу к тебе, милый, чтоб тебя увидеть,
Чтоб тебя, мой родимый, нежно к сердцу прижать.
Супостатам тебя не позволю убить,
Я готова собою жизнь твою защитить!»

Впереди – Севастополь, канонада слышней,
Здесь бои за высоты шли уж несколько дней.
Там, где раньше пшеницей колосились поля,
В адских огненных муках содрогалась земля!..
Часовой крикнул строго: «Стой, куда же ты, мать?»
И она отвечала: «О сыночке узнать...»
В блиндаже у комдива стала слёзно просить:
«Мне б свидание с сыном...» – «Не могу разрешить:
Полк, где сын твой, штурмует там, на склоне горы,
Вражьи доты и дзоты. Подожди до поры».
И тогда на колени опускается мать:
«Дай в последний разочек сына мне повидать!»

По камням раскалённым мать бесстрашно ползёт –
Из окопа в траншею, ищет сына, зовёт.

И летит перед нею, словно птица, молва:
«Чья-то мать ищет сына, сына ищет, братва!»
И у каждого сердце вмиг забилося сильнее –
Словно вспыхнул свет добрых материнских очей!
И неведомой силой вдруг тела налились,
На фашистов в атаку в полный рост поднялись!
Смяли вражьи заслоны, словно вихрь огневой,
Алый флаг водрузили над Священной горой!

...И стоит – уже в бронзе – с той военной поры
Мать, обнявшая сына, у подножья горы.

КАК БЫЛА СПАСЕНА ЯЛТА В 1944 ГОДУ

В апрельский день весны освобожденья
Отряды партизан и батальон стрелков
Вели ожесточённое сраженье,
Чтобы избавить Ялту от оков.
Нет, не цвели тогда на юге розы.
«Враг мины заложил, – разведка донесла, –
Над Ялтою – смертельная угроза:
При взрыве город весь сгорит дотла!»
...Не будет Ялта жертвою нацистов,
Не превратить злодеям город в прах и тлен!
Но где же мины спрятали фашисты?
Допрашивают немцев, взятых в плен.
Часы бегут... И вот – последний пленный,
С гримасой злобною упорно он молчит.
«Пусть разговор наш будет откровенный, –
Наш лейтенант в глаза ему глядит. –
Не правда ль, чудный городок у моря?
Писатель Чехов здесь в начале века жил,
О будущем мечтал, с друзьями спорил,
Он в Ялте был любим и сам любил.
Читали, может быть, его рассказы?
И много пьес он для театра написал...»
Тут пленный немец оживился сразу
И головой согласно закивал:
«С собачкой дама... он в неё влюбился...
На пьесы Чехова мы ездили в Берлин!»
Признался, что сапёр, и согласился
Он рассекретить сеть коварных мин.
И Ялта обрела в тот день спасенье!
Антон Павловича мы благодарим,
Ему за новое её рождение
От всей души «Спасибо!» говорим.

ЮНЫЙ ПАТРИОТ

*Посвящается Алёше Павличенко
из Белгородской области России*

У широкой шоссейной дороги
Мальчуган восьмилетний стоит.
Взор его карих глаз очень строгий.
Он в туманную дымку глядит.
Вот вдали показалась колонна
Наших танков и бронемашин.
Уж немного осталось до фронта,
Где у них будет бой не один!
Мальчик воинам машет рукою,
Долго смотрит с улыбкой вослед.
С непокрытой стоит головою,
В рубашонку простую одет.
«Я солдатам успехов желаю,
Здесь стою на своём я посту.
Стать я тоже военным мечтаю,
Офицером, когда подрасту!»
Вот такие в России ребята,
В них отвага с рожденья живёт.
И для них слово «Родина» свято!
Время подвигов позже придёт.
И однажды, увидев мальчишку,
Спрыгнул с танка весёлый боец,
Снял свой шлем и надел на парнишку:
«Получай мой подарок, малец!»
И теперь наш Алёша танкистам
По-военному честь отдаёт!
Он всем сердцем своим добрым, чистым
Твёрдо верит: Победа придёт!

18 августа 2022 г.

Лидия ОГУРЦОВА

Поэт, прозаик, психолог. Член Союза писателей и Союза журналистов России, Национального союза писателей Украины. Заслуженный работник культуры Крыма. Лауреат литературных премий, в том числе Государственной премии Республики Крым (2001), Всероссийской литературной премии им. Николая Гумилёва (2014, Москва), Корнейчуковской премии (2013, Одесса). Возглавляла молодёжный журнал «Алые паруса» (2003–2005), газету «Целительная сила». С 2005 по 2015 год – учредитель и главный редактор журнала «Литературный детский мир». Печаталась в журналах «Мурзилка» (Москва), «Простоквашино» (Москва), «Рюкзачок» (Минск), «Роман-газета» (Москва), «Брега Тавриды» (Крым), «Крым» (Симферополь), «Дошкольное образование» (Москва), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Звёздочка наша» (Барнаул), «Скифия» (Киев), «Литературный перекрёсток» (Москва), «Современный детский сад» (Москва) и др. Автор сорока изданных книг. Руководитель Объединения детских писателей КО СПР. Член жюри литературных конкурсов, в том числе отборочных туров Международного детского конкурса чтецов «Живая классика» в Артеке.

* * *

Порой стихи как капельки росы –
Их щедро дарит на рассвете утро.
Они как луч густого перламутра,
Скользнувший в толщу облачной грозы.
Как озорной пляс ветра-шалуна,
Играющего рябью в синем море.
Как отражение Духа на Фаворе,
Во всём себя познавшего сполна.
В них трепет чувства, бархатистость сна
И запахи лавандового лета.
В них мысль проста бесхитростностью света
И любящей молитвою Христа.

СЛОВО

Из сотни слов я выберу одно –
Подружка-ночь на ушко мне шептала
Его под утро. Я ещё не знала,
Какою магией оно окружено.
Я только прикоснулась к звукам нежным,
Прислушалась... и растворилась в них
Всем существом, всем будущим и прежним –
В одном лишь слове, заменившем стих.
И, насладившись совершенным звуком,
Душа встречала алую зарю,
А слово, повернув к своим истокам,
Звучало эхом: «Я люблю, люблю...»

ТОЛЬКО ХОРОШЕЕ

Сыплется, сыплется снежное крошево,
Ветер шаманит за влажным окном.
Только хорошее... только хорошее...
Муза из слов соткала полотно.

Дни – календариком. Шарик наш вертится...
Счастье-ненастье. Стучит метроном.
Кто-то предаст, с кем-то слюбится-стерпится,
Кто-то забудет дорогу в мой дом.

Серые будни в платочках поношенных
Высушат слёзы в глазах у Пьеро.
«Только хорошее... только хорошее...» –
В строчку упорно выводит перо.

Всё перемелется, всё переменится...
Видно, у Господа всё учтено.
Знаю, в хорошее снова поверится
В день, когда сыплется снег за окном.

КОКТЕБЕЛЬ

И снова нас встречает Коктебель
Морской волной и горечью полыни,
Ковром из чабреца – мне и тебе,
Разостланном на горном склоне ныне.
Зовёт пройтись волошинской тропой –
Искатель мыслей, вольный, как бродяга, –
Полюбоваться на морской прибой
У склона дремлющего Кара-Дага.
И надышаться Крымом до основ,
До самых древних, первозданных смыслов.
И где-то здесь, у скал, сам Гумилёв
Разгадывает тайну слов и чисел...
Оставив в прошлом твердь земных тревог,
У моря вновь стихи слагает Анна.
Здесь строки песен тихо шепчет Бог,
Здесь Слово будет Небом осиянно.

БЛАГОДАТЬ

...А утро пахло кофе и стихами,
И новый день мне обещал тебя,
И по окну жемчужины стекали
Слезинками продрогшего дождя,
И наполнялся запахом и звуком
Младенец-день, чтоб позже выпал снег,
И, обегая циферблат по кругу,
Две стрелки суетились, чтоб успеть
Часам пробить двенадцать – гулко, дерзко, –
А нам успеть желание загадать, –
И снегом припорошенные фрески
Пообещают миру благодать.

* * *

Когда в ответ услышал «нет» –
Будь благодарен тем,
Кто, дав тебе такой ответ,
Избавил от проблем.

* * *

Закон судьбы придуман небесами:
В нём время разрушать и создавать.
Предательство мы выбираем сами –
Не стоит на Всевышнего кивать.

* * *

Талант мы превозносим после смерти,
Хвалу поём ему на все лады.
Когда ж научимся мы в вечной круговерти
Прижизненно оценивать труды?

ХУДОЖНИК

*И всё терялось в снежной мгле, седой и
белой...*

Б. Пастернак

В незавершённости строки
Укрылась тайна,
И наносила кисть мазки
Как бы случайно,
По белизне холста скользя
Без остановки
Из запредельного «нельзя» –
На слой грунтовок.
И проступали ночь, луна,
Окно и дева.
И тень летела от окна,
И мгла редела...
И две короткие строки
О том, что «можно»,
Рождая в муках и тоске,
Вписал художник.
Он был творец, он был поэт,
И бог, и мистик.
Плясали буквы менуэт
Сакральных истин.
И ангел плечи обнимал,
Смирал ненастье,
И плоть искала свой причал –
Дышала страстью...
И снег таинственно блестел –
Утихла буря,
И высыхало на холсте:
«Тебя люблю я...»

УРОБОРОС*

* * *

Круг замкнулся – будущее в прошлом.
Хвост змея безжалостно кусала.
День был не плохим и не хорошим –
Мы его окрашивали сами.
Размышляя о святом и грешном,
Суетились, хмурились, спасали,
Выбирая алгоритм прилежно
Между «я хочу!» и небесами.
Между «хорошо» и «как придётся»,
Между «будем вместе» и «расстаться»...
Оставляя тем, кто остаётся,
Выбор: «быть собой» или «казаться».
Выбирали сильных и успешных,
Ожидая похвалы и лести...
Круг замкнулся плавно и неспешно
В той же точке, в том же самом месте...

ЦИФЕРБЛАТ

У каждого – свой личный циферблат,
Где время, будто майский мёд, тягуче.
Где среди прочих, очень важных дат
Ворвётся, как бродяга, странник-случай,
Чтоб, изменив ход правильных планет,
Минутами веселья насладиться
И, звёздный оседлав кабриолет,
В чужих мирах мгновенно отразиться.

У каждого – свой личный циферблат,
Где грёзы чередуются с делами,
Детьми, бессонницей, величиной зарплат,
Обидными иль добрыми словами.
Бегут секунды, споря с суею
В предутренней или ночной молитве,
Беспечно отправляя на покой
Часы побед, минуты страстной битвы...
У каждого – свой личный циферблат:
Мгновенье в нём вместить готово вечность.
Отсчитывая время важных дат,
Посетuem на жизни быстротечность...

Поговори со мною о любви,
Дыханием коснись моих ладоней.
Вдвоём оставшись в полусонном доме,
Сойдутся наши судьбы визави.
И поцелуй сорвёт печати сна,
Стирая между «Ты» и «Я» границу,
Любовь вспорхнёт счастливою Жар-птицей,
В атлас небесный погружая нас.
Укроет ночь от любопытных глаз
Гирлянды окон в доме, что напротив, –
И в унисон звучащей нежной ноте
Два сердца устремятся на Парнас.

* * *

Ты – берег мой, и я к тебе плыву,
Как мотылёк, лечу в твою обитель.
Мой нежный друг, мой ангел, мой хранитель,
Тоскую о тебе и грежу наяву.
Ищу твой след в мерцанье фонарей,
В ночном такси, в густой листве опавшей.
Ищу тебя, мой ангел, опоздавший
На бал хрустально-белых январей.
Сквозь жар пустынь и холод зимних стуж
Часы моей любви спешат навстречу –
Туда, где поджидающий нас вечер
Построил мост двух одиноких душ.

ПЕПЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

Пепельное счастье таяло, как дым.
Пепельное счастье в сердце мы храним.
Уходило лето, дождик моросил,
Будто звал он: «Где ты?», плакал и просил.
Засмотрелась осень в реку поутру,
И октябрь бросил жемчуг по стеклу –
Замело ненастье, встреча далека.
Пепельное счастье тает в облаках.
Снегом на дорогу – не найти причал,
Лишь в окне с тревогой всё дрожит свеча.
Пепельное счастье стоит ли хранить?
Нам ли возвращаться, нам ли вновь любить?

* Уроборос – змея, кусающая себя за хвост, – символ вечности.

МЕТРОНОМ СЧАСТЬЯ

Частная стоматологическая клиника, в которой я на полгода арендовала небольшое помещение для психологического консультирования, находилась в центре города. Внутри была тихой и благообразной, с уютными диванами, пейзажными картинами на стенах, улыбочивыми регистраторшами и неизменной чашечкой кофе или чая долгожданным клиентам.

Дела у клиники были не хороши – то ли стоматологи не внушали доверия, то ли реклама не работала. Сотрудники часто сидели без дела и существовали за счёт спонсорской помощи мужа хозяйки, Ирины.

– Приятно познакомиться! – обратилась я к представившимся мне в обеденный перерыв сослуживцам.

Две работницы регистратуры Милана и Надина, старшая медсестра Татьяна и хирург Руслан расположились в мягких кожаных креслах вокруг инкрустированного серебристым орнаментом овального стола, на котором стояли судочки с привлекательной снедью из соседнего кафе-ресторана.

Я уже собралась пошутить над Русланом: «А где же Людмила?», когда услышала голос появившейся в дверном проёме похожей на подростка девушки. Легкомысленные косички, короткая юбка, топик, открывающий её голые руки, плохо соответствовали статусу врача престижного лечебного учреждения.

– Не спешите с выводами! – решительно заявила вошедшая барышня и уселась на ши-

рокий подлокотник кресла, в недрах которого уютно разместился Руслан.

Это было моё первое знакомство со Светланой, работавшей стоматологом в клинике и ставшей на некоторое время объектом моего наблюдения. Неуёмное желание нравиться и в то же время умение безжалостно дать отпор напомнили мне в ней черты избалованного ребёнка.

Худенькая, с маленькой, как у девочки, грудью, Света от сильного пола хотела двух вещей: денег и секса. В свои неполные тридцать шесть она ещё не была замужем, перебирала парнями от пятнадцати до пятидесяти пяти и рассуждала весьма категорично.

– Я хочу всё и сразу: мужа и бизнес!

Более удачливые подружки-докторши, имеющие богатых мужей, девушку раздражали.

– Ненавижу! Ненавижу это состояние убогости! – злилась она на свою жизненную неустроенность.

При всей своей капризности, мне она нравилась. Кокетливая, идущая на таран, живая. Она проецировала на партнёра себя с такой силой и страстью, что раздвигалась и завладевала им. Но любила она только себя.

Все остальные – в основном избранники противоположного пола – существовали для удовлетворения её бесчисленных желаний.

Так уж получалось, что график моей работы совпадал с графиком моих знакомцев, и наши посиделки за чашечкой кофе стали регулярными.

Поговорив немного о новостях стоматологии, перипетиях погоды и капризах пациентов, сворачивали разговор на личные отношения.

– Светочка, детка, а где Виталик? – спрашивала девушку администратор Милана при очередной нашей встрече.

Любительница животных, она внешним обликом и характером соответствовала имени: была мила и терпима к сумасбродствам представителей младшего поколения.

– Зачем мне Виталик? Я такая офигенная! Столько тепла ему подарила. От него только машину хотела. А он, гад, «на машину сама зарабатывай», говорит.

– Он ведь с женой из-за тебя развёлся, сына бросил, – мягко укоряла администратор Светлану.

– После ночи с Виталиком меня на улицу от неудовлетворённого желания выносит. Хочу такого, как Андрей! – нескромно заявляла девушка.

Андрей, выражаясь Светиным языком, «был конь». В это понятие она вкладывала состоятельность, сексуальность и умение нравиться женщинам. Они познакомились пару месяцев назад. На приём к сексапильной докторше он приезжал в новеньком «Мерседесе».

– Я – маленькая дьяволица. Я страстная и мощная. Мне нравятся машины и мужчины. И они это чувствуют, – безапелляционно заявляла девушка.

– Кто чувствует? Машины? – усмехалась Надина.

– И те и другие. Я хочу власти и денег!

– Заладила: денег, денег, – брюзжала Татьяна, волевая дама, имевшая длительные амурные отношения с главврачом медсанчасти.

– Деньги – это любовь! – с нежностью в голосе отвечала Светлана. – Как может быть любовь без денег? Ну скажите, как я могу чувствовать себя комфортно в дешёвой одежде?

Она действительно не понимала как, и меня это забавляло.

– Вот послушайте, – откровенничала девушка, слегка прикрыв глаза и старательно вспоминая. – Вчера были с Сашей в ресторане. Входим – на нас все смотрят. Как это приятно!

Саша такой презентабельный. И рядом с ним – я! Такая кошечка-кошечка, такая принцесса! Идём с ним под ручку, и вдруг я понимаю: есть обычные люди, а есть особенные. Мы с Сашей – особенные!

– А обычные – это мы, что ли? – возмущённо фыркала Надина, от избытка чувств расплескав кофейный напиток по инкрустированному столу.

– Обычные – это те, кто без вкуса, – растягивая слова, поясняла маленькая дьяволица, – кто не чувствует веяние времени. Кто живёт в нищете. И не смотрите на меня так!

– Как? – заводилась Надина.

– Осуждающе. Я знаю! Потом я Саше в джакузи массаж делала. Намазала его кремом и жду. Чувствую, что уже люблю его. Внутри себя люблю. Глажу его, ласкаю, смотрю на него, как лисичка, и думаю: что он мне подарит? Почувствует он моё биополе, которое я специально создала для него?

– А если не почувствует и ничего тебе не подарит за твой массаж и биополе? В смысле, денег не даст, машину не купит? – недоверчиво вопрошал Руслан.

– Тогда какая мне от этого мужчины маржа? – искренне удивлялась дьяволица.

– Маржа – это что-то из брокерского? – вспоминала я значение термина.

В голове Светланы мужчина и чистая прибыль были неразделимы.

– Мужчина покупает отношение женщины! Это всем ясно! Хочет моё внимание – пусть платит! – кокетливо щурясь, втолковывала нам девушка.

– А если не заплатит? – допытывался Руслан.

– Тогда я ничего ему не дам: ни любви, ни заботы. Не дам, потому что мне не дали! – Светлана капризно поджимала губы и уходила в свой кабинет для приёма очередного пациента, мающего зубной болью.

Руслан не понимал. У него была беременная жена, которую он безумно любил. «Женщина-несчастье, – говорили о ней регистраторши, – то ногу ломает, то вместо таблетки свечку вагинальную проглотит». Сейчас она ходила на седьмом месяце беременности с гип-

сом на руке. Руслан звонил ей по несколько раз на дню, шептал нежные слова и взгляды Светланы на отношение женщины к мужчине не разделял...

– Ты рассуждаешь, как испорченное дитя, – говорила я при следующей нашей встрече, вечером после приёма, оставшись с девушкой наедине. – Ты же умная! И профессия у тебя, как считали наши бабушки, хлебная. Стоматолог! Ну выйдешь ты замуж за богатого старого дяденьку. Он же «секонд-хенд», вторые руки! Жена, дети, любовницы... Как долго ты готова терпеть, подстраиваться под его желания без любви и сердечной привязанности?

– Меня достало состояние убогости! Понимаете? До-ста-ло! – злилась Светлана. – Вы видели квартиру, в которой я живу? Нет? Нищета. А всё потому, что папа, которого я любила, с которым была ласковой доченькой, ничего мне не купил!

Квартира как квартира. Я знала, что от денег отца моя новая знакомая отказалась и жила в однокомнатной съёмной «хрущёвке».

Семья у Светланы была примерная. Отец руководил заводом в районном центре. Статный, харизматичный, он был хорошим организатором, деятельным и справедливым.

– Папа любил порядок. Рабочим на заводе построил спортивный клуб, бассейн, кафе. И ещё много всего удобного для быта простого человека. Я отца обожала, считала его «семьянином в кубе», злилась на маму за то, что та изводила отца ревностью, что не имела собственных денег и приспособлялась, как хамелеон, к любой ситуации.

Дома во главу угла ставилась дисциплина. Семья жила на широкую ногу: принимали гостей, готовили разные вкусности. Отец Светку любил, денег не жалел. Бывало, вспылит, когда та у зеркала обновку примеряет: «Главное, что у тебя в голове, а не то, что сверху надето!» И тут же, остывая: «Спортом занимайся, дочка!»

– После маминой смерти любимый папочка привёл в наш уютный шикарный дом молодую шалаву. «Живи с нами, я тебя не выгоняю, – сказал. – А у меня должна быть собственная жизнь!»

Ещё при жизни матери Светлану бесили её истерики, её усталость и ревность. Иногда казалось, что она хочет, чтобы отец принадлежал только ей, что она ревнует его к матери, чувствует вину и от этого становится агрессивной.

Она то злилась, то жалела мать. А та будто и не замечала неприязни дочери, всё книжки подсовывала: «Почитай, доченька». Просила: «Не выделяйся, Светочка, будь как все».

Быть «как все» Светлана не желала.

– Спасибочки! Кушайте сами! Нет, деньги я получу, став женой мужчины со средствами. И буду рулить во всём! – оптимистично заявляла маленькая дьяволица, сокрушительно потрянув косичками. – Семья существует для наслаждения тела. Я стану текучей, я буду взаимодействовать со своим мужчиной. Я войду в него, и моё желание превратится в его желание, а мои мысли будут его мыслями. Я уберу все деструктивные программы из своего подсознания, сотру их, как вирусные файлы на компьютере!

Обычно про подсознание с деструктивными программами Светлана вспоминала после очередного вебинара, проводимого по интернету в режиме реального времени (в основном по ночам) одной из гламурных кошечек (а может, дьяволиц), вещающих с экрана монитора о премудрости мужской психологии.

– Женщина не изменит качеств мужчины, но может вдохновить его на достижения, – говорила я Светлане после её очередного недосяпа. – Женщина лепит мужчину, защищает его от жизненной неразберихи. Мужчина лепит женщину и показывает ей, как она прекрасна! И не обольщайся. Все мужчины хотят секса с минимальными затратами, и очень немногие хотят жениться или ищут свою женщину.

– Вот не надо, хорошо? – раздражалась барышня. – На меня и так накатывает критиканство. Всё время мысли в голове крутятся: «Ты не модель», «Куда лезешь?», «Ты обычная, глупая и некрасивая, и пальцы у тебя короткие...»

Я оценивающе воззрилась на руки Светланы. Да, пальцы коротковаты. Ну и что? Разве любят за длину пальцевой фаланги?

– Пойми, не бывает совершенных людей, как не бывает идеальных условий. Жизнь под-

брасывает нам проблемы, чтобы мы их решали. Не бывает всё и сразу. В одном человеке не вмещаются все достоинства, обязательно найдутся недостатки. Пусть даже короткие пальцы. Думать по-другому – наивно. Вопрос заключается в том, сможешь ли ты мириться с этими недостатками.

Светлана слушала, глядя прямо на меня, и недоверчиво качала головой.

Наши душевные разговоры обычно начинались утром и продолжались в перерывах между приёмом пациентов. Иногда перерывы не совпадали, и Светлана с нетерпением ждала встречи со мной, чтобы задать мучившие её вопросы.

– Сегодня проснулась, вспомнила, что заплатила деньги знакомой за виртуальный тренинг, – и сразу накатила злость. Я не люблю платить за то, что могу сделать сама. Тут ещё подумала про новую машину Макса. Ну почему Бог это допускает? Почему Максим – баловень судьбы? А я – нет! Почему у него такая крутая машина? Ненавижу себя, ненавижу его, ненавижу Бога. Почему родители не обучают ребёнка, как создавать себе богатую жизнь? Я кучу тренингов прошла. Всё время «выгружаю» из подсознания негатив, а мысли всё равно злые...

– Подсознание человека как материнская плата в компьютере. В него нельзя лезть с «отбойным молотком», – увещевала я. – Жизнь, как это ни банально звучит, коротка. С нами остаётся только опыт. Тогда к чему так эмоционально вибрировать? Не лучше ли жить в благости? В гармонии с собой? Радоваться солнышку, морю, отношениям... Плачет, злится, кричит «хочу» наш внутренний ребёнок. У некоторых современных дев «хочу» просто зашкаливает. «Хочу, чтобы мой парень был сексуальный, с достатком, не хам, ответственный, заботливый романтик. Чтобы воспринимал меня как личность, хотел только меня и обязательно говорил об этом со мной!» – капризно заявила мне вчера молодая особа с раздутыми розовыми губками.

Твой внутренний ребёнок, маленькая Светочка, хочет всё и сразу. С ней нужно договориться. Объяснить. Разрешить ей быть счастливой не завтра с эфемерным призрачным «хочу, что-

бы был», а сегодня, сейчас. С этим дождём за окном, с этой чашечкой кофе и нашим тихим разговором... Человек проявляется в мелочах. В том, что и как он ест, с кем живёт и с кем дружит, что он читает, смотрит в компьютере и по телевизору, о чём думает, а значит, и говорит.

Не знаю, помогли ли мои философские рассуждения или совсем не затронули инфантильное существование Светланы, но в чём-то девушка изменилась, стала спокойнее, целостней.

Моя новая работа предусматривала участие в семинарах.

Возвратившись после очередной встречи с коллегами, я узнала, что Светлану уволили. Маленькая дьяволица поругалась с хозяйкой, которая приревновала её к мужу, и уехала в другой город.

У меня осталось ощущение недоговорённости и тихой грусти. Я вспоминала свою решительную, кокетливую подругу, её безапелляционные высказывания и думала: как она там? Нашла ли своего идеального героя, защитника и покровителя?

Я думала о том, что вся наша жизнь пронизана эмоциями. Люди управляют друг другом при помощи манипуляции: стыдом и виной. Но человек, испытывая стыд и вину, увеличивает дистанцию с другим человеком, отдаляется душой и мыслями. Человек не живёт, если не видит своё отражение в других людях. Если не отражается в чувствах, в желаниях близких. Заползая в раковину одиночества, закрываясь от других, вдруг понимает, что это не он спрятался – это мир захлопнулся от него. Нет дворца с прекрасными комнатами, которые раньше распахивались по утрам. Он тупо угасает для мира, чахнет, задыхается в собственных обидах. Он плодит вокруг себя чёртиков безысходности и скуки, высасывающих остатки силы и надежды.

Мне иногда кажется, что где-то во Вселенной есть Метроном счастья. Он похож на огромное сердце, которое, пульсируя, задаёт правильный ритм. Нам нужно только научиться слушать его биение и постараться быть счастливыми.

Лидия ОГУРЦОВА

ТИХАЯ БУХТА

– Серёжа! Серёженька! – в который раз доносился сверху до самого берега мамин голос. И каждый раз я звонко откликнулся:

– Мама, я сейчас!

Детство моё проходит у моря, потому что наш домик стоит над маленькой бухтой, далеко в стороне от курортного посёлка. Ещё один домишко гнездится чуть поодаль от нашего, ближе к горному лесу, так что соседей мы почти не видим. Наверное, мало осталось на земле таких живописных диких уголков, как этот.

Тихая бухта. Здесь даже в семибалльный шторм всегда штиль. Но особенно хорошо тут летом, когда нещадно палит солнце. Что мне, подростку, остаётся делать, как не проводить всё горячее время года на море: то ловлю удочкой рыбу, то ныряю за ракушками, охочусь на крабов, собираю мидий. Я насквозь пропитан морской солью и покрыт тёмным загаром. И чуб выгорел на солнце.

Это моя бухта. Я каждый камень, каждую расщелину в скале над водой и под водой знаю. Каждому валуну название дал. Вон то – «айсберг». А это – «утюжок», потому что на утюг

похож. А вон – «горб верблюда». Там – «кит». Дальше виднеется «голова осьминога». Ещё дальше – «плавник дельфина»...

Спуск к морю крутой, но я за миг с закрытыми глазами спущусь. И всегда – ни души! Только я и первозданная природа. Как продрогну от долгого ныряния с маской, трубкой и в ластах, лягу на раскалённый белый камень «пятачок» – круглый и плоский, на монету издали похожий, – и никто не помешает, разве что волна набежит и брызгами достанет.

Иногда я не купаюсь, не ныряю и не ловлю рыбу, а просто сижу или лежу на камне и гляжу на воду, на горизонт, на облака. Это зависит не только от погоды, но и от моего настроения.

И ещё я люблю смотреть, как резвятся дельфины. Я почти всегда чувствую их появление. Бывает, засмотрюсь с камня вниз на подводный мир: на бурые и зелёные водоросли, плавно колышущиеся от течения воды, на креветок, на рыбёшек или на медузу, и вдруг будто подтолкнёт кто-то невидимый и скажет неслышно: «Сейчас дельфин вынырнет», и я всматриваюсь в поверхность моря, жду с вол-

нением. Скоро и вправду стойкой появляются один за другим дельфины.

За все летние сезоны, какие провёл я в бухте, только один раз повезло встретить под водой морского конька. Он так неожиданно появился перед самым стеклом моей маски и так же неожиданно «ускакал», что я не успел хорошо разглядеть его. С тех пор я только и желаю опять увидеть конька, посмотреть, как он движется в воде.

Мне нравится приходить сюда ночью, когда светит яркая луна или мерцают одни только звёзды. Я тогда мечтаю. Например, о том, что у меня впереди будет очень большая, интересная и, конечно же, по-настоящему счастливая жизнь. Если захочу, то купаюсь, особенно когда слишком тепло и невозможно уснуть.

В августе вообще фантастика: ночью вода фосфорится – это светится планктон. Плывёшь и разводишь руками мириады «жемчужинок». Или стоишь по пояс в море и разливаешь по телу сверкающее «серебро» воды. Такое чудо!

В одно летнее утро я, как всегда, отправился к морю. Погода была хорошая, на небе – ни тучки. Солнце ласковое, чайки кружат, весело покрикивая. Водичка что надо – чистая, прозрачная. «Буду купаться, пока мама не позовёт», – решил я.

Спустился к воде почти вприпрыжку. В руках – ласты, маска, трубка. Настроение под стать погоде. Даже насвистываю мелодию популярной песни.

Ныряю, как будто в первый раз, хотя дно мне хорошо знакомо: где какой камень, где волнообразный песочек, где впадины, где рифы. Вот рапана лежит, красивая, большая, да только у меня дома всяких ракушек уже полно. Вот уйма рыбёшек. Работаю ластами чаще, чтоб сквозь серебристую стаю пройти, но рыбки шустро в сторону повернули. А вот крабик ползёт. Увидел меня и тут же зарылся в дно, устроив «дымовую» завесу из песка. Но и он мне не нужен. Я давно охочусь за Усачом. Ещё в начале лета среди нагромождённых на дне камней я обнаружил в расщелине невероятно огромного краба с могучими клешнями и длинными усищами. Лапы толстые, мохнатые. У меня тогда

воздуха не хватило, чтобы его достать. Здесь ведь так глубоко! А когда я всплыл, вдохнул и опять нырнул, Усача уже не было.

Потом я много раз нырял, но всё напрасно. И теперь я плыл к тому самому месту, к тем же камням на глубине, без особой надежды увидеть краба.

Мне кажется, что я лечу, словно орёл. Подо мною то густая растительность, будто лес, то песчаная пустыня.

И тут я заметил его, Усача, ещё издали на лысом камне. У меня гулко забилося сердце от волнения. Но я не сразу подплыл к крабу, а опять поднялся на поверхность воды, чтобы вдохнуть воздух, собраться с силами. Ловить крабов не так-то и просто, тем более такого громилу, как этот.

«Только бы опять не исчез», – забеспокоился я. И решительно понёсся вниз. Перед самым лысым камнем замедлил ход и осторожно начал приближаться к усатому. Краб всё равно видел меня и, почуввав неладное, широко раскрыл острые клешни. Я должен был пятернёй быстро ухватить краба за панцирь между большими передними лапами с мощными клешнями, да так, чтобы Усач никак не смог достать мою руку, иначе прокусил бы её до крови.

Несколько раз я пробовал схватить краба. Силы мои иссякали, воздуха не хватало, больно давило в ушах.

Усач двинулся к расщелине. Если он в неё спрячется, то оттуда его уже никак не достать. А мне очень хотелось показать этого краба моим родителям, ведь такого я никогда ещё не ловил.

В самый последний момент, когда невозможно было более находиться под водой, я выбросил вперёд ладонь – пусть краб вцепится в неё клешнями!

Удалось! Я схватил Усача. И начал из последних сил всплывать. Только бы не потерять сознание!

Всё! Я вдохнул жадно спасительный воздух. Победа! Я поднял краба высоко над головой. Невероятно большой! Клешни и лапы настоящего чудовища! Ну и экземпляр! Такого засушить или заспиртовать как экспонат для школьного зооуголка можно. Я был счастлив.

Так и плыл к берегу, гребя свободной рукой и радуясь.

Чуть ли не с порога своего дома я крикнул:

– Мама, папа, гляньте, какого я краба поймал!

Усач в моих руках как-то обмяк и уже не пытался проявлять свою силу.

«Надо отпустить этого краба на волю, – подумал я. – Пусть живёт в своей морской стихии – растит новых великанов!»

ЛИВАДИЯ

За высокими окнами царского дворца осенний ветер нервно трепал вечнозелёные деревья и кусты. Шёл противный дождь, и снаружи нельзя было гулять.

Между порывами ветра слышался грозный гул морского прибоя. Полдень был похож на вечер.

Зажжённые люстры источали мягкий желтоватый свет. На гладком, тускло блестящем паркете в одном из множества залов лежала растянутая длинная полоска красной ситцевой ткани, на которой мой отец белой краской старательно выводил кистью не совсем понятные мне по смыслу слова: «Да здравствует Великая Октябрьская Социалистическая революция!».

Набегавшись по дворцу, я прильнул к окну.

– И царевич тут был, – сказал я. – А теперь мы.

– Какой царевич? – не понял отец.

– Царский сын. Ты ведь рассказывал, – ответил я.

– Да-да, – вспомнил отец, на мгновение оторвавшись от писанины. И, приподняв голову, добавил: – Потом их всех расстреляли.

Я вздрогнул.

– И принца? – ужаснулся я.

– Всю семью, – ответил отец спокойно.

– А кто их убил? Плохие дяди?

– Ну почему же плохие? Революцию, сынок, делали лучшие люди!

– А царевич был плохой?

– Он был таким же, как ты, как все мальчики.

– Тогда зачем его убили? Почему взрослые не захотели, чтоб он жил?

– Сынок, не отвлекай меня! А то букву пропущу, – попросил отец.

Я вдруг увидел в окне большие круглые глаза, печальное лицо сверстника и отшатнулся. Но это было просто моё отражение. Начал водить пальцем по прохладному потному стеклу, и оно тоскливо заныло.

– Прекрати! Не трогай стекло, – сказал строго отец. – Ещё треснет – не расплатимся.

– Зачем люди живут и умирают?! – произнёс я с горьким чувством отчаяния. – Зачем человек родится, если его могут убить?!

– Человек живёт, чтобы оставить после себя полезный след, – ответил бодро отец.

– Как ты? – спросил я.

– Может быть, и как я. Вырастешь – поймёшь.

– А я знаю, почему убили царя, – начал догадываться я. – Он был очень злой. И он верил в Бога. А ведь Бога нет. Правда, папа?

– Правда.

– Папа, а ты мог бы убить царя? Ты же стрелял на войне во фрицев. Помнишь, ты рассказывал?

– Царя? – отец чуть задумался и ответил: – Если бы приказали, то да.

– И царевича? – вдруг спросил я.

– Царе-е-евича, – повторил медленно отец. – Царевича, пожалуй, нет, не смог бы. Всё-таки ребёнок.

– Если бы и приказали?

– Ну пристал! Я же просил... Иди, сынок, погуляй.

Ветер гудел и гудел неровно. Слышно было, как скрипели деревья, как шумно, нескончаемо лилась по водосточным трубам вода, как дрожали, дребезжа, где-то оконные стёкла и иногда резко хлопала дверь.

Я грустно бродил по безлюдным прохладным залам Ливадийского дворца и думал, что царский сын ходил по тому же паркету, по которому хожу и я, видел те же прекрасные потолки, двери, панели, поднимался по тем же великолеп-

ным лестницам, касался руками тех же перил... И конечно же, наблюдал из окна те же горы и море.

Его расстреляли.

«Ну почему? – недоумевал я с болью, с глубоким состраданием. – Зачем?!»

И мне казалось, что цесаревич – это я.

НА ДИКОМ ПЛЯЖЕ

РАССКАЗ

В конце прочитанного мной романа главного героя расстреливают. Военные подводят приговорённого ко рву. Гремит смертельный выстрел.

Я не закрываю книгу. Напротив, раскрываю роман где-то посредине и страницами, испещрёнными мелким типографским шрифтом, накрываю лицо от нещадного летнего солнца.

Почему основные эпизоды жизни героя описаны подробно, а конец скуп? Кто опишет сцену казни так, чтобы больше никто никогда никого не расстреливал?!

Не столько страх самой смерти, сколько невозможность понять тех, кто её вершит, кто считает себя вправе распоряжаться чьей-то жизнью, равно как и тех, кто убивает, не даёт мне расслабиться.

Меня волнует и состояние приговорённого вплоть до последнего его мига. Я представляю себя на месте обречённого, потому что роль палача сразу отвергаю всем своим нутром.

С такими несуразными мыслями, вызванными не только романом, но и всей нынешней нашей жизнью, я лежал на пляже, прожаривая себя на солнце. Кричали чайки, раздавались возгласы немногих купающихся, тех, кто не поленился добраться до этого кусочка живописного берега – всего, пожалуй, что осталось от естественной

природы, – да слышался тихий плеск моря.

На пляже, когда невольно наблюдаешь за незнакомыми людьми, начинаешь узнавать с закрытыми глазами на слух, чей голос звучит. Поэтому даже издали я различил голоса приближающихся новых отдыхающих. Словно родничок в жару, цветочек среди бурьяна, обнаружился чистый, нежный голосок девочки лет семи.

– Юленька, осторожно ступай по камням! – сказала мама девочки, сама боясь оступиться и упасть. И уже почти рядом со мной с тревогой произнесла: – Куда же мы это попали?!

Здесь, на пляже, среди высоких камней не большой компанией расположились нудисты.

Я ответил:

– Вы попали на самый краешек нашей страны.

– Правда, – согласилась женщина, отгораживаясь равнодушным тоном голоса. – Я как-то об этом даже не думала.

Мы почти познакомились, и я решил, что неприлично мне дальше лежать с прикрытым лицом. Сел и приветливо кивнул пришедшим. Молодая женщина оказалась довольно привлекательной.

Она опять бросила взгляд на обнажённую молодёжь, затем прищурилась на горизонт моря, словно выискивая там ответ, оставаться ли здесь или уйти дальше. Всё решила дочка: расстелила лоскуток ткани в тени у камня и уложила спать маленькую пластмассовую куклу.

Я не стал снова пытаться размышлять о насильственной смерти.

Созерцать – вот что остаётся мне, коль уже нечего читать и не с кем толком поговорить. Тем более красота кругом – душа не насытится! Сверху спускается горный сосновый лес. Книзу он переходит в низкорослые деревья и кустарники и заканчивается невысоким пологим обрывом над каменистым берегом. Слева один мыс, справа – другой. А впереди прозрачное зелёно-синее море, чуть выпуклое на горизонте. Если б не одна серая тучка, выглядывающая из-за кромки ультрамариновых гор, то можно было бы считать небо абсолютно чистым. Оно глубокое и светлое от жгучего солнца, медленно поднимающегося к зениту. Яркие камни и ослепительные солнечные

зайчики на воде вынуждают надеть затемнённые очки. Теперь мне легче наблюдать непредсказуемый полёт крикливых чаек, провожать взглядом корабли, каждый раз напоминающие о других, не менее прекрасных краях. Изредка можно увидеть резвую стайку дельфинов.

Ещё одна группа появилась на пляже: двое мужчин, женщина и дети – девочка Юлиного возраста и рыжий полноватый мальчик лет двенадцати. Он прибежал первым и беспокойно прокричал:

– Сюда! Я нашёл классное место!

А место это оказалось за пару камней от меня, и через несколько минут стало весьма шумно. Запылал костёр, запахло дымом, шашлыками, вином... Эта бойкая благополучная семейка вместе с дядей Толей приехала на комфортабельной машине. Время от времени дородный папа, или Никоша, как его называла жена, поглядывал в бинокль на свою перламутровую машину-иномарку, оставленную над косогором. При этом он не забывал подглядывать за нудистками, отчего получал ревнивые упрёки жены и насмешки детей.

Мальчик полез в воду, к камням, что у берега, и начал ловить крабов. Он один звенел, заменяя многолюдье городских пляжей:

– Я вижу краба!

Или ещё громче:

– Поймал! Смотрите, все! Пойма-а-ал! – и показывает мелкого крабёнка.

Никоша тоже погрузился в воду у основания каменной глыбы и тут же вытащил из труднодоступной расщелины крупного лохматого краба. Там даже и единоборства никакого не было. А я-то знаю, как нелегко изловить прыткого, сильного обитателя подводного мира. Так же запросто толстяк плотно набил сетку мидиями.

Девочка, которую звали Анжела, подошла к Юле с охапкой кукол и предложила вместе поиграть. У неё были очень дорогие импортные куклы. Анжела принесла ещё миниатюрную кухню, ванну, стиральную машинку, одежду, посуду...

– А вы тоже в санаторий приехали? – спрашивает Юля.

– Нет, мы – дикари, – отвечает Анжела.

– Вы?! – Юля смеётся.

– Ну да. Папа говорит, что те, кто приехал на юг сам по себе, называются дикарями.

– Между прочим, этот пляж тоже дикий, – вмешиваюсь я в разговор. – Мы, местные, так его и называем.

Девочки смеются уже вместе.

Я думаю: уходить или ещё разок окунуться напоследок?

Горизонт затуманился, и туча угрожающе заняла часть небосклона. Даже первая капля вроде бы попала на меня.

Всё-таки я нырнул с берега в воду, чтобы вынырнуть с ракушкой в руке. Но без ласт и маски я едва успел смутно различить под разъедающей глаза солёной водой комочек бурозелёных водорослей на границе подводных камней и волнистой песчаной пустыни. И, устав, поплыл назад.

Солнце опять стало припекать. Я совсем разленился и ещё долго загорал. Местные редко выбирают на пляж, и этот выходной у моря я решил использовать сполна.

Соседи подались к машине. Признаться, от их острот, анекдотов и прочей пустой болтовни у меня даже голова разболелась.

Юленька огорчилась, что Анжела уходит.

– Хочешь, я подарю тебе Барби? Твоему пупсику необходима мама, – сказала Анжела.

У Юли глаза засияли счастьем.

Я простил уехавшим едкий дым костра и сигарет. Весь тот никчёмный разговор, который довелось выслушать. И все аппетитные запахи, что пришлось стерпеть. И невоспитанного отпрыска, беспрерывно заявлявшего о себе, жаждавшего постоянного внимания взрослых. И даже мусор, оставленный ими после себя.

Юленька ещё немного пораздовалась. Наверное, больше всего на свете я люблю улыбки детей. И смех. Когда дети веселы – можно жить, можно переносить невзгоды.

Но на том месте, где недавно стояла машина, вновь заблестел перламутр. «Неужели спохватились мусор за собой убрать? Или забыли что-нибудь на пляже? Может, часы или очки? Такое часто бывает», – подумал я.

Мальчишка, прыгая с камня на камень, пробежал к Юле и вырвал из её слабых рук куклу, бросив, запыхавшись и сопя:

– Это подружка Кена! Она Кену нужна! – И заторопился обратно.

Сначала Юля даже не поняла, что произошло, почему с ней так грубо и несправедливо поступили. Потом горчайшая обида заполнила всё её хрупкое существо и полилась слезами.

Напрасно мама успокаивала дочку. Тогда я наклонился к девочке и пообещал достать ей ракушку. Юля, всхлипывая, согласно кивнула.

Я отплыл от берега, набрал в лёгкие воздух и нырнул. Но под водой, чтобы приберечь силы, я не слишком погружался на дно, стараясь сориентироваться сверху. Я никак не мог увидеть жёлтый лысый камень, в трёх метрах от которого должна была лежать рапана. Всё же нашёл тот камень и, гребя руками, ушёл в глубину. Но и тут мне пришлось поднапрячься, поплавать вдоль дна: всё не попадался на глаза знакомый комочек водорослей. Ещё несколько раз покружил возле лысого камня и наконец заметил то, что искал. Приложил последнее усилие, чтобы добыть рапану... Вдруг почувствовал неладное. Дно качнулось, покосилось, поднялось стеной и начало вращаться вокруг меня.

Я заработал руками и ногами, желая скорее выбраться наверх. Но не мог понять, где находится верх. Суетился, как будто в сетях запутался.

Какая-то сила подняла меня, и я жадно глотнул воздух. Однако и на поверхности воды всё вертелось. Я не знал, куда плыть, не различая ни неба, ни моря, ни земли. «Только бы не утонуть на глазах ребёнка! Только бы не потерять сознание...» – молил я судьбу и продолжал барахтаться. Как будто что-то снова подтолкнуло меня к камню, выступающему далеко от берега, но оказавшемуся поблизости от меня. Затылком я коснулся его, словно опять был кем-то вытолкнут снизу, и, опираясь руками, вполз на спасительный камень спиной.

– Мужчина, вам плохо? – услышал девичий голос.

– Ничего, спасибо... Голова закружилась малость. Уже всё проходит, – ответил я с облегчением.

Я различил склонившуюся надо мной русалку. Длинные белые волосы прикрывали её загорелую оголённую грудь.

– Не вы ли мне помогли? – спросил я, всё больше осознавая, что на самом деле тонул.

– Нет, вы сами, – удивилась девушка.

Мне пришлось уже раз тонуть в детстве. Вернее, не совсем тонуть, а очутиться в пренеприятной ситуации. Во время шторма не только я, такой смельчак, купался. Но очень хотелось выглядеть героем – уплыл дальше всех. Я струсил, когда оказался один на один со стихией, среди огромных волн. Меня то поднимало высоко, и я видел бурлящий пенистый берег, то опускало так, что ни горизонта, ни гор не было видно, только я между гигантскими волнами. Мне стало страшно плыть к берегу – боялся утонуть в водовороте или разбиться о прибрежные камни. Тем временем меня уносило всё дальше в море. Я уже было окончательно отчаялся, хотел кричать, просить о помощи, но вдруг увидел ребят, как ни в чём не бывало подплывающих ко мне. Тогда я и виду не подал, что испугался. Рядом с товарищами страх исчез, и я легко добрался до берега. Но с тех пор мне иногда видится в бреду, когда болею, или просто в кошмарном сне, что я один среди могучих волн...

Не задерживаясь, чтобы не слишком смущать девушку-русалку, я пустился вплавь к берегу. А там девчущечка уже мне улыбалась.

– Ну как, достали? – спросила она, едва я ступил на твердь. Я вспомнил про рапану, которую всё время крепко держал в руке. Разжал перед Юленькой палыцы и сам ахнул: какая ракушка красивая! Умело извлёк из раковины моллюска, освободил от морской растительности и протянул девочке:

– Теперь слушай, как море в ней шумит!

Юля приложила рапану к уху и восторженно засмеялась:

– Правда, шумит! Мама, послушай!

Я обернулся к морю и увидел, как сверкнул на солнце тёмный приветливый главник дельфина.

Александр ШАЛАМОВ

Известный ялтинский художник и талантливый прозаик, лауреат Чеховского конкурса «Краткость – сестра таланта», член Ялтинского литературного общественного союза "ЯЛОС".

АЛЕКСАНДР ГАЛУШКИН: ГЕРОЙ ИЗ ПЕСНИ

В славной летописи знаменитого подмосковного Дулёвского фарфорового завода есть яркие героические страницы, связанные с именем земляка, Александра Галушкина, талантливо-го партийного руководителя и хозяйственника, занимавшегося коренным техническим перевооружением предприятия в годы трудных первых советских пятилеток, в начале 30-х.

7 мая исполняется 80 лет со дня героической гибели А. И. Галушкина (1903–1942) в неравном бою с фашистами. Он стал одним из организаторов легендарного героического Евпаторийского январского десанта 1942 года, которому посвятил свою известную песню «Чёрные бушлаты» Владимир Высоцкий.

В Орехово-Зуевский район Галушкина командировал лично Георгий Маленков – в то время один из лидеров большевиков столичного региона и ближайший соратник Сталина.

Александр Иванович за короткий период проявил свои лучшие деловые и человеческие качества, работая секретарём парткома Дулёвского фарфорового завода в период его реконструкции. Не только для своих соратников, но и для сотен рабочих ДФЗ он стал прекрасным организатором, профессионалом и, можно сказать, «родным отцом». Он проявлял постоянное внимание и уважение к людям рабочих профессий. К примеру,

знал многих производственников по именам, их проблемы, хорошо ориентировался в тонкостях производственного процесса, даже досконально изучил меню в рабочей столовой. Простые люди доверяли Галушкину. Когда в середине 30-х его направили на повышение в качестве первого секретаря ВКП(б) в г. Орехово-Зуево, то многие за решением всё тех же заводских проблем обращались именно к нему.

Галушкину было суждено не только проявить своё партийное лидерство в довоенные годы в Подмоскowie, но и стать настоящим героем Великой Отечественной, руководителем антифашистской группы. К началу войны он был уже военным контрразведчиком Черноморского флота, майором госбезопасности.

Героя-фронтовика Александра Галушкина я открыл для себя впервые несколько лет назад благодаря его младшему сыну Виктору Александровичу Галушкину (1940–2020), ветерану Вооружённых сил СССР, полковнику в отставке, кавалеру ордена Красной Звезды, много сделавшему для того, чтобы пролить свет истины на героическую судьбу отца. Кстати, в советское время Галушкин-сын после военной карьеры успешно работал в правительстве Крыма, а выйдя на заслуженный отдых, стал неутомимым исследователем-краеведом. Последние годы жизни он про-

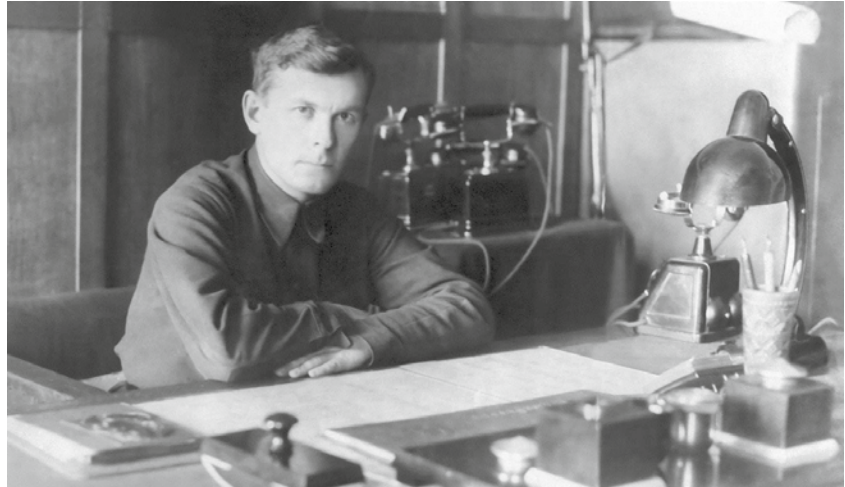

вёл в Подмоскowie, в Нахабино. Около семи лет мы творчески и плодотворно общались с Виктором Александровичем. Он несколько раз приезжал в районный краеведческий музей, в Ликино-Дулёво, где я несколько лет работал методистом. Учащиеся навсегда запомнили пламенные выступления ветерана на уроках мужества в музее. Бывшие коллеги и соратники В. А. Галушкина характеризуют его как жизнелюбивого, справедливого, равнодушного, добросовестного, честного, очень трудолюбивого человека с волевым, твёрдым характером, каким был и его отец.

В составе 172-й Крымской стрелковой дивизии А. И. Галушкин оборонял крымский Перекоп, участвовал в боях под знаменитым Армянском. Осенью 1941 года советского контрразведчика командируют в особый отдел НКВД Черноморского флота, которому предстояло действовать в составе десанта морской пехоты.

Подвиг героев легендарного морского десанта, высаженного 4 января 1942 года в Евпатории с целью отвлечения вражеских сил от осаждённого Севастополя и с Керченского полуострова, – это одна из самых героических и трагических страниц в истории Великой Отечественной войны.

Под покровом ночи отряд боевых советских кораблей, взяв на борт семьсот сорок человек, направился в Евпаторию. Предстояло высадить десант для создания плацдарма оперативной группировки войск. В состав десанта входила спецгруппа особого отдела Черноморского флота, возглавляемая сотрудником госбезопасности Александром Галушкиным. Бойцам предстояло захватить здание, в котором располагался штаб нацистских главарей – гестаповцы и абвергруппа.

А. И. Галушкин во время работы на ДФЗ

Евпаторийский десант

Внезапность нападения и героизм советских моряков обеспечили первоначальный успех операции, хотя среди наших было немало погибших и раненых. Оперативная группа стремительно атаковала вражеский штаб. Уничтожив находившихся там карателей, краснофлотцы завладели ценной оперативной документацией и «языками». К утру вся старая часть Евпатории оказалась в руках советских десантников.

Однако фашисты, подтянув большие силы, сумели перейти в контрнаступление. В тяжелейших условиях десантники продержались трое суток, ожидая помощи с моря. Семибалльный шторм не позволил советским кораблям приблизиться к берегу.

Жители города, как могли, помогали оставшейся небольшой группе героев. Но силы были

Почтовая марка и конверт в память о герое

неравными. Позже за оказание помощи краснофлотцам фашисты расстреляли более двенадцати тысяч евпаторийцев. Немецкому командованию поспешили доложить о полном уничтожении красного десанта.

Однако вскоре в городе стали появляться листовки с сообщениями Совинформбюро и призывами к населению не выполнять требований оккупационных властей. Гестапо и полиция бросили все силы на розыск подпольщиков.

Организатором подполья стал Александр Галушкин – единственный из оставшихся в живых в городе десантников. В ходе январских сражений с фашистами он получил тяжёлую контузию. Семья местного жителя Ивана Кондратьевича Гниденко спрятала раненого командира и ухаживала за ним, пока он не встал на ноги.

Через Гниденко чекист подобрал из числа местной молодёжи и членов ВЛКСМ надёжных людей и создал подпольную комсомольско-молодёжную боевую группу. Несколько месяцев продолжалась неравная яростная борьба. Позже фашисты сумели внедрить в группу своего агента, который и выдал руководителя подполья...

Рано утром 7 мая 1942 года нацистские каратели окружили дом по улице Толстого, 13,

Сын героя ветеран Вооружённых сил СССР В. А. Галушкин в районном краеведческом музее г. Ликино-Дулёво (слева), справа автор очерка Евгений Голоднов

где находился чекист. На предложение сдаться Галушкин ответил выстрелами автомата, бросил во врагов гранаты. В неравном бою отважный офицер погиб.

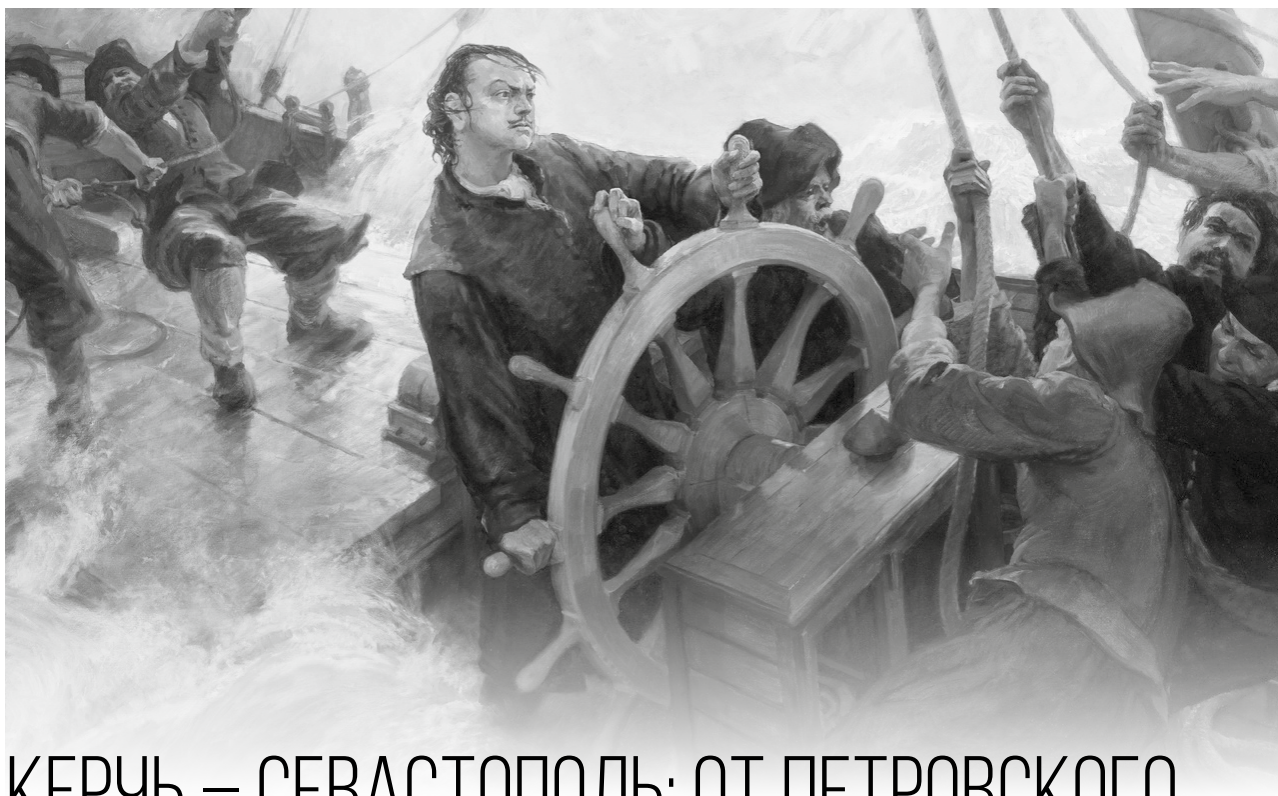
Именем Александра Галушкина названа улица в Евпатории, его имя выбито на мраморной плите на здании Управления ФСБ по Крымской области.

В рамках серии «70 лет Победы в Великой Отечественной войне» вошла в почтовое обращение марка, посвящённая герою-земляку. К 75-летию со дня гибели фронтовика был снят документальный фильм, премьера которого в своё время состоялась в залах ДФЗ и районного краеведческого музея в Ликино-Дулёве.

Среди экспонатов краеведческого музея Евпатории (я побывал там с родными летом 2017-го) есть картина коренного ореховозувца, заслуженного художника РФ Михаила Полетаева «Отряд военных контрразведчиков в Евпаторийском десанте». Известный живописец (он участвовал в росписи храма Христа Спасителя в Москве) создал её по просьбе сына героя. Галушкин-сын подарил музею фарфоровое блюдо с портретом отца, выполненное на современном Дулёвском фарфоровом заводе.

Внимательно осматривая мемориальный стенд в музее Евпатории, посвящённый героическому земляку, я увидел орден Красной Звезды. Как оказалось, это Виктор Александрович Галушкин в память об отце и его подвиге по согласованию с музейщиками оставил там свою личную высокую награду...

Евгений ГОЛОДНОВ

КЕРЧЬ – СЕВАСТОПОЛЬ: ОТ ПЕТРОВСКОГО ЗАМЫСЛА И ЕКАТЕРИНИНСКИХ МИЛЬ ДО КРЫМСКОЙ КРУГОСВЕТКИ ДАНИЛЕВСКИХ

Доклад Л. А. Шишло на Вторых Соловьёвских чтениях в г. Севастополе, посвящённых истории Черноморского флота, а также памятным датам – 350-летию императора Петра Первого и 200-летию великого русского естествоиспытателя и геополитика Н. Я. Данилевского.

Хочу пригласить вас на небольшой экскурс в морскую историю дальнего востока Крымского полуострова – города Керчи, – которая остается малоосвещённой и малоизвестной.

А между тем город Керчь – единственный город в Крыму, который имеет петровскую тему и самую раннюю крымскую историю военно-морского флота начиная с XVII века!

XVII век – петровский век, время понимания важности выхода в море. В то время для России такую возможность давал только суровый Архангельск, но это были кратковременные периоды сезонной навигации.

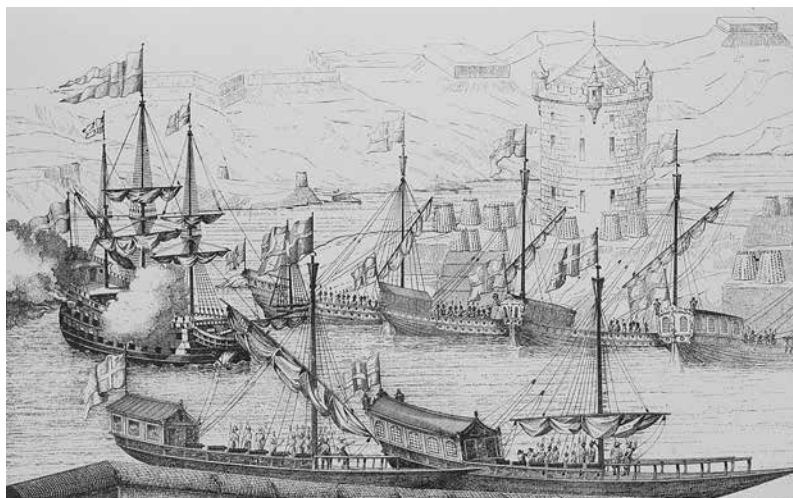
Взор Петра устремился на южные моря и проливы – необходимые водные тракты для растущей экономики Российского государства. Керченский пролив, Босфор, Дарданеллы – закрытые

Слева направо: адмирал И. В. Касатонов, контр-адмирал А. В. Ковшарь, М. Л. Песчаная, депутат ЗС Т. Г. Лобач, Л. А. Шишло, депутат ГД С. Н. Бабурин, (?), активистка клуба Друзей Данилевского Т. А. Попова

Памятник Петру I в Керчи

Гравюра Адриана Шхонебека «Азовский флот под Азовом в 1696 г.» (1700 г.)

Вице-адмирал А. Н. Сенявин

Вице-адмирал Ф. Н. Клокачёв

для России двери коридоров, ведущих к процветанию крепнущего государства.

В 1696 году царь Пётр берёт Азов, затем в Воронеже строит корабли, возводит крепость Таганрог. И уже в 1699 году флот Петра отправляется в Керчь. Пётр ещё не император, он царь Московский и всея Руси, ему 26 лет, и в Керченском походе он инкогнито, называя себя Петром Михайловым. Его прибытие в Керчь описано в историческом романе Алексея Толстого «Пётр Первый».

Флотилия Петра Первого в то время не имела чёткой идентификации и поэтому не была узнана в качестве российской. Петра это не устроило, и ровно через два месяца появился военно-морской флаг – Андреевский флаг, который он сам изобразил и описал. Место рождения Андреевского флага – Керченская бухта. Андреевский флаг родился в городе, который 2000 лет назад первым встретил апостола Андрея Первозванного на земле Тавриды и назывался тогда Пантикапеем.

Прибытие в Керчь Петра Первого ознаменовалось постройкой новой мощной турецкой крепости Ени-Кале. Так напугало турок это событие, что возведена она была за три года и стала ровесницей Санкт-Петербурга. И хотя планам Петра Первого добыть выход российскому флоту в южные моря не суждено было сбыться – отвлекла Северная война, его замысел привела в исполнение императрица Екатерина II, и через 68 лет после петровского похода на Керчь здесь уже стояла военная русская флотилия – Азовская флотилия под командованием вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина.

С 1771 года в Керчи постоянно базировались русские корабли, запиравшие для турецкого флота Азовское море. Это сыграло неоценимую роль в заключении Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года на условиях передачи России Керчи и Ени-Кале и открыло для русских судов выход в Чёрное море.

Таким образом, Керчь и Ени-Кале официально стали российскими за девять лет до присоединения Крыма, что признано мировым сообществом. В Керчи было организовано адмиралтейство. В наши дни, сохраняя историческую память, напротив места его нахождения в 2012 году был заложен Адмиралтейский сквер, вдоль которого идёт Адмиралтейский проезд.

В 1776 году руководство Азовской флотилией принял контр-адмирал Федот Наумович Клокачёв, сменив А. Н. Сенявина. Летом 1783 года, после присоединения Крыма к России, теперь уже вице-адмирал Клокачёв переводит Азовскую флотилию из 11 кораблей в Ахтиарскую бухту. Азовская флотилия пополнилась кораблями Днепровской флотилии и стала называться Черноморским флотом. Начало Черноморскому флоту положено в Керчи – городе двух морей, первом русском городе Крыма!

Новые приобретения нуждались в защите, в 1790 году Османский флот вознамерился высаживать десант в Керчи с целью вернуть недавно принадлежавшие им земли. 8 июля 1790 года в проливе произошло Керченское сражение под командованием контр-адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова, в котором он показал себя неординарно и творчески мыслящим командиром. С Керченского сражения началась победоносная карьера великого флотоводца, не знавшего поражений.

Крым стал надёжным форпостом России в Чёрном море. Отступила разбушевавшаяся чума, Крым обустроивался, постепенно становясь пригодным не только для военных нужд, но и для гражданских. Росли посёлки и города. Развивалось сельское хозяйство и рыболовство. Требовалось изучение ресурсов и регулирование их рационального использования.

Целая плеяда учёных, иностранных и российских, принялась за изучение ихтиофауны Чёрного и Азовского морей. Но только учёный-ихтиолог Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885), проведший в экспедициях по водоёмам России от севера до юга более 18 лет, смог оценить состояние рыбных запасов Азово-Черноморского бассейна и дать практические рекомендации по ведению промышленного рыболовства без ущер-

ба для сырьевых ресурсов. Он по праву считается родоначальником рыбопромышленной науки.

Но его талант, работоспособность и разносторонний научный интерес распространялись на широкую сферу и других наук: великий учёный, социолог, культуролог, естествоиспытатель, ихтиолог, публицист, автор труда «Россия и Европа», классик русской геополитики, основатель цивилизационного подхода к истории, не побоявшийся противопоставить культурно-исторические типы общепризнанному этнографическому материалу, критик идей дарвинизма, доказавший их несостоятельность. Занимался и ботаникой, некоторое время занимал пост директора Никитского ботанического сада. Когда на крымских виноградниках свирепствовала филлоксера, изучал эту проблему и предлагал эффективные способы борьбы с нею.

Не много ли для одного человека?

Не много, если это Данилевский – человек огромной эрудиции и выдающегося ума. Не зря в учёном и даже в студенческом мире его считают своим и биологи, и социологи, и историки, и юристы, и даже политологи.

Звезда древнего рода потомственных дворян Данилевских-Межаковых-Брянчаниновых зажглась во второй половине века девятнадцатого, а истоки прослеживаются из непостижимой временной дали – начала XIV столетия! Далёкий предок рода Михаил Андреевич Бренко – оруженосец Дмитрия Донского...

Сын героя войны 1812 года, Николай Данилевский блестяще образован: Царскосельский лицей, Петербургский университет, многочисленные экспедиции с выдающимися учёными.

В молодости он увлекался идеями Фурье – идеями утопического социализма, вместе с тем признавая первопричиной всего божественное провидение. Его жена, Ольга Александровна Межакова, была внучатой племянницей святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867), архиепископа Черноморского и Кавказского, позже причисленного к лику святых, работы и проповеди которого и сейчас популярны в православной среде, и с ними знаком был Данилевский.

Среди близких друзей Николая Яковлевича Данилевского – учёный и путешественник

П. П. Семёнов-Тян-Шанский, М. В. Петрашевский, Ф. М. Достоевский, Лев Толстой. Л. Н. Толстой в Крыму пешком пришёл к нему в имение за 10 км, чтобы обсудить его труд «Россия и Европа».

О Данилевском говорили: «...В нём самом было ещё больше добра и света, чем в его трудах», «Не было пятна не только на его душе, но и на его помыслах» (Н. Н. Страхов).

Тарас Григорьевич Шевченко после знакомства и долгих бесед с Николаем Яковлевичем писал своему другу Б. Залескому: «Данилевский такой человек, что может в нашей пустыне вскружить и не мою голову. Во всё время пребывания его здесь я почти не расставался с ним... Он во всех отношениях прекраснейший человек; жаль только, что он учёный, а то был бы настоящий поэт».

Мореведы-ихтиологи по праву считают Николая Яковлевича Данилевского в первую очередь своим: ни одна диссертация не была защищена без детального изучения его фундаментального труда «Описание рыболовства в Чёрном и Азовском морях». Это основа, на которой зиждется вся рыбохозяйственная наука Азово-Черноморского бассейна, основоположником которой является Н. Я. Данилевский.

Кроме того, Данилевским было выработано законодательство по рыболовству во всех водах европейской части России, в изучении которых он также принимал непосредственное участие. Второе столетие ежегодно Правила рыболовства разрабатываются по заложенной Данилевским основе.

Николай Яковлевич Данилевский был и работал в Керчи, изучая не только морские глубины, но и побережье Керченского пролива и Азовского моря, пройдя пешком от Керчи до Арабатской стрелки. Всё было подробно им описано и до сих пор является опорой для современных исследований.

Вот совсем свежий пример. Сейчас на федеральном уровне проходит отбор объектов нематериального наследия России, в перечень которых из семи крымских кандидатов попала и керченская селёдка. Не сама селёдка, а традиции по её вылову, употреблению, мера популярности у населения, технология приготовления и прочее,

то есть всё, что может относиться к нематериальному наследию.

Чтобы идентифицировать и понять, что же такое керченская сельдь и чем она отличается от донской (вечный спор!), снова пришлось обращаться к трудам великого ихтиолога Н. Я. Данилевского. Только так удалось найти концы запутанной селёдочно-керченской истории и доказать представителям Министерства культуры Российской Федерации, что керченская селёдка уникальна и традиции, связанные с ней, вполне соответствуют требованиям по включению в список объектов нематериального наследия России.

По стопам своего знаменитого предка пошёл внук Николая Яковлевича – учёный-ихтиолог кандидат биологических наук Николай Николаевич Данилевский (1903–1980), проработавший в лаборатории промысловой ихтиологии АзЧерНИРО/ЮгНИРО/ВНИРО почти сорок плодотворных лет. Он всю свою жизнь посвятил Чёрному морю, рациональному использованию рыбных запасов, всегда щедро, но не навязчиво делился с молодыми учёными своими знаниями и опытом.

Большой знаток поведения рыбы и условий, его определяющих, Н. Н. Данилевский разработал орудия и способы лова, которые до сих пор актуальны и используются всеми причерноморскими странами. Поражала точность прогнозов вылова, которые давал Данилевский на предстоящую путину. Важность этих данных невозможно переоценить: от его официальных прогнозов зависело всё планирование рыбной промышленности СССР в отношении этой массовой народной рыбы. На основании рекомендаций Н. Н. Данилевского промышленность планировала, какое количество необходимо заготовить на путину соли, бочкотары, топлива, трудовых ресурсов, заказать товарных вагонов для транспортировки продукции и прочее. Большая ответственность перед всей страной лежала на Николае Николаевиче. Ошибок допускать нельзя, иначе или на ветер будут выброшены огромные деньги в масштабах страны, если прогноз окажется завышенным, или из-за недостатка тары, соли или топлива пропадут тысячи тонн выловленной рыбы, что также принесёт огромные убытки промышленности и ущерб природе, если прогноз окажется занижен-

ным. Блестяще справлялся с возложенной на него миссией Данилевский-внук!

О своём дворянском происхождении он никогда не говорил, коллеги узнали об этом лишь после прочтения воспоминаний его жены Анны Арсеньевны Майоровой. И теперь можно только представить, что он чувствовал, когда проходил на исследовательских судах совсем рядом со своей малой родиной. Вот она, рукой подать – бухта Абельбах, мыс Айя, Южный берег Крыма, которые навсегда приручили и породнили его с морем... Мы столько раз с моря любовались с ним видами ЮБК, но никогда он и не заикнулся о своей причастности к ним. Такое было советское время... А между тем наше судно проходило мимо его родового, дедова гнезда – Мшатки, где находилась забытая могила (её восстановили только в 1996 году, а в 2007-м внуками Ольгой и Татьяной был установлен гранитный памятник в виде раскрытой книги под сенью православного креста) среди выращенных родным дедом высоких кипарисов в так называемом кипарисовом зале созданного им Философского парка...

Николая Николаевича называли «рыбак-учёный». И семья у него получилась тоже научная. Жена Анна Арсеньевна Майорова – видный учёный-ихтиолог.

Каждому ихтиологу во всём мире известен «размерно-возрастной ключ» для определения возрастного состава уловов, предложенный в 1930 году заведующей лабораторией ихтиологии А. А. Майоровой совместно с сотрудником ВНИРО А. В. Морозовым.

Николай Николаевич был полной противоположностью своей жены, вокруг которой существовал некий ореол недоступности и почтительного преклонения. Ихтиологической богиней считали её в нашем институте. Как можно разговаривать с богиней просто так! Сотрудниц своих она держала если и не в ежовых рукавицах, то не послабляла им, была начальницей очень прямой и безапелляционной.

Николай Николаевич в отношениях никогда не панибратствовал, но всегда очень дружелюбно, располагаяще улыбался и был чрезвычайно доброжелателен, деликатен и ровен со всеми. Он не делал никакого различия между лаборантами

Н. Н. Данилевский

А. А. Майорова

и сотрудниками. С ним хотелось общаться и улыбаться встречно. Разумеется, все знали, что он не только муж ихтиологической богини, но и сам бог. Бог, но какой-то свой, домашний и очень добрый. Постоянно находился в море на учётных съёмках. Он был незаметен внешне, но его присутствие в жизни института ощущалось по его работе.

По известным соседнему с институтом горькому партии причинам карьерного продвижения Николаю Николаевичу не давали, но, несмотря на это, он имел много наград и поощрений, был награждён орденом, медалью, бесчисленными грамотами.

Суда, на которых мы выходили в море: «Грот», «Гонец», «Контур», «Кристалл», «Контакт» и, конечно же, БЧС «Н. Данилевский»!

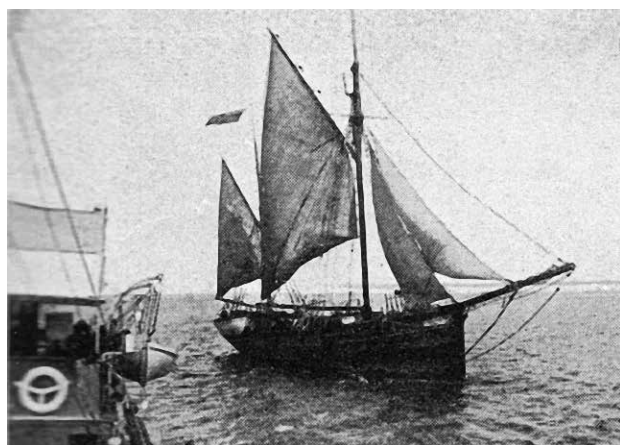
Большой черноморский сейнер «Николай Данилевский» – это новое судно. А было ещё и старое, деревянное. Я долго не могла взять в толк, как так: Николай Николаевич ещё живой, а его именем уже названо судно. Что же он эдакое сделал, что заслужил столь высокую прижизненную честь? Вроде бы не принято такое на флоте...

Толком объяснить никто не мог. Почему? Не интересовались или как? Везде тайна, недоговорённость. И это при том, что в актовом зале научно-исследовательского института на первом месте висел огромный портрет Н. Я. Данилевского. И в институте, где я училась, и во всех советских институтах-университетах, где были направления по биологии, социологии, юриспруденции, на самых видных местах висели портреты Н. Я. Данилевского. В это же время его могила была закатана в асфальт, на котором пионеры жгли костры.

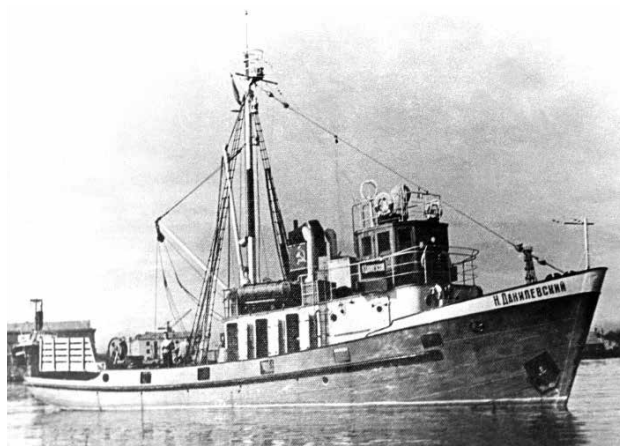
По Чёрному морю с самого установления советской власти и создания в 1922 году декретом Совета Народных Комиссаров за подписью

Н. Я. Данилевский
и Н. Н. Данилевский

БЧС судно «Данилевский»

Шхуна «Данилевский»

В. И. Ленина Азово-Черноморской экспедиции, выросшей позже в наш НИИ, ходила с научными целями парусно-моторная деревянная шхуна «Н. Данилевский», а в годы войны самоотверженно боролась с немецко-фашистскими оккупантами, участвуя в Керченско-Феодосийском десанте. Погибла как воин. После войны новому БЧС также присвоили имя Н. Данилевского.

У родных осталась только одна маленькая фотография своего знаменитого предка, которую они спасли от уничтожения и сохранили. Фотография времён написания труда «Россия и Европа».

Потомки тоже достойны своего именитого предка – учёные, врачи, инженеры.

Однако крымское наследие великого учёного-энциклопедиста Н. Я. Данилевского в виде сохранившихся до наших дней имения Мшатка и главного достояния – созданного им Философского парка – снова нуждается в защите. Парку грозит вырубка, разрушение и застройка. Доступ к могиле закрыт даже для экскурсий.

Два портрета в лаборатории промышленной ихтиологии Чёрного моря в отделе «Керченский» Азово-Черноморского бассейна ФГБНУ «ВНИРО» (АзНИИРХ) занимают почётное место. Два Николая, два Данилевских, два учёных. Один великий, другой известный. Между портретами 100 лет. Дед и внук...

Людмила ШИШЛО,
краевед, ихтиолог

«...клянусь честью, что ни за что на свете
я не хотел бы переменить Отечество
или иметь другую историю,
кроме истории наших предков,
такой, как нам Бог ее дал»
А. Пушкин

Он никем не заменяем!

**Светлана
ЗАМЛЕЛОВА**

Светлана Замлелова родилась в Алма-Ате. Детство прошло на берегу Карского моря, в п. Амдерма. Окончила Российский

государственный гуманитарный университет (РГГУ – Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Член Союза писателей России и Союза журналистов России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Кандидат философских наук (МГУ им. М. В. Ломоносова). Награждена Почётной грамотой губернатора Ульяновской области.

29 января (или 10 февраля по новому стилю) 1837 года умер А. С. Пушкин. «Солнце нашей поэзии закатилось!» – написал об этой смерти «Русский инвалид». Но уже и тогда многим было понятно, что дело не только в поэзии.

Гоголь писал, что «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа». Достоевский добавил к этому: «и пророческое».

Как о пророке о Пушкине отзывались многие, но, конечно, не в смысле предсказаний будущего. Вслед за Гоголем в Пушкине видели идеал русского человека. «Это русский человек, – уверял Гоголь, – в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». В Пушкине выразилась «народность нашего будущего, – восклицал Достоевский, – таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески». В самом деле, как никто другой, особенно

для своего времени, Пушкин постиг и русскую душу, и русский язык. Именно он сумел верно понять и выразить свой народ, родную историю и то трудноуловимое явление, которое сам же и называл «русским духом».

Пушкин явился в стране, мятущейся со времён Петра Великого между собственным и европейским жизнеустройством. Мятущейся и всё никак – а пожалуй, что и до сих пор – не могущей решить для себя: так что же всё-таки лучше и полезнее, что следует принять и от чего отказаться. Пушкин не ответил на эти вопросы, нет. Но он рассказал России о России; своим соплеменникам, которые и говорить-то по-русски забыли, он открыл богатства и прелесть родного языка, поведал о русских преданиях и русской старине. Это он вопреки многим тогда заявил, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Пушкин впервые ввёл в мировую литературу русский характер, весь мир, таким образом, познакомив с соотчичами, представив их, не унижая (как делают обыкновенно современные либеральные литераторы) и не приукрашивая (как писатели-патриоты). Пушкин обрисовал разницу, существующую между Россией и Европой, показав, что это два совершенно разных мира, обрисовав «иоанновского» и «прометеевского» человека. Но опять же: никого при этом не унижая и ничего не приукрашивая. Так появились Алеко и Онегин, Татьяна Ларина и Маша Троекурова, Алексей Швабрин и Сильвио, Лиза Берестова и Маша Миронова, графиня Анна Федотова Томская и Емельян Пугачёв и множество других образов русских людей, верно схваченных, филигранно обрисованных, превосходно объясняющих все странности и особенности русской жизни. Примером тому мог бы послужить один «Евгений Онегин», о котором Достоевский отозвался как о воплощении настоящей русской жизни, воплощении «с такою творческою силою и с такою законченностью, какой не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй».

* * *

Объехав Россию, не понаслышке зная жизнь её народов, Пушкин в произведениях и суждениях своих явил пример настоящего патриотизма. Не «квасного», фанатичного, непонятно на чём основанного, а потому вызывающего раздражение, шаткого и не имеющего порой отношения к действительности. Но подлинного патриотизма, зиждущегося на знании своей страны, своего народа и родной истории, на восприятии Отечества как явления сакрального. Именно поэтому даже резкие суждения Пушкина о России – без неприятия или презрения.

В наше время слово «патриотизм» воспринимается многими едва ли не как ругательство. Даже произносить его «передовая общественность» старается не иначе как с искажениями: «пуцриотизм», «патриотизьм» и прочее в том же роде. Особенно же забавно это звучит из уст борцов с режимом. Ведь под «патриотизмом» понимается не что иное, как любовь к Отечеству и желание ему блага. В таком случае очевидно, что тот, для кого «патриотизм» смешон, Отечество не любит и блага ему не желает. А стало быть, борясь с режимом, преследует цели смутные и, по всей видимости, своекорыстные. Логика же суждений типа «Путин вызывает к патриотизму. Путин плохой, следовательно, патриотизм – это плохо» и вовсе сродни логике «мыши – это животные, следовательно, крупные мыши – это крупные животные». Впрочем, во времена, когда Родину принято выбирать, как породистую собаку, всё это неудивительно.

Пушкин рассуждал иначе: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал». В этих давно и хорошо известных всем словах заключена, пожалуй, формула патриотизма. В этих словах ум, искренность и благородство – всё то, чего так не хватает сегодня.

Вторая библейская заповедь гласит: «Не делай себе кумира...» Но люди склонны создавать кумиров не только из золота или дерева. Любая самая прекрасная идея может стать кумиром, вокруг которого будут сбиваться толпы фанатики, ненавидящие придуманных врагов и готовые на борьбу с ними. Никогда и ни в чём Пушкин не был фанатиком, явив, напротив того, пример трезвого и глубокого, пытливого и острого ума. Того русского ума, что с неподдельным интересом воспринимает весь мир, с умилением любит им и пытается понять его, созерцая.

Пушкин и сам стал ярчайшим образцом того самого «ианновского» человека, воспринимающего мироздание не как хаос, нуждающийся в организации, а как гармонию; человека, стремящегося к примирению и правде. Как подтверждение тому – обращение Пушкина к иноземным сюжетам, достоверное изображение чужой жизни. Но даже здесь Пушкин обнаруживает сугубо русскую черту, подмеченную затем Достоевским, – «всемирную отзывчивость». Эту особенность Достоевский считал национальной, а потому и называл Пушкина «народным поэтом»: «не было поэта с такой всемирной отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном...»

Эту силу перевоплощения, этот пушкинский артистизм отмечал раньше и Белинский, уверяя, что в нём и состоит тайна «пафоса всей поэзии Пушкина», что в Пушкине следует видеть прежде всего художника, «вооруженного всеми чарами поэзии, призванного для искусства, исполненного любви, интереса ко всему эстетически прекрасному, любящего все и потому терпимого ко всему». Но Достоевский считал пушкинскую способность к перевоплощению, к интуитивному познанию неизведанного, ту самую «всемирную отзывчивость» национальной чертой, наиболее ярко воплотившейся в гениальном поэте. Можно сказать, что Достоевскому вторил позже Блок в «Скифах»:

*...Мы любим всё –
и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё –
и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

* * *

Впрочем, правота этих суждений проверяется практикой. Напрасно искать в зарубежной литературе достоверного, правдивого, психологически точного произведения о России. Получается, как правило, то, что принято называть «развесистой клюквой». В то же время русская литература не раз успешно справлялась с аналогичной задачей. Помимо «Маленьких трагедий» или «Египетских ночей» Пушкина вспомним хотя бы роман Брюсова «Огненный ангел». «Я не верю в русское происхождение автора романа, – писал критик Berliner-Lokal-Anzeiger (1910), – ибо такое знание этой части нашей истории едва ли допустимо у иностранца». Примерно о том же писал критик Baseler Nachrichten (1909).

Речь, заметим, идёт не об исключительности какой-то нации, а всего лишь о национальных чертах. Нет ничего обидного в том, что русские не обладают немецкой пунктуальностью, а немцы – той самой русской «всемирной отзывчивостью». Пушкин и сам писал о национальном своеобразии: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенное лицо <...>. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». При этом Пушкин не был каким-то оголтелым ксенофобом, ненавидящим всё чужое. Разница, отличия между народами вызвали его исследовательский интерес. Он не просто чувствовал и понимал дух другого народа, в «Пиковой даме» он сравнил и сопоставил носителей разного духа. Кстати, тема эта – Россия и Запад – не раз потом возникала в русской литературе. Вспомним хотя бы Достоевского, Гончарова, Лескова...

В «Пиковой даме» Пушкин сталкивает русский и западный миры и показывает, что получается из этого столкновения. Русский

мир олицетворяют в повести Павел Томский, графиня Анна Федотовна, её воспитанница Лизавета Ивановна; западный – Германн, о котором сказано, что он инженер, немец и похож на Наполеона. «Германн – немец...» – говорит Томский. Но, по замыслу Пушкина, Германн не просто немец, он олицетворяет западный, романо-германский мир. Ведь неспроста этнический немец «удивительно напоминал» портрет корсиканца, ставшего императором Франции.

Пушкину одной только фразой удалось выразить и цель западного человека, и средства к достижению этой цели, и разницу между русским человеком и западным. «Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усемерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» – говорит себе Германн, размышляя о трёх чудесных картах. Германн – представитель Запада – мечтает о покое и независимости, для этого ему нужен капитал, желательно втрое или даже всемеро больший, чем уже есть. Германн знает: чтобы утроить или усемерить свой капитал, ему необходимо быть последовательно расчётливым, умеренным и трудолюбивым.

Но, посмотревшись в России на русских, которые проигрывают в одночасье огромные состояния или выигрывают то, о чём вчера и не думали, Германн оказывается на распутье. Он перед выбором: продолжать и дальше быть расчётливым, умеренным и трудолюбивым и тогда, возможно, к старости достичь покоя и независимости посредством увеличения капитала; или рискнуть, доверившись случаю, и попробовать в одночасье выиграть у судьбы всё, то есть поступить так, как поступают русские. Но обмануть судьбу не получается. Германн, в самом буквальном смысле поставив на карту всё, не учёл одной мелочи: играя с судьбой, ни Томский, ни Нарумов не мечтают о покое и независимости. Их игра происходит ради самой игры, ради удачи, случая. Мысль о том, что жажда риска, стремление переменить в одночасье судьбу – черта сугубо русская, проводил впоследствии и Достоевский. Кстати и вопрошая: «Неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразие или немецкий способ накопления».

Судьба позволила Германну утроить и усемерить свой капитал, когда тройка и семёрка выиграли ему по талье. Но обрести покой и независимость, надеясь на удачу и случай, – это значило бы совместить несовместимое, и удайся Германну эта авантюра, можно было бы говорить о преодолении пропасти между Россией и Западом. Но когда пиковая дама вдруг подмигнула Германну и Германн понял, что судьба смеётся над ним, стало очевидным, что покой и независимость нельзя обрести разом и вдруг, точно так же, как нельзя быть идеалистом, оставаясь расчётливым и умеренным. Германн, будучи типичным представителем Запада, попробовал стать русским, но этот эксперимент провалился. На примере Германна Пушкин подтвердил справедливость русской поговорки: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть».

* * *

О взаимоотношениях русского человека и случая писал Ю. М. Лотман, отмечавший, что «начиная с петровской реформы жизнь русского образованного общества развивалась в двух планах: умственное, философское развитие шло в русле и теме европейского движения, а социально-политическая основа общества изменялась замедленно и в соответствии с другими закономерностями. Это приводило к резкому увеличению роли случайности в историческом движении. Каждый фактор из одного ряда с точки зрения другого был внезакономерен, случаен, а постоянное взаимное вторжение этих рядов приводило к той скачкообразности, кажущейся необусловленности событий, которая заставляла современников целые аспекты русской жизни объявлять "неорганичными", призрачными, несуществующими».

Жизнь Российского государства, российского общества была (да, признаться, и остаётся) устроена таким образом, что слишком многое в ней зависело от случая, от везения, от счастья. Вспомним и рассуждения Ключевского о характере великоросса: «Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии».

Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своеобразие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит, подчас очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось».

Пушкин отмечал влияние на национальный характер климата, образа правления и веры. Что ж, прибавим и религиозное отличие от Запада, ведь православное вероучение (не современное духовенство!) никогда не провозглашало успех, достижимый трудом и расчётом, мерой богоугодности. Гораздо более важным представлялось противоположное – удаление от земной привязанности и суеты, избавление души, по слову Григория Паламы, «от всяких вещественных оков».

В результате влияния всех этих обстоятельств – климатических, культурно-исторических – сложился характер своеобразный. Характер человека, где-то глубоко в подсознании которого закрепилось убеждение, что путь к счастью пролегает не через «расчет и умеренность», а через везение, случай или удачно сложившиеся обстоятельства. А само счастье – явление настолько зыбкое, что и хвататься за него не стоит. Русская жизнь разительно отличалась от европейской, отличается и по сей день. Все те же разногласия и противоречия на каждом шагу или, по слову Лотмана, целое, моделируемое «с помощью четких и умопостижимых моделей, но в реальной жизни являющее лик хаоса, торжества случайностей». Ещё короче определил это В. С. Черномырдин, изрекая: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Уместно будет вспомнить и всем хорошо знакомые тютчевские строки:

*...Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить...*

* * *

Между тем и сегодня Россия сама себя не понимает, многие соотечественники ненавидят страну и народ, все ждут, когда же наконец превратится Россия хотя бы в подобие Европы, и презирают русских за неспособность стать немцами. А ведь уже Пушкин понял и показал в «Пиковой даме»: подобные метаморфозы безболезненно не проходят.

Главные герои повести появляются на первых страницах. И читатель узнаёт, что «Германн – немец; он расчетлив, вот и все», что графиня Анна Федотовна Томская лет шестьдесят тому назад была в Париже, где и узнала тайну трёх карт.

Перед нами немец в России и русская графиня во Франции. Пушкин подчёркивает это, называя Германна немцем, а графиню – la Venus moscovite («московская Венера»). Анна Федотовна, оказавшись на Западе, попала в затруднительное положение благодаря собственной непрактичности и азарту. Спасло её чудо, то есть явление иррационального порядка, близкого ей по духу как носительнице иррационального начала, представительнице мира, где правит случай. В конце повести мёртвая графиня является Германну «против своей воли», но опять же представляя иррациональную силу.

Германн, напротив, олицетворяет рациональное начало. Он не признаёт случай как таковой. Когда Томский заканчивает рассказ о трёх картах, кто-то из гостей восклицает: «Случай!» Но Германн, словно отрицая саму возможность случая, отзывается: «Сказка!» Подобно Анне Федотовне, Германн тоже оказывается в чуждом ему мире, он не похож на других офицеров, о чём сам же и сообщает охотно: «Игра занимает меня сильно <...> но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее».

Появление Германна в повести всякий раз связано с противопоставлением случая и расчёта. Даже решив отдаться на волю случая – сделаться на время русским, – Германн не оставляет расчёта. Кроме графини, Германн по-

является в паре с Лизаветой Ивановной. И здесь действует он по расчёту против спонтанного и во многом случайного чувства Лизаветы Ивановны. Узнав о его расчёте, о том, что «эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, все это было не любовь! Деньги – вот чего алкала его душа!», Лизавета Ивановна говорит Германну: «Вы чудовище!» Но он невпопад отвечает: «Я не хотел ее смерти <...> пистолет мой не заряжен», обнаруживая тем самым полное непонимание своей vis-a-vis, пропасть, которая их разделяет.

В церкви на отпевании, когда Германн подходит к мёртвой графине, ему вдруг кажется, что «мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом». Германн отступил в страхе и упал. Сближение с миром случая, попытка проникнуть в этот мир с целью подчинить его своей воле заканчиваются для Германна неудачно – буквальным падением. В конце концов случай в лице уже мёртвой графини сам явился к Германну, и он не выдержал этой встречи. Германн мечтает утроить, усмирить свой капитал за счёт случая. Ну что ж, случай дарит ему шанс: тройка, семёрка и туз должны выиграть Германну сряду. Ведь утроив и усмирив капитал, он рассчитывал попасть не иначе как в тузы. Но вместо этого попадает в сумасшедший дом. Думая, что играет (в карты, графией, Лизаветой Ивановной), Германн сам делается игрушкой случая – если бы он случайно не обдёрнулся, всё пошло бы иначе.

Отчасти здесь угадывается встреча двух миров, произошедшая на памяти Пушкина, – неспроста Германн похож на Наполеона. Отчасти Пушкин выступил пророком, предугадав события, наступившие только спустя сто лет, когда новый Германн вновь пожаловал пытаться счастья в России, желая утроить и усмирить свой капитал, что закончилось для него столь же печально, как и для пушкинского героя. С точки зрения обобщения Пушкин показал давние и неизбывные взаимоотношения России и Запада.

Но, конечно, «Пиковая дама», как и вообще творчество Пушкина, не связана исключительно с национальным вопросом. Гениальность Пушкина выразилась, в частности, в способности видеть и целое, и его разрозненные куски, показывать несовместимые предметы частями единого. По мнению Лотмана, эта способность делает «произведения Пушкина не только фактом истории искусства, но и этапами развития человеческой мысли».

Пушкин дал русской литературе импульс к самопознанию, вернее, определил назначение русской литературы как средство осмысления русской действительности. Родившись и живя в стране, которая уже традиционно сама себя не понимает, он сумел и понять, и выразить это понимание, став основоположником национальной художественной антропологии. Так в русской литературе появился человек ищущий, скучающий, любящий, бунтующий, мыслящий, сомневающийся. И вслед за героями Пушкина стали появляться тургеневские барышни, толстовские мыслители, лесковские чудаки, чеховские слабаки.

А что касается простого русского человека, не отслеживающего «этапы развития человеческой мысли», то Пушкин и здесь всё предусмотрел.

Есть у Михаила Дудина строки, что приложимы к каждой русской душе:

*Мы знаем это иль не знаем,
Хотим того иль не хотим,
Но он никем не заменяем
И навсегда необходим.*

Да, для каждого в России Пушкин стал родным и любезным, потому что как никто другой он понял свой народ, воплотив в себе лучшее, что есть в народе, – язык, нрав, душу. Вот почему всё, что связано с Пушкиным, имеет особенное значение, а дни его рождения и смерти вспоминаются в России как особые дни.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ПОД СЕНЬЮ РУБЦОВСКОГО ДРЕВА

Со мною что-то стряслось, и я вдруг заговорил прозой. Наверное, это оттого, что слишком много времени я носил в себе груз непридуманных живых рассказов моих собратьев по перу из литобъединения «Металлург» о их личных встречах с поэтом Николаем Рубцовым. Преломляясь через мою душу и нанизанные на неё, словно на стержень, эти рассказы жглись друг о друга, и вырывались из груди наружу, и прямо-таки просились к перу и бумаге. Но я то и дело сдерживал себя и задавался вопросами: «А что же это получится у меня – Рубцов глазами моих друзей? Отражение с отражения? Позвольте, позвольте, да имеется ли в этом необходимость?»

Однако мой внутренний голос упрямо твердил мне денно и ночью: «Послушайся меня. Все истинные поэты накрепко связаны незримыми нитями, словно звенья одной цепочки: своими судьбами, биографиями, выстраданными строчками. Вот посмотри сам: у Рубцова и у твоих собратьев-челябинцев схожие судьбы – голодное военное и послевоенное детство, сиротство, раннее взросление в заводских цехах и общежитиях. И разве случайно то, что вы встретились с Рубцовым и с его поэзией именно в начале шестидесятых годов, в пору самых тяжких невзгод для него, и оказали ему (кстати, очень вовремя!) моральную и материальную поддержку, делились с ним последним куском хлеба? И разве случайно написал об этом известный русский поэт Василий Фёдоров крепкие запоминающиеся строки:

*...Поэты, как
планеты,
Взаимно притяжимы –
...Слетит один
с орбиты –
Несдобровать
другому!*

Очень верно сказано и убедительно. И, ещё раз поразмыслив, я, почитатель Николая Рубцова, с помощью своих друзей вхожу сегодня в волшебный мир его поэзии, распахиваю настежь дверь в знаменитое общежитие Литературного института, в котором и мне довелось проживать в начале 80-х и наслушаться разных былей и небылиц о похождениях моего героя. Вхожу, словно в сказку, в которой все молодцы, как Рубцов, в которой поэты не разучились удивляться, радоваться чужой удаче. И пусть Николай Рубцов предстанет таким, каким он утвердился в памяти моих друзей: может быть, не таким ершистым, раздражительным, нередко неуживчивым и разозлённым, каким он был в действительности. Суть не в этом. Главное – он нёс людям добрый свет. Ведь и солнце таит в себе много пятен. Но, отражаясь в капле росы, а затем – в глазах и душе поэта, оно по-новому и свежо сверкает в трепетных строчках и волнует читателя.

Сам Николай Рубцов, говоря в стихах о своей колючести и трудном характере, не забыл, однако, сжатой формулой выразить суть:

Поэт нисколько
не опасен,
Пока его
не разозлят.

* * *

Эти строчки оказались крылатыми. А толчком к их написанию послужила не очень-то спокойная жизнь поэта в Москве, в общежитии Литинститута на улице Добролюбова (дважды его исключали из этого вуза, переводили на заочное отделение, восстанавливали со скрипом на очном – Рубцов был слишком индивидуален и, по мнению блюстителей строгих порядков, вносил смуту в ряды студентов). Но об этом периоде его жизни пусть расскажут те, кто был в ту пору рядом с Рубцовым и давал ему деньги на хлеб, на чай, а иногда на более крепкие напитки. Одним из таких близких по духу и верных друзей Николая Рубцова был наш уральский поэт Вячеслав Богданов.

Вспоминается лето шестьдесят девятого. Вячеслав только что прилетел из Москвы. Он был в то время руководителем нашего заводского литобъединения «Металлург». Полнолицый, голубоглазый, с разбухшими от ветров и морозов ручищами, прошедший многолетнюю закалку на высотах коксохима Челябинского металлургического, он знал цену настоящей мужской дружбе и поэтическому слову. Его пронзительно честные, проникновенные стихи об Урале, о родимой деревне, о судьбах крестьян в горестные военные и послевоенные годы заметили мастера поэтического цеха Людмила Татьяничева и Василий Фёдоров, помогли автору выпустить книги, возможно, памятуя пушкинскую фразу: «Хорошо помогать лошади, которая и сама тянет увесистый воз!»

Окрылённый первыми удачами, Вячеслав круто набирал высоту, надёжно сплавляя тамбовское деревенское речение с говором уральского городского работного люда: «В шестнадцать лет покинул я село, но в двадцать восемь не приехал в город», «Я в мир пришёл творить, а не рыдать, века и так к нам на слезах приплыли». Это как-то сближало поэзию Богданова с поэзией Рубцова, и

нередко их фамилии ставились рядом в обзорах русской современной поэзии. Дух соперничества поэтов витал над нами, но мы отращивали крылья под сенью рубцовского древа...

Однако вернёмся к буйно цветущему скверу возле Дворца культуры челябинских металлургов, где мы, литовцы, несмотря на каникулы, собрались на встречу с Вячеславом Богдановым. Его рассказ о поездке к Николаю Рубцову я записал почти дословно, потому передаю слово ему, и пусть были и небыли о Рубцове прозвучат в его исполнении.

* * *

«Взбираюсь на пятый этаж общаги Литинститута, нахожу нужную комнату, – начал свой рассказ Вячеслав. – Дым стоит коромыслом. Студенты сидят кто где: на диванах, на табуретках, на полу. Словом, пиршество в разгаре. Во главе стола – Николай, уже изрядно нагруженный спиртным, рядом с ним Боря Чулков, поэт из Вологды, Цехил Камалов из Дагестана – поэт и драматург, студент из Монголии со странной кличкой Солидол. Словом, народ разношёрстный, пишущий и пьющий.

– "У козлёнка – вот беда – отрастает борода, и козлёнка прямо с детства можно дедушкой звать..." – прочитал Солидол. Рубцов рассмеялся – он ценил юмор. Следом рассмеялись и другие. Довольный хозяин обвёл взглядом присутствующих, уставился в меня:

– Теперь твоя очередь радовать нас, Вячеслав...

Я прочёл два стихотворения – "О России" и "Конь", жестами словно бы раздвигая комнату. Студенты выжидательно посмотрели на Рубцова, только он мог, по их мнению, вынести "приговор". Тот покрутил в руке фарфоровую зелёную китайскую пиалу, бережно поставил её на стол, подумал с минуту и выдохнул:

– "Конь" у тебя смотрится, Вячеслав, строчки светятся, я даже с ходу запомнил:

*...И вот ты снова рвёшься на дыбы
И мечешься, как будто от удушья,
Но две оглобли,*

Как конвойных
ружья,
Стоят на страже у твоей судьбы...

Живым пахнет, живым пахнет, – пропел он,
и ему вторили его друзья: "Да-да, действительно,
он не повторил тебя, Коля, нашёл свой поворот
темы, хотя до твоей "Судьбы" не дотянул...

Рубцов усмехнулся, спросил:

– А, кстати, "Судьбу"-то мою знаешь?

Я кивнул. И тут же полностью прочёл вслух
его "Судьбу" – о том, как лучшего скакуна в
округе кастрировали, впрягли в телегу и при-
казали возить кирпичи на стройку:

*...И упал он, весь пылая и дрожа,
Под огонь
ветеринарного
ножа.
И поднялся он, тяжёл и невесом.
Покатилось колесо за колесом.*

– Шестьдесят второй год, Коля! – восхищён-
но сказал Цехил Камалов. – Подумать только!
Семь лет назад написано!

Как примагниченные, ребята плотнее жа-
лись друг к другу: в образе коня они видели
образ России, у которой вырезали цвет нации.
Поэты Есенин, Гумилёв, Мандельштам, Нико-
лай Клюев, Борис Корнилов, Павел Васильев –
велик и тяжёлок скорбный список. Слово "колесо"
в контексте стихотворения прозвучало траги-
чески-зловеще.

– Молодец, Коля! – воскликнул кто-то из
студентов.

– Да я сам знаю, что молодец, – с улыбкой
отвечал польщённый автор. Однако собутыль-
ник не унимался, он единым духом зачитал
пушкинское восьмистишие о коне:

*Не косись
пугливым оком,
Ног на воздух
не мечи,
В поле чистом и
широком
Своейравно не скачи.*

Всё равно тебя
заставлю
Я смириться
под собой,
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой...

– Ведь это же гораздо слабее твоей "Судьбы"!

– Ты Пушкина не тронь! – резко перебил
Рубцов однокорытника. – Все мы ему тут вме-
сте взятые в подмётки не годимся! – И жадно,
взахлёб допив порцию "зубровки", тяжело вы-
дохнул: – Эх, юноши, юноши...

Под навалившимся гнѐтом тишины неочи-
данно прозвучали две строчки Евтушенко: "По
ночам какие суки бабы, по утрам какие суки
мы!" Николай, ухмыльнувшись, произнёс тихо:

– Может быть, вот эти две строчки от него
и останутся... А остальное у него всё наносное,
от Маяковского. Чересчур политизирован. Вот,
скажем, "Братская ГЭС" – сплошное графоман-
ство. Декабристы, Чернышевский, Герцен – не
люблю, когда историю государства Российского
переписывают рифмами. Да ещё катаются по
загранкам, а на какие шиши?»

«Вообще тема "катания по загранкам" его
очень забавляла, – продолжал делиться впе-
чатлениями о встрече с Николаем Рубцовым
Вячеслав Богданов. – "Нужно путешествовать
внутри себя, в своей душе, искать сюжеты в
исконно русском слове, – нередко говаривал
он. – Пристало ли нам, порушившим российские
церкви и монастыри – нашу неувядаемую кра-
соту и духовную крепость, – глазеть на какие-то
египетские пирамиды?"

Он зло сверкал глазами, понемногу успо-
каивался. Бережно, словно ребёнка, умащивал
на коленях выдавшую виды хромку с разноцвет-
ными мехами, рассыпал пальцы по кнопкам и
протяжно, задушевно пел свои песни».

Вот таким запомнился мне рассказ Вя-
чеслава Богданова о своём духовном брате и
удивительном поэте Николае Рубцове, великие
тайны поэзии которого он стремился постичь
всю свою сознательную жизнь.

Атилла САДЫКОВ

Марина МАТВЕЕВА

Симферополь, Республика Крым

Поэт, прозаик, литературный критик, публицист. Книги поэзии: «Светотень» (2003), «Избежность» (2005), «Теорема слова» (2006), «ЭГОистина» (2010), «ТРАНС[крым]ЦИЯ» (2013), «Солнечное дно» (2019). Автор мифологической повести «Асунов рай» (2019); фэнтези-феерии «Турозавриада – крымский эпос». Публикации в изданиях России, ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат международных и региональных конкурсов. Член Союза писателей России. Ведущая рубрики «Крымские узоры» в литературно-философском журнале «Что есть Истина».

СИНХРОФАЗОТРОН

Неделимым еси в Демокритовы веки –
и его же устами неделим доказался.
Но недавно решили (это были не греки):
«Развались!» И распался. И снова распался.

И не только, о атом, что в моей волосинке
миллионы тебя, но и как будто и воздух
соловотворный разбит на колы и осинки,
и у каждого – свой, и у каждого создан
фазо-трон. Троно... фас! (Трон – от слова
«Не троньте!»)

И под каждым припрятаны крупы на зиму.
Блеском квантовой лирики лаковый зонтик
сто вторую по счёту накрыл Хиросиму.

Я пытаюсь бежать... Но из лироизвилин
не выводят и тысячи смелых попыток.
Я как маленький атом, который разбили,
расстреляв без суда моего Демокрита.

* * *

Вновь по улицам города возят мессу
поклонения богу неандертальцев.
Ты намеренно сказала сему процессу:
«Вот глаза мои, но не увидишь пальцев», –

и ошиблась. Не пальцы ли бьют по клавише,
вышивая оттенки для скепт-узора
социолога, плавающего в лаве,
будто рыбка в аквариуме – не в море,

где прекрасная юная менеджрица
привселюдно вершит ритуал закланья
женский сущности, сердца... Потееют лица,
и у почек несвойственные желанья,

и у печени в самом её пределе
пролупляется гордость так малосольно...
У дороги роскошный, как бомж при деле,
серебристый от пыли, растёт подсолнух.

Он кивает ей: «Дева, менеджрируешь...
Вот и я тут – питаюсь, а не пытаюсь.
Кто нам доктор, что сити – не сито – сбруя,
пылевая, ворсистая, золотая...

Кто нам Папа и все его кардиналы,
кто нам Мама, пречистый её подгузник,
что кому-то премногого стало мало,
что кому-то и лебеди – только гуси.

Кто нам Бог, что сегодня ты устыдилась,
как вины: ты – какая-то не такая...
Не рыдаешь без сумки из крокодила...
А всего лишь гердыня – и ищет кая.

Он придёт, пропылённый, как я, бродяга.
Он придёт – и утащит. Туда, где надо...»
Лето. Менеджаровня. Пустая фляга.
Нечем даже полить тебя, цвет без сада.

Нечем было б утешиться, кроме вер, – да
нечем даже развеситься, обтекаая...
Вновь на улице города злая Герда
раздаёт нам визитки... «Какого Кая?»

* * *

ТЕТИВОЙ...

Что ты мне сделал такого полезного,
 славный Ясон?
 Вот я кую тебе строки железные, памяти сон.
 Что ты мне сделал? Купил мне квартиру ли?
 Шубу надел?
 Вот я дарю вам, плеснувшим потиры
 в Аидов предел...
 Вот не Елена, но местные даны, данайцы...
 да ну...
 Вырвать из плена не могут как данность
 родную жену.
 Вот не Брунгильда, но местные свеи
 да норманны... но...
 Титло и тильда. Для золотошвеи слепое кино.
 Что ты мне сделал такого прекрасного,
 Один и Тор?
 Боль головную хоть вылечишь ласкою,
 о Денэтор!
 Спелым джедаем налившись на облаке –
 склюнет назгул.
 Стаями, стаями... Йоханы Гоблины!
 Жизни прогул:
 «воли» и «личности», целедобития, кучи бабла...
 Ох, неприличности: тело из лития, не изо тла.
 Вот что вы сладили, витязи-викинги старых
 планет:
 лёгкие, плавкие, сереброликие волосы мне...
 «Будем отрезать?» – под разумом «выкая»...
 Выкрикнет «Ха!»
 Эврика.
 Эври-Кая!
 Эвридикая жизнь у стиха!
 Не обязательно древнее прошлое.
 Можно сейчас.
 Что ты мне сделал такого хорошего,
 нынешний час?
 Как-то вот даже не падаю замертво,
 к жизни спиной.
 Что ты мне сделал такого гексаметром?
 Значит, не ной.

Я ударил врага – будто зеркало сердца разбил.
 Не рукою ударил – словами. Как будто язык
 на мгновение хрупкую душу изъял из глубин,
 повертел, рассмотрел – и на место вернул.
 Не привык

к поеданию тех, кто так туго похож на меня...
 Близнецами рождаются ненависти – тетивой...
 Я ударил врага – осторожно, как будто отнял
 у ребёнка игрушечный лук, чтоб вручить
 боевой.

«Защищайся!» А он улыбнулся –
 как будто узнал
 мой удар, что когда-то мне сам подарил
 невзначай.
 Пожелал я увидеть в улыбке тигриный оскал –
 чтобы он не почуял свою – тетивую... – печаль...

– Что ты медлишь? Рази! Что уставился? Бей! –
 и в упор –
 ненаглядная ненависть – сладким тягучим
 вином...

Я ударил врага. Я не знаю себя до сих пор.
 Он ответил не так, как я думал собою о нём.

Или им о себе. Или нами – о мире вокруг.
 Или миром – о нас. Или небом – об этой земле.
 Я ударил врага. Он ответил: «Прости меня,
 друг».

Не словами ответил – стрелой, размыкающей
 плен.

Я ударил врага. Будто зеркало сердца разбил.
 Я ударил врага. Чтоб никто его так
 не как любил.

Я ударил врага. Надо мною качнулась вода.
 Я ударил врага. Я ушёл от него. Навсегда.

Ольга ГОЛУБЕВА

Ольга Голубева живёт в Симферополе, пишет стихи, песни, занимается поэтическим переводом с крымскотатарского и украинского языков.

Член Союза писателей России.

Автор слов Государственного гимна Республики Крым.

Удостоена звания «Почётный крымчанин», награждена симферопольским знаком отличия «Звезда славы и почёта». Заслуженный деятель искусств Республики Крым.

Автор 10 сборников стихов и переводов для взрослых и детей, четырёх альбомов песен, множества публикаций в Крыму и за его пределами (в Москве, Киеве, Донецке, Мюнхене, Казани, Петрозаводске и других городах).

Лауреат Государственной премии Республики Крым и нескольких литературных премий.

Распелась в душе зоря

* * *

И сказала Россия: «Своих не бросаем,
Всё зачтётся на Божьем суде!»
И проснулась земля, как девчонка босая,
Побежала навстречу судьбе...

И уже за весной пробивается лето,
Дышит море, прибором звеня.
Можно лишь пожалеть не увидевших это,
Не доживших до этого дня...

И откуда-то вдруг появляются силы,
Дух трепещет, как флаг за кормой,
Словно песня звучит – Крым вернулся в
Россию!
Просто взял и вернулся домой!

* * *

Весна! Что может быть банальней,
Чем пара строчек о весне,
Когда бежишь из душной спальни
Навстречу юной новизне...

Когда пьянящий свежий воздух
Глотаешь, словно эликсир,
И ветка трепетной мимозы
Прекрасным делает весь мир...

Весна! И будто горя нету,
И не пугают холода,
Когда ты любишь землю эту,
Родную эту, – навсегда!

* * *

Весна, вернувшаяся вновь,
Влетит в окно коровкой божьей,
И чувства, спящие давно,
Она разбудит, растревожив.

И будет свет, и будет сень,
И стихнет злое пустословье,
И озарится новый день
Всепобеждающей любовью.

Украсится цветами дом,
И песню заведёт пичуга,
И мы с тобою оживём,
Не разлюбившие друг друга...

* * *

Я так тебя люблю –
ещё сильнее, чем раньше,
Не праздную побед, не требуя наград.
Признание своё со знаменем на марше
Готова пронести как лучший транспарант...

Готова прокричать ещё сильнее, чем раньше,
Чтоб слышали меня во всех краях земли:
– Я так тебя люблю!
Мы просто стали старше,
И страсти улеглись, но чувства не ушли...

Но чувства греют нас ещё сильнее, чем раньше,
Был век минувший крут и наступивший – лют,
Но вечная любовь опять стоит на страже,
Запомни навсегда:
Я так тебя люблю!

* * *

Мы сменили район,
вроде всё по-другому,
Двор совсем не похожий,
но кажется мне:
Слышен прежний трезвон,
птичий щебет знакомый,
И шелковица та же маячит в окне...

Мы сменили страну,
паспорта и законы,
Может всё измениться,
но ясно одно –
Что появятся птицы
над нашим балконом,
И шелковица будет царить за окном...

* * *

Пью, обжигая губы, чай на завтрак,
Чтоб спешно пробежать по магазинам.
Похолодало на дворе внезапно –
Троллейбусы пропахли нафталином...

Но старики, смотрю, помолодели
И не ворчат, не ноют спозаранку.
Вернётся солнце к нам через неделю,
Расстелет осень скатерть-самобранку:

И помидор, и перец, и петрушка –
Мы их заправим ароматным маслом...
Вот только позвонила бы подружка
С того многострадального Донбасса...

И будет радость – что для счастья надо,
Когда родные живы, слава богу...
И сердце слышит шорох листопада,
И звёзды тихо падают к порогу...

* * *

С Днепра не увидеть Волги,
Но рядом их берега,
И будут дразги недолги,
И будет боль недолга...

Мы крепко сбиты навеки
Гвоздём с одного креста,
И будут полными реки,
И будет вода чиста...

Уйдут грозовые тучи,
Я верю и не боюсь
Увидеть с днепровской кручи
Родную матушку-Русь!

Ольга ИВАНОВА,

Республика Крым, Симферополь

Ольга Алексеевна Иванова – педагог, прозаик, публицист, поэт, переводчик поэтических текстов, журналист, член Союза писателей России, автор 16 авторских сборников (последняя книга – «Крым к России приближали как могли»), более 1000 публикаций в России, Белоруссии, Казахстане, Германии, на Украине, кавалер ордена «За верность долгу», лауреат Золотой медали «Василий Шукшин», Всероссийской литературной премии им. Н. С. Гумилёва, Премии Автономной Республики Крым, заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым.

ПРО ЛЮБОВЬ И РУСЬ НАСТОЯЩУЮ*

Надевай-ка, князь, шапку белую,
Чтоб она была в жемчугах.
Зажигай-ка ты песню смелую.
Раскрывай, гармонь, все меха!

Разудалистый, очи смелые.
На Руси тебе – каждый брат.
Все рукастые, все умелые,
И всегда готов меч-булат.

Там вдали, в тени, за смородушкой,
Ты поди-поди, рядом встав,
Ты поди-поди за лебедушкой,
Ты возьми её за рукав.

Не показывай свою силушку,
Приколи цветок в волосах
И прославь свою мать-Россиюшку,
Чтоб звенела песнь в небесах.

Подхвати, гармонь, песнь звенящую,
Ты поведай всем, зажигай –
Про любовь и Русь настоящую
И наяривай, жги-давай!

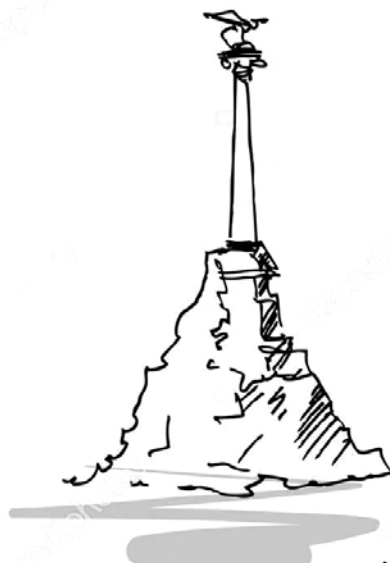
РУССКОМУ НАРОДУ

Играет кровь во всей моей природе,
Бушует страсть горячая в крови,
Ведь я ребёнок русского народа.
Не надо денег – я хочу любви!

Не надо славы, дайте мне свободу
(Жизнь без неё не стоит ни гроша),
Ведь я ребёнок русского народа,
И в поле песней высится душа!

Не нужно денег, славы и свободы,
И без любви могу прожить года:
Мне б только счастья русскому народу
И неба мирного навеки, навсегда!

* На эти слова композитором Еленой Лебедежкой из Евпатории написана песня.

ПОЛЕ БРАНИ*

Бедушку оплакала жница.
Но, ведя свои хороводы,
По-над полем ворон кружится,
Поле брани волки обходят.

То ли черепа, то ли камни,
Болью позасеяно поле.
Ох, да как раздвинуть руками
Горюшко, сращённое с болью...

Ой, подуйте, свежие ветры,
Изгоните чёрную птицу,
Снизойди, священная Вера:
Русским головам не склониться!

Поле брани, полюшко-поле,
Дай нам новой силушки-силы!
Не забыть нам пролитой крови,
Богатырской славы российской!

ПИСЬМО ИЗ КРЫМА НА САХАЛИН**

Пишу из Крыма, брата Сахалина,
И вы, и мы для Родины форпост.
Пути-дороги между нами длинны,
Но расстояние – это не вопрос!

И Крым, и Сахалин – очей отрада!
Полёт у наших помыслов высок.
И если вы повернуты на запад,
То мы, конечно, только на восток!

Воспитаны мы окоёмом синим,
А воздух у Отечества один,
И потому душой – народ единый,
Страну мы никому не отдадим!

Ни вам, ни нам чужих земель не надо,
Зато мы с вами лакомый кусок!

Но годы наши души не ослабят,
Мы возродимся – дайте только срок!

И нам чужой истории не надо.
И вы, и мы для Родины редут.
Гостям мы с вами непременно рады,
Но происки «партнёров» не пройдут.

Рябины салютуют цветом алым,
И путь у судеб видится один:
Граница – это Родины начало,
Её мы никому не отдадим!

Пишу из Крыма, брата Сахалина,
И вы, и мы для Родины форпост.
Пути-дороги между нами длинны,
А расстояние – это не вопрос!

КРЫМ С РОССИЕЙ В СЕРДЦЕ НАВСЕГДА!*** КРЫМСКИЙ МОСТ

Как рука, протянутая Крыму,
Лучезарной матушки-Руси –
Мост над морем грандиозный вздыблен –
Долгожданной Родины посыл.

Здесь плечом к плечу народы Крыма,
Мост – России преданный форпост.
Переправы путь, конечно, длинный,
Но теперь парит над нею мост!

Мы считали вехи, годы, сроки,
Путеводная зажглась звезда,
И теперь спешат машин потоки,
В триколорах мчатся поезда.

Эта связь вовеки не прервётся –
Счёт ведут истории года!
Триколор на мачте Крыма вьётся –
Крым с Россией в сердце навсегда!

* На эти слова композитором Василием Гуляевым (Гераськиным) из Перми написана песня.

** На эти слова композитором Татьяной Великодворской из Севастополя написана песня.

*** На эти слова композиторами Александром Орловым из Симферополя и Еленой Лебеденко из Новоозёрного (Евпатория) написаны две песни.

Рифат ИЗМАЙЛОВ

Родился в г. Пугачёве Саратовской области. Выступал в рамках Поэтического фестиваля г. Мичуринска и в художественной самодеятельности.

На 15 стихотворений учащимися детских школ искусств г. Мичуринска выполнены рисунки, оформленные картины из стихотворений и рисунков в июне 2022 года направлены в военный госпиталь г. Тамбова в рамках акции в поддержку военнослужащих ВС РФ.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Я с утра проснулся,
А в окошке зарева рассвет,
Просто улыбнулся
Я ему в ответ.

Снова день родился –
Новый жизни путь,
Будет много счастья,
И не будет грусть.

Вот он, мир открытый,
Предо мной стоит.
Побегу я к жизни,
Новый день манит!

ВОИН

Быть Воином должен я всегда!
Сказать, что отступаю, – никогда!
Идти вперёд – вот мой удел,
Судьбы другой я не хотел.

Меня спросили «Кто ты, Воин?»
А я высокой чести удостоен:
Страны Великой я фанат,
Российской армии солдат!

Моя судьба – судьба России,
Нам в этой жизни всё по силам.
Отчизны нашей мы сыны,
Присяге, Родине верны!

ОСЕНЬ? ТОЛЬКО НЕ В ДУШЕ!

Осень листья веет
С тополей, берёз,
Солнца лучик греет
Крыши не всерьёз.

Журавли тянуче
На юга летят,
Ну а с неба тучи
Дождиком грозят.

Тучи, ветер, слякоть –
Настроения нет.
Осень, ты хмурная,
От зимы привет.

Ну а мне на слякоть
Вовсе наплевать,
Не хочу я осень
Просто замечать!

Я бегу с цветами
На свиданье с ней,
И теперь на свете
Нет её милей!

И любовь на сердце
Ставит мне клише...
Осень, ты хмурная,
Только
НЕ В ДУШЕ!

НЕ ЗЛИТЕ БОГОВ

Не злите богов,
Когда счастье дано,
И быть может, дано не одно.
Проснуться, увидеть рассвет,
Когда нету несчастий и бед.

Не злите богов,
Когда радость дана,
Дана, быть может, она не одна.
Когда видишь улыбку детей
И злобы не видишь людей.

Не злите богов,
Когда здоровье дано,
А в жизни оно ведь одно.
Ты утром проснулся, ничего не болит,
Не артрит, не хондроз и не гайморит.

Не злите богов,
Когда любовь вам дана.
Быть может, на всю жизнь одна.
То вечное чувство таится в груди,
И к радости, счастьем ты вместе иди.

Не злите богов,
Когда что-то дано.
Быть может, дано оно вам одно...

НОЧЬ

Солнце землю греть устало,
Ночь-проказница настала.
В небосвод вошла луна,
В ночь хозяйшка она.

И возник на небе вот
Прямо целый хоровод:
Мириады ярких звёзд
И кометы длинный хвост.

Ночь даёт нам отдохнуть,
Бодрость, силушку вернуть.
Завтра новый день наступит,
Солнце лучиком разбудит.

СЧАСТЬЮ БЫТЬ

Счастью быть,
И не может быть иначе.
Ведь его не скрыть,
Счастьем мир охвачен.

Счастье ты найдёшь
В утреннем рассвете.
Счастье там,
Где играют дети.

Доброта, улыбки,
Радость и любовь,
Счастье в них
Ты увидишь вновь.

Счастье рядом,
В уголках души.
Счастья много,
Ты к нему спеши.

ТЫ ЕЁ НЕ БУДИ

Я проснулся с утра в той постели,
С той любимой, желанной лежал.
С той, о ком я мечтал всю неделю.
Что неделю? Я жизнь всю мечтал.

И была она вся «на ладошке»,
Её тело, разум, душа.
И игрива была, словно кошка,
И любовью и страстью дышала.

А сейчас она спит безмятежно
И лежит у меня на груди.
Ты моя любимая, нежная.
Утро раннее, ты её не буди.

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

Родилась и живёт в Симферополе. Студентка факультета филологии и журналистики КФУ имени В. И. Вернадского. Стихи пишет с двенадцати лет. Публиковалась в газете «Московский комсомолец», в «Литературной газете», на интернет-портале «Крымское эхо» и в сетевом журнале «Камертон». Участница, дипломант и лауреат ряда фестивалей и молодёжного форума.

ТЫ МНЕ ЗВОНИШЬ

Ты мне звонишь, и мы молчим.
Произошёл метана выброс.
Ты покупаешь гроб на вырост,
А я хочу купить кимчи.

Весь мир к смертям давно привык.
Поток скорбящих нескончаем.
И мы, захлёбываясь чаем,
Читаем чемоданы книг.

Стихи уже запрещены,
Которых ты ещё не слышал.
Лишь только дождь стучит по крыше
О том, что мы обречены.

Ты мне звонишь, и мы молчим.
И в этом есть свой плюс и минус,
Но у тебя коронавирус,
Сказали пьяные врачи.

НЕКРАСОВУ

Вопрос доселе не решён:
Жить настоящим или мнимым?
О Русь, кому же хорошо
Плебеем быть, не дворянином?

Так, среди равных был иным
Большой поэт немого века.
Ты, голос давший крепостным,
Увидел душу человека!

Россия вязла в нищете,
О демократии молчали,
Но появился ты и те,
Кто выразил её печали.

Ещё звучит в моей душе
Твоя страдальческая лира,
Как Герцен мне кричит уже:
«Не сотвори себе кумира!»

Ты впрягся и надел хомут
Главы журнала «Современник».
Любовь к чужой жене поймут,
И страсть к игре, и жажду денег...

Крамской напишет твой портрет,
Корней Чуковский оправдает
Твои грехи, ведь ты – поэт,
О ком страна моя рыдает!

МОЛЕНИЕ САПФО К ГЕРЕ

Предо мной во сне ты предстала, Гера.
Вижу образ твой, благодати полный,
Вся печаль к тебе, и любовь, и вера,
И волос моих фиалковые волны.
Если помогла ты царям Атридам
Корабли поднять – заступись, богиня,
Дай отплыть и мне. И, печаль отринув,
Я твоё до смерти буду помнить имя.
Дай продолжить мне моей жизни дело:
Митиленских дев обучаю пляскам.
В праздничные дни обнажённым телом
Будет храм твой, Гера, с песнями обласкан.

ПРОЩЁННАЯ БОЛЬ

Отцветшие чувства
Вернулись весной:
Люблю тебя грустной
Любовью иной.

В стекляшках зелёных
Безрадостных глаз
Я вижу влюблённых
Смеющихся нас.

В покатости плеч –
Роковую печаль,
Несбывшихся мечт
Разорённую даль.

Замшелым туманом
Душевная мгла
Зачем-то так рано
На раны легла.

Но сердце не ранить –
Прощённая боль.
Ты знаешь, лишь память
Навеки с тобой.

В КАФЕ

Продираясь сквозь заросли времени,
Оставляем в памяти метки.
От беды уберечься где бы мне?
Может, здесь, на бумажной салфетке?

За столом, в кафе поэтическом,
Где раз в месяц я обязательно
Принимаю вид драматический
И других изучаю внимательно.

На салфетке царапаю строчки,
Убегая от страха стереться.
Помоги мне, кафе, одиночке,
Не стереться у зрителей в сердце!

КРЫМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Я помню детство, и стрекоз,
И кукурузные поля.
Ведь эта Крымская земля
Была моей страной Оз.

Миллионером был колхоз.
Стада овец, коров и коз,
Росу снегурочкиных слёз,
И тучку помню, и утёс.

Хочу вернуться в детский мир,
Чтоб время на часах застыло.
Туда, где детство позабыла,
Неси меня, река Салгир!

ГОМЕР

Схоронены давно руины Трои,
И ветер пыль в века разнёс с дороги,
Но жили и живут, как будто боги,
Ахилл и Одиссей – мои герои.

Безжалостное время хоть творенье
Моё оставило, не сохранив портрет.
Вы знаете, что я слепой поэт,
Имевший от природы вдохновенье.

А где родился я – никто не знал.
Семь древних мест на то претендовали.
Но время стёрло память, и едва ли
Запомнит кто-то ваши имена.

Мой эпос, как божественный чертог,
Вознёсся над прошедшими веками.
И я живу с античными богами,
И сам полулегенда, полубог.

ПО-БРАТСКИ

РАССКАЗ ИЗ ЦИКЛА «УЖАСНЫЕ СЕРДЦА»

«Не собирайте себе сокровищ на земле...»

От Матфея, 6. 19.

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

От Матфея, 16. 26.

– Он – мой!

– Нет, мой!

Голоса спорщиков с каждым словом повышались.

– Посмотри, сколько у тебя!

– У тебя не меньше! А у меня право!..

– Какое, на хрен, право?!

– По старшинству!

– Уже было! Квартира! Мало?.. Так что фигу ты получишь, кукиш, дулю, шиш!..

И знаменитая фигура из трёх пальцев внезапно возникла перед глазами Николая Петровича Климова. Сложил её и сунул под нос родному брату Иван Петрович.

– Чёрта с два! Это не считается!

– Ещё как считается!

– Считается – не считается, а его ты не получишь! – Николай Петрович не остался в долгу и ткнул такой же кукиш в нос Ивана Петровича. – Это дело принципа!

– Да лучше я его тогда разобью! – Иван Петрович оглянулся в поисках подходящего орудия, которое могло бы разрушать окру-

жающие предметы. – Пусть никому не достаётся!

Николай Петрович понял, что намерения младшего брата серьёзные, и решил воспрепятствовать вандализму. Он протянул крупную пятерню к единоутробной груди и сгрёб, скрутил щегольскую рубашку ниже воротника в крупную горсть.

– Щас – никому!

– Ах вот ты как! – возопил Иван Петрович. – На родного брата руку!.. – И в свою очередь ухватился за футболку старшего под воротом. Но поскольку был он ниже старшего брата и щуплее, то ухватился за грудки единокровного обеими руками. Он бы с наслаждением вцепился в пышную шевелюру брата, но тот был рослым и пузатым, так что дотянуться до неё для младшего, поджарого, было проблемой. О своих волосах он не беспокоился – их у него давно не было, то есть были остатки, но немного и далеко на затылке, как у пролетарского вождя Ленина.

Они топтались, кружили на месте, сопели, кричали, ворчали сквозь зубы что-то неразборчиво-ругательное. Оба побагровели и стремительно взмокли от натуги – не молоденькие уже. Оба упорно тягали друг друга за грудки, встряхивали братские тела, но ударить один другого никто из них первым не решился.

– Чего удумал – разбить! – ворчал сиплым басом Николай Петрович.

– Ни мне, ни тебе, раз такое дело, – надсаживался Иван Петрович на высоких нотах.

– Не тебе, а мне...

– А почему не мне?

– А потому...

– Хрен тебе корявый...

– А тебе два сразу...

– Если не весь, так наполовину мой! – вдруг объявил младший – и это было воистину соломоново решение.

– Даже так?

– А ты что, братец, совсем заглобился?

– Заглобился? Хорошо, я согласен.

– И как поделим?

– Эх, чёрт тебя раздери, братец! Как ты и сказал – пополам!

– Пополам?

– Да! Ножовкой посередине...

Олег АЗАРЬЕВ

Азарьев Олег Геннадьевич – окончил Крым-мединститут и ВГИК им С. А. Герасимова. Врач, журналист, писатель, редактор, сценарист, переводчик. Автор, составитель, редактор, переводчик десятков книг, вышедших в разных издательствах России и Украины. Публиковался в газетах и журналах Крыма и России. Был главным редактором крымских газет. Выступал на крымском радио со своими программами. Снял как режиссер и сценарист три фильма о Крыме. Один из основателей рыцарского фестиваля в Судак «Генуэзский шлем».

– Идёт! Пополам! И тебе, и мне...

– Пополам – так пополам...

Несмотря на то, что соломоново решение было одобрено обеими сторонами, братья всё ещё продолжали шаркать и топать подошвами по паркету – почти в обнимку, как два уставших боксёра в клинче.

Наконец дверь в комнату отворилась, и на пороге возник сын Николая Петровича. Он прислонился плечом к косяку и произнёс:

– И это – родные братья. Вы что, совсем офонарели?

Был он, Алексей Николаевич, человеком зрелым, двадцати шести лет, семейным, а потому мог сказать такие слова представителям старшего поколения Климовых, не опасаясь получить по губам или по заднице за попытки укорять и поучать взрослых.

Братья отпустили помятые одежды друг друга и отступили на шаг. То ли устыдились они

своей вспышки, то ли просто поняли, что будут они так вот неуклюже пихаться до скончания века, но никто так и не посмеет поднять руку на родную кровь (это не в детстве подрасться, когда побеждённый бежит жаловаться мамке, нынче побеждённый братец непременно побежал бы снимать побои и подавать на победителя в суд), вот и обрадовались возможности прекратить бессмысленное толковище.

– И ради чего вы решили друг другу мордасы начистить? – осведомился Алексей с упрёком. – Ради этого старья? – Он кивнул на массивный, ещё гэдээровский, начала шестидесятых годов, но любовно ухоженный, хорошей сохранности сервант.

– Ты давай... это... не лезь... – прохрипел Николай Петрович сыну. – Сами разберёмся.

– Я вижу, как вы тут разбираетесь, – съехидничал Алексей.

– Ну что там... погорячились малость, – пробормотал более интеллигентный Иван Петрович сконфуженно и принялся запихивать рубашку обратно в тщательно выглаженные, запачканные пылью брюки.

– Передохните, – порекомендовал Алексей. – По рюмашке пропустите. Расслабьтесь. А то стыдно смотреть. Старшее поколение... Бабушку только вчера похоронили, а сегодня её шмотки делите, как... как... мародёры какие-то.

– Ну ты полегче, – осадил сына Николай Петрович. – Разговорился тут... Умник!

– Да уж, – согласился Иван Петрович. – Соблюдай субординацию, племянник.

Анна Фёдоровна и в самом деле была похоронена только вчера. Оба брата знали её последнюю волю (не завещание – последнюю волю, поскольку завещание как документ она не оставила, но вслух не раз говорила всем трём сыновьям и их жёнам, кто что получит после её смерти) и не стали выжидать ни сорок, ни даже девять дней. Каждый опасался, что, пока один будет скорбеть, другой приберёт к рукам не только свою долю, но и от чужой доли кусок отхватит, а потому порывались делить наследство ещё вчера, сразу после поминок, но жёны придержали обоих за узду. До сегодня. Зато сегодня братья вовсю навёрстывали вчераш-

нее: усердно рылись в шкафах, в серванте и в диван-кровати, тщательно обследовали кухню, наперегонки лезли под кровать, внимательно осматривались в сортире, ванной и кладовой, сваливали добычу на кровать и диван, бешено спорили по каждой мало-мальски ценной вещи, делили, как в фильме «Свадьба в Малиновке», – это мне, это тебе, я себя не обделил? Скрупулёзно подбирали всё, даже то, что потом заведомо выбросят. Но это будет потом, а сейчас главным было – ни крохи лишней не отдать брату своему.

И только Алексей выглядел безучастным. Ему и в самом деле был безразличен этот братский делёж – ведь ему досталась бабушкина почти новая двухкомнатная квартира на восьмом этаже двенадцатизатяжки в спальном районе на окраине города. Такое наследство стоило всего остального добра.

Вмешаться он решил, только когда у него появились опасения, что братья вот-вот начнут делить на части друг друга.

Из разорённых братьями комнат все трое перебрались в чистенькую кухню и расселись на табуретах возле маленького стола, одной стороной придвинутого к стене. Алексей, по праву нового хозяина дома, откупорил бутылку водки. Николай и Иван в это время молча накладывали в тарелки остатки от поминок: колбасу копчёную, огурцы, помидоры, отбивные, сыр, салат оливье, селедку под шубой, шпроты...

– Вот вы делите тут, – приговаривал Алексей, разливая водку по бабушкиным стопкам, – но почему-то на двоих, а не на троих. А как же дядя Лёня?

Средний брат, Леонид Петрович, умер на два года раньше матери, ещё молодой, пятидесятилетний. Лёг спать – и не проснулся. Сердце, сказали медики. Он никогда не был ни жлобом, ни хапугой, а был он гостеприимным хозяином, не ругался с братьями, но умудрялся убедить их в своей правоте и терпеть не мог разговоров матери о смерти и наследстве.

Стопки замерли в руках братьев.

– Ну так его же нет, – философски заметил Николай Петрович и горько вздохнул: – Царствие ему небесное. Хороший был парень – Лёнька.

– Но семья-то осталась, – заметил Алексей. – Наталья Семёновна (так звали жену Леонида Петровича), дети.

– Может, им и не надо? – предположил Иван Петрович. – Они ведь вчера ни слова...

– Вчера ведь похороны были, – напомнил Алексей.

– Эх, мама, мама!.. – сокрушённо сказал Николай Петрович.

– Давайте не чокайся, – предложил Иван Петрович. – За Лёню. Вечная память!

Все выпили. Некоторое время закусывали – аппетитно хрустели огурцами, заправлялись оливье и селёдкой, бросали в рот кружочки копчёной колбасы, кромсали холодные отбивные, откусывали от ломтей хлеба.

Потом Николай Петрович кивнул сыну и, пережёвывая, проговорил:

– Наливай! За маму.

Выпили в память об Анне Фёдоровне – ей было далеко за семьдесят, перед смертью она недолго хворала, но и за это время надоела и сыновьям, и жёнам их, потому как им, людям в возрасте да занятым своими делами, приходилось посменно присматривать за ней, лежащей. В память об отце не пили – он умер давно, лет семнадцать назад, – так долго не помнят.

Опять вкусно жевали, цокали вилками о тарелки. Потом все трое закурили.

– Кстати, Коля, – проговорил наконец Иван, потирая лысину. – А ты помнишь, как-то раз, когда Лёня с женой приезжал, года за три до его смерти, мы тут все собрались. И мама за столом сказала, что перстень свой, тот, массивный, с рубином, оставляет Наташе. Потом ковёр большой, что над диваном висел. Что-то там ещё... – «Что-то там ещё» он уже отобрал в свою долю и потому благоразумно запамätовал, что это было.

– Да? – после паузы сильно удивился Николай. – Не помню такого. – Перстень уже носила его жена, а ковёр... Николай как раз прикидывал, где повесить его у себя дома.

– Ну как же! – настаивал Иван. – О ковре она ещё и раньше говорила.

– Кажется, и я от неё что-то такое слышал... – неуверенно подтвердил Алексей.

– О ковре? Ну разве что о ковре... Что-то там такое, кажется, было... – скучным и разочарованным голосом протянул Николай. – Если, конечно, он нужен Наташке.

– А как ты выяснишь, что не нужен? – с интересом спросил Иван.

– Не спросит про ковёр – значит, не нужен. Алексей налил ещё по одной.

– Ну что, успокоились?

Николай взял стопку, не отвечая сыну, спросил:

– А теперь за что?

– За нас, – предложил Иван.

– За семью и любовь, – добавил Алексей.

Братья не возражали. Выпили, закусили, снова перекурили. Повспоминали детство, покойного брата, поездки на море. Иван и Николай рассказали по парочке забавных историй, которые порой случались, когда они бывали в гостях у хлебосольного брата Леонида. А бывали они у брата частенько и всем семейством, и пользовались гостеприимством его по-родственному, как чем-то само собой разумеющимся, да только вот сами братья не любили, когда он приезжал в гости, особенно с домочадцами, – посторонние в доме почему-то их сильно стесняли и раздражали.

Впрочем, об этом они не стали вспоминать. Зачем вспоминать о неприятном?

Потом Николай вздохнул.

– Надо заканчивать. Ты как, Иван?

– Что? – Иван вынырнул из приятных воспоминаний. – Да-да, конечно...

Николай поднялся, подтянул джинсы на пузо.

– Алёша! Где у нас тут ножовка? – деловито спросил он, запихивая спереди под ремень вылезшую рубашку.

– В кладовой.

– А складной метр?

– У меня! – отозвался Иван.

Николай махнул брату головой.

– Пошли!

Алексей остался за столом. Когда он услышал, как ножовка вгрызается в дерево, то выпил две стопки водки подряд, поморщился и не стал закусывать.

Олег АЗАРЬЕВ

АТТЕСТАЦИЯ

(ПОДРАЖАНИЕ ТРУШКИНУ)

РАССКАЗ

– Ну, – говорит председательствующий, кроважно потирая руки, – кто у нас первым будет отчитываться? Кто объяснит, почему не выполнен план по заготовкам макулатуры, металлолома и внебюджетному фонду?

В зале наступает мёртвая тишина.

– Свистулькин!

– А чё это я первым? Как премию, так Рогулькину, а как это, так Свистулькину...

Рогулькин: «Ты иди, баклан, не петушись, а то живо кейсом в писсуар суну!»

Свистулькин (пробираясь из задних рядов к президиуму, шепча себе под нос): «Понабрали уголовников, они вам и устроили внебюджетный фонд. Общак называется».

К барьеру подходит бледный, долговязый, плохо выбритый менеджер печатного издания «За изобилие!», именуемого читателями «Сорок лет без урожая». В глазах оратора застыла смертная тоска. Он упирается тяжёлым взглядом в собственный пах и угрюмо сопит.

Председательствующий:

– Не готовился, что ли?

– Я? Готовился. Чё это сразу «не готовился»? Как что, так...

– Тогда рассказывай всё как на духу.

– Погибли два проекта, – противным, как у робота, не своим голосом сообщает, шмыгая носом, Свистулькин. – Накрылись медным тазом вместе с авторами. Все идеи ихие погибли. Остальные пропали без вести.

– Не «ихие», а «ихние», – поправляет главный. – Давайте дальше. Регламент!

Свистулькин упирается мрачным взглядом в пах председательствующего и всё так же молчит.

– Как так погибли? Вот так вот взяли и погибли, что ли? И что теперь? Может, почтим их память вставанием или как? А может, идеи и не стоили того? Пустышками были?

– Арам Ильич, стоили они того, стоили! – с места кричит Рогулькин. – Это жизнёнка фраеров локшевых ничего не стоит...

Свистулькин с укором невинно осуждённого на казнь декабриста смотрит в окно, смотрит на

остающихся жить друзей-товарищей, смотрит на потолок. То, что пытается прошептать ему сейчас давнишняя подруга Козюлькина, – откровенная глупость, а то он не знает её умственных способностей! Но и других путей к спасению тоже нет. А бабы – они же не все куры, тем более в такой час.

– За грехи свои тяжкие они погибли, – кривовато улыбаясь, оглашает подсказку Свистулькин.

– Допустим. А за какие такие грехи?

– Да мало ли за какие? Мне вон бабка сызмальства твердила: «Какой пирог надломится, какой отломится, а третий твой». А я все три лопал – и с мясом, и с капустой, и с ябл... Вот они и есть те же греховодники, – смело указывает пальцем на Рогулькина обличитель. Противно смотреть.

– Хм. Отчего же?

– Да бухают оне каждый день до чёртиков. Поджирают усё, что горит. Как эти. Как неандертальцы до нашей эры. А потом рыгают, как козлы, усе диваны облевали, – шпарит в открытую против Рогулькина и его мафии Степан Свистулькин.

– Вы только выражайтесь, пожалуйста, покультурнее, – не находит сказать ничего иного ошарашенный откровениями вечно робкого менеджера управляющий.

– Так мне что, грехи все ихие перечислить? – вздыхает подбородок «прокурор».

– Можно. Только давайте самокритично. А то мы привыкли, знаете ли...

Свистулькин набирает полный рот воздуха, как перед затяжным нырком в бассейне, и... замолкает, туго соображая, как себя вести, если оппонент, ощерясь, показывает, как голова полетит с плеч.

– Коррупция! – с предсмертным стоном выкрикивает менеджер.

– Опа! – не то удивляется, не то одобряет председательствующий. – Та-ак. Ещё что?

– Терроризм! – ловит красноречивый прицел Козюлькиной дуэлянт.

Ему начинает казаться, что он без промаха попал в десятку, а потому с небес накатывает такое вдохновение, глаза так затягивает победная поволока, что ещё миг – и он весь их печатный

синдикат, погрязший во взятках, поборах и грехах, разоблачит.

– Потом у них во всех офисах развелись энти... как их?

– Смелее, не бойся! Кто у них там развёлся?

– Оборотни в погонах. Во!

– А-а. Я-то подумал, Раиска-бухгалтер с завхозом опять развелись...

– Нет, те живут. А оне стали деньги американские фальшивые печатать по ночам на «Солне». Сбивали в Туркестане, дачи потом себе строили, где нельзя, на ипподроме, прямо в парке, где гостиница...

– Ну а внебюджетный фонд, металлолом, макулатура? – возвращает менеджера к отчётности председательствующий. – Кто за это отвечает?

– Так они же перед побегом усё разворовали, – как несмышлёнышу объясняет Свистулькин. – Даже туалетную бумагу, пообвешались, как матрос Железняк пулемётными лентами, и пёрли из сортира, – являет нехилую осведомлённость о советском кинематографе разудалый ковбой.

Председательствующий с интересом смотрит в пах Свистулькина и не перебивает его.

А менеджера уже понесло во всю ивановскую. И он откровенничает напропалую, оговоровшись зачем-то, что сейчас не 37-й год и сын за отца не отвечает.

– Преступность у нас бьёт все рекорды. Старики такой не припомнят. Нет в стране идеологии, вот оне (по-ленински энергично выбрасывает руку в направлении затравленного Рогулькина пролетарский трибунал) и творят, что хотят. Проституцию развели, наркоманию и эту, пронографию.

Зал стонет от сдавленного смеха. Кто-то кричит: «Насмотрелся?» – но буранный Едигей ничего не слышит, он весь в пылу расстрельных доказательств.

– Недаром ящур у нас пошёл, потом СПИД и птичий грипп, – вспыхивает на небритом лице Свистулькина нездоровый румянец. – Лихорадку нам точно курортники из Египета завезли, африканскую чуму – энти, которые там на львов охотились, а холеру бубонную ночные клубы дали, знаем, чего там творится...

– Про ковид ничего не сказал! – кричит переболевший завхоз.

– И про триппер, – жестью отдаёт реплика Рогулькина. – Шуруй давай, лох, к венерологу!

– Ну а вы сопротивлялись дутой отчётности? Внебюджетный фонд, металлолом, макулатура...

– А как же? Конечно, нет. Я ж говорю, врали всё в отчётности, – вспотев, переходит на пегушиный крик Свистулькин. – Особенно энти... статисты.

– Омоним. Статистики, – машинально поправляет оговорку героя дня председательствующий. – И в чём же они врали?

– С пенсиями жульничали. Пенсии у стариков воровали. Недоплачивали за сверхурочные...

– Кому?

– Врачам, среднему медперсоналу, учителям. А оне и так нищие.

– Та-ак. Молодец! Вот у нас корреспондент из Москвы, он всё опишет.

(«Если ещё до Москвы доберётся», – угрюмо играет желваками Рогулькин.)

– Власть и мафия, как сиамские близнецы, срослись, – уже пошли выкрики из зала.

– Так их! – вдохновляет коллег взволнованный Свистулькин. – Давай, братва, вбивай им гвоздь в гробешник!

– Цены как подняли! – вскакивает с места Козюлькина. – Я мать троих детей. Ни сахар не укупить, ни яйца, ни муду, ой, мужу машину заправить, бензин стал вон какой...

Председательствующий очумело встряхивает головой, проводит обеими ладошками по лицу.

– Послушайте, Свистулькин, мы вообще о чём с вами говорили?

– Так про Содом и Гоморру, – нагло улыбается менеджер. – Как их боги покарали. Сказали: «Вы чё, совсем уже ё...?» И, это, кирдык бо-бо...

– Идите! – захлопывает папку председательствующий. – И не просто идите, а идите... – Он не досказывает куда. И так понятно.

* * *

– Стёгушка, ты сейчас где? – кричит по телефону выпустившая его из виду Козюлькина.

– В библиотеку топаю, – правдив, как пионер, Свистулькин. – Хочу прочитать про Содом и Гоморру. А то неудобно как-то... Век какой на дворе?

Валерий АРШАНСКИЙ

ТАЛАНТ, СУДЬБА И РОДИНА

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПОЭТА
ВЯЧЕСЛАВА БОГДАНОВА (1937–1975)

Вячеслав Богданов – один из ярких, талантливых русских поэтов, который родился на Тамбовщине, а трагически погиб в Москве на взлёте своего творчества в возрасте 37 лет.

Раздолье полей, запах трав, переливы птиц, дыхание природы, светлый образ сельского и заводского труженика, преданность и любовь к Родине – всё это отражено в стихах и поэмах Вячеслава Богданова.

Всего издано двадцать книг его стихов и поэм, из них восемь при жизни в Москве, Челябинске и Тамбове.

На родине поэта, на Тамбовщине, его именем названа центральная районная библиотека, улица, более двадцати лет действует литературный музей, установлен памятник – бюст работы народного художника России Н. А. Селиванова, ежегодно присуждается литературная премия его имени «Светунец» и проводятся Богдановские чтения, в этом году двадцать шестые.

На второй малой родине поэта, в г. Челябинске, действует областной поэтический клуб имени Вячеслава Богданова «Светунец», проводятся поэтические фестивали, чтения, посвящённые поэту.

Имя поэта вошло в энциклопедии Тамбовской, Липецкой и Челябинской областей, в антологию «Писатели, поэты и драматурги XX века».

В преддверии юбилея поэта, 85-летия со дня рождения, наш внештатный корреспондент, член Союза писателей России, публицист Виктор Сошин встретился с другом Вячеслава Богданова, выдающимся русским поэтом, лауреатом Государственной премии России Валентином Васильевичем Сорокиным.

Виктор Сошин: – Уважаемый Валентин Васильевич, в прошлом году мы широко отметили Ваш юбилей – 85 лет со дня рождения. Я был участником на многих мероприятиях, посвящённых Вашему творчеству. В этом году Вашему другу Вячеславу Богданову исполнилось бы 85 лет. К

сожалению, он трагически рано ушёл из жизни.

Я знаю, что Вы тяжело восприняли его уход, ведь как бы внезапно остановился естественный процесс Вашей многолетней человеческой и творческой дружбы. Вы посвятили этому состоянию и памяти друга несколько стихотворений.

Валентин Сорокин: – Да, для меня уход Вячеслава из жизни был неожиданным и тяжёлым. Ведь мы вместе с ним прошагали по жизни более двадцати лет, начиная с 16-летнего возраста. Мы вместе работали на Челябинском металлургическом заводе, вместе посещали литературное объединение «Металлург», вместе радовались новым стихам и книгам. Это была нормальная творческая и товарищеская дружба. Для меня уход Вячеслава был большой потерей в моей жизни. Я об этом написал стихи.

УТРАТА

Памяти Вячеслава Богданова

Лунная седеющая прядь
В небесах колышется упруго.
До чего же тягостно терять
Первого товарища и друга.

Будто нашу юность пополам
Чёрною рукою раскололи.
И уносит ветер по волнам
Горький жар смятения и боли.

Вот такая страшная напасть,
Чудится – опять из круговерти
Высунулась проклятая пасть
Нагло ухмыляющейся смерти.

Потому я на юру стою,
Не сгибаясь от невзгод железных,
Что друзей без боя не сдаю,
Ну а здесь – сражаться бесполезно.

Плачется ромашке луговой.
Жизнь всегда полна непостоянства.
...Над его горячей головой
Разомкнулось вечное пространство.

И едва затихли поезда,
Колгота дневная размутилась,
Сам я видел – новая звезда
На ладонь судьбы моей скатилась.

И по склонам грозовой ночи,
Синевея отблесками стали,
Ломкие и резкие лучи
Долго, долго в травах трепетали.
(1977 г.)

Виктор Сошин: – Вашему поколению предвоенных лет многое досталось, нелёгкая была пора для детства, юности. Как же формировались и развивались поэтические задатки в таких условиях?

Валентин Сорокин: – В трагически-переломное время мы, поэты от рождения, острее чувствовали ситуацию, глубже воспринимали окружающий мир.

Биография, талант, судьба и чувство ощущения жизни, самого себя, Родины – у Вячеслава Богданова всё это и все эти чувства были как у национального русского поэта. Его биография – это биография многих писателей России, рождённых перед началом Великой Отечественной войны: фабрично-заводское училище (ФЗО) в городе Челябинске, завод (ЧМЗ), коксохим, вечерняя школа рабочей молодёжи, занятия в литературном объединении «Металлург» и учёба на ВЛК Литературного института имени А. М. Горького. Такая непростая биография научила его не забывать свой край, своё детство, своё родство.

Мне б труднее и жилось,
И пелось,
Если я
Не смог бы до сих пор
Породнить
Полей тамбовских зрелость
И глубины
Самоцветных гор.
Хоть живу я
Под уральским небом
У огня
Людей мастеровых,
Но когда я прикасаюсь к хлебу,
Вспоминаю земляков своих.
Я вдали от Отчизны,
Но всё же
С ней крепка связующая нить!

Ну скажите, люди,
Разве можно
Надвое
Россию поделить?!

(«Родство»)

Его юношеские стихи посвящены жизни его родного края – Тамбовщины. Затем, по мере взросления, он вырослел и как поэт. Он внимательно следил за тем, какая тема главная у народа. Он всё это слышал и чувствовал, изучая судьбы великих русских поэтов России: Николая Некрасова, Фёдора Тютчева, Алексея Кольцова, Ивана Никитина и Сергея Есенина.

Виктор Сошин: – В начале творческого пути поэта чувствовалось влияние Сергея Есенина, и об этом некоторые критики говорили. Как Вы оцениваете это?

Валентин Сорокин: – Вячеслав Богданов связал своё творчество и свою судьбу с Сергеем Есениным, который смог так неординарно выразить судьбу своего края и России, что кроме него не удавалось никому.

Сергей Есенин был самым народным поэтом, а Вячеслав Богданов стал достойным продолжателем своего любимого поэта. Он любил его творчество, многие стихи и поэмы знал наизусть. Вячеслав шёл уверенно к вершине своего творчества.

Всё равно при утреннем тумане
Забунтует озеро насквозь.
Пусть оно не выйдет к океану,
Но зато к великому рвалось.

(«Озеро»)

Поэзия Вячеслава Богданова ритмически богата. У него природа от Тамбовщины, от Уральского края, который, кроме того, обладает огромной промышленной индустрией.

У Славы чувствуется мелодия стиха сродни Владимиру Луговскому, творчество которого он любил.

Богданову дорог Некрасов. Без него, без его боли нельзя стать настоящим русским поэтом.

Воздух мягкой влагою пропитан,
Ночь темна, и улицы тихи.
А меня лирическим магнитом
Притянули к столу стихи.
Крепко спят ребята в общежитье,
Затаил прохладу коридор.
Вновь Кольцов, Есенин и Никитин
Завели со мною разговор.

(«Любимые поэты»)

Виктор Сошин: – Как воспринимал Вячеслав Богданов трагические дни Великой Отечественной войны и нашу победу?

Валентин Сорокин: – Много пережили и выстрадали Россия и её народ. Вячеслав Богданов к защитникам России относился свято, от солдата до маршала. У него было трагическое чувство: расстрелы, доносы – он старался всё это осмыслить и сказать. На войне погиб его отец. Победу в Великой Отечественной войне он воспринимал как подарок, как национальную сказку мужества, верности своего народа.

Была ты верой всенародной
От первой
Огненной черты.
Чем дальше ты уходишь в годы,
Тем всё ясней твои черты.

(«Победа», 1975 г.)

Виктор Сошин: – Как бы Вы оценили этапы развития и становления поэта Вячеслава Богданова?

Валентин Сорокин: – Вячеслав Богданов прошёл три этапа становления национального поэта.

Первый этап – юношество. На этом этапе он впитывал весь окружающий его мир, природе, сельский образ жизни. Он испытал все тяготы и нищету деревенской жизни.

Распрощался я с детством своим.
И теперь часто в сердце стучится
Память с болью тех прожитых дней...
Никогда не должно повториться
Это детство у наших детей.

(Поэма «Тропой детства», 1962 г.)

В семье их было трое: он, брат и сестра. Без отца все заботы ложились на мать. А она во время войны и после была колхозным бригадиром. Вячеслав сказал:

*Где никогда не видела замены,
Везде сама:
И в поле,
И в дому,
Всё это знают каменные стены,
Да только не расскажут никому.*

(«Дом»)

На этом этапе в детстве Вячеслав начал выражать свои природные способности в рифмованных частушках, посылал стихи в «Пионерскую правду». Как сына погибшего на фронте, его направили на учёбу в ФЗО в город Челябинск. Ему было неполных 16 лет. У него есть строки:

*Город, город!
Что же ты наделал?
У деревни молодость украл.*

(«Васильевские вечера»)

И началась его самостоятельная жизнь и становление и как поэта, и как профессионального рабочего человека.

На втором этапе становления Вячеслав Богданов уверенно начал входить в литературу, в поэзию, посещая занятия литературного объединения «Металлург». У него появились прекрасные стихи о деревне, о природе. В 1964 году выходит первая книга стихов «Звон колольев». Он заявил себя поэтом. Его признали маститые уральские поэты: Борис Ручьёв, Людмила Татьяничева, Яков Вохменцев, Михаил Львов. На этом этапе он написал поэму «Звено», стержнем которой была тема сельского труженика и рабочего человека, тема города и деревни. Он участвовал в Кемеровском совещании молодых поэтов и был хорошо принят Василием Дмитриевичем Фёдоровым, который затем рекомендовал его к вступлению в члены Союза писателей СССР и на учёбу на ВЛК Литературного института имени А. М. Горького.

*Над головою голубеет высь,
И кажутся все дали голубыми...
А мы спешим,
А мы уже сошлись!
И я –
Звено единства между ними...*

(поэма «Звено», 1966–1967 гг.)

Третья ступень восхождения Вячеслава Богданова неразрывно связана с понятием «Родина»!

*Родная Русь!
Костёр мой голубой!
Веди меня дорогою
Столений!
Какой,
Скажи,
Таинственной звездой
Ты зажжена
Для нас на этом свете!*

(«Голубой костёр»)

Было ощущение творческого состояния и обязанности поэта, перехода от одной грани к другой – период, когда поэт начинает ощущать творческое мастерство, которое находит отражение в глазах, жестах при чтении произведений Пушкина, Есенина. Чувствовалось, что В. Богданов набрал зрелости, определённой высоты. Его стихи появились в центральных газетах и журналах, а в издательствах «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Современник» вышли книги стихов. В этот период В. Богданов написал несколько поэм и прекрасных стихов. Как поэт он встал в полный рост.

Вячеслав Богданов чувствовал и осознавал свои возможности как поэта, готовился к большому, к главному произведению в своём творчестве.

Виктор Сошин: – Какой был в жизни и дружбе В. Богданов?

Валентин Сорокин: – Вячеслав Богданов был верен в дружбе, никогда не предавал, был добрым, отзывчивым, национально-непоколебимым и искренним человеком. Это у него дар от рождения, дар – разговаривать с миром жизни.

Человек на земле не обкраден,
Если к цели идёт до конца!
Никакие морищинные пряди
Зачеркнуть не сумеют лица!
Человек!
Ты, как космос, не познан...
И тебя
Через тысячи лет
Обнимают далёкие звёзды
Золотыми руками комет.
(«Открытые лица»)

Безмерно его уважение к Сергею Есенину, Павлу Васильеву, Борису Корнилову и другим поэтам, погибшим от пуля, бездушия и жестокости.

Вячеслав Богданов нёс это в своей душе и в своём творчестве.

Стихотворение «Памяти поэта», посвящённое Сергею Есенину, он завершает словами:

Рухнул месяц с голубых высот.
И берёзы
В дымной круговерти,
Словно петлю,
Рвали горизонт
И стонали голосом бессмертья.
(1969 г.)

А в стихотворении «Памяти Бориса Ручьёва», которого он очень уважал и дорожил дружбой с ним и который в двадцать три года был оклеветан и отослан на Колыму на десять лет, сказал:

...Как смог пронести через муки
Ты свой голубеющий взгляд?
.....
Я знаю, мы все не из стали
И всех поджидает черёд...
Но слышу – твоими устами
Магнитка, Россия поёт!

Богданов Вячеслав для меня – Слава, Славка. Он ушёл из жизни рано, в 37 лет. Это большая утрата для Урала, для Тамбовщины и для России.

Он готовился, стремился написать поэму о России, используя своё сюжетное мастерство и ритмический дар. В национальном плане – он глубоко русский человек, к тому же уважающий другую национальность. Он был человеком русским и масштабным.

Я родился в России,
Россиянин я сам:
По бунтующей силе,
По озёрным глазам.
Русобровый, лобастый,
Самых русских кровей.
Никогда я не хвастал
Родословной своей.
(«Моя родословная»)

Он не нарушал честной дружбы, он знал близко родителей друзей. Мои мама и папа разговаривали с ним как с сыном. Да и лежат они с ним рядом на Успенском кладбище в городе Челябинске.

Виктор Сошин: – Чувство Родины в творчестве В. Богданова занимает достойное место?

Валентин Сорокин: – Вячеслав Богданов, когда созрел как поэт, крепко встал на ноги, когда пришла к нему всесоюзная известность, он не стеснялся, не боялся высказать своё не предательское отношение к своему Отечеству. Он не только с возмущением говорил в своих стихах об изменниках Родины, но и иронизировал над ними. Была тогда мода – сбежать, оклеветать Россию. Такие были, я не буду называть их имена, некоторые «герои» забыты и у нас, и за рубежом.

Вячеслав Богданов понимал, что без чувства Родины, благородного народа он не станет настоящим поэтом, он пронёс все обязанности человека и поэта по честной дороге своей судьбы.

Обжитый мир под солнцем, под луной
И под лучами звёздными, косыми,
Где дух веков кружится надо мной
И распахнулся далями России.

И, вглядываясь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни,

Неба,
Пуши...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.
(«Русь»)

Виктор Сошин: – Какие были отношения у Вячеслава Богданова со старшими товарищами-поэтами и его сверстниками?

Валентин Сорокин: – Он уважительно относился к Людмиле Татьяничевой, Василию Фёдорову, Борису Ручьёву, Александру Твардовскому и Ярославу Смелякову. Из своих ровесников у него были хорошие отношения с Николаем Рубцовым, Владиленом Машковцевым, Борисом Примеровым, Николаем Благовым, Александром Бобровым. Были дружеские встречи в период его учёбы на ВЛК Литературного института имени А. М. Горького, в период работы пленумов, съездов Союза писателей России и СССР.

Почему они сошлись и дружили на равных – потому что та же дорога и та же судьба.

Вячеслав Богданов свой путь как поэт начал с занятий в известном литературном объединении «Металлург», которое многие годы возглавлял я, а затем, в связи с моим отъездом в Москву на учёбу, литературное объединение возглавлял Вячеслав Богданов до конца своей жизни.

Из литературного объединения вышли на всесоюзный уровень такие писатели и поэты, как Александр Куницын, Геннадий Суздаlev, Атилла Садыков, Зоя Прокофьева, Рустам Валеев, Сергей Семянников и, конечно, Вячеслав Богданов.

Людмила Константиновна Татьяничева не только уделяла нам внимание, но и оказывала помощь в нашем становлении.

Вот как она отозвалась о нашем литературном объединении в очерке, напечатанном в журнале «Огонёк» в мае 1975 года:

Но, как говорится, не хлебом единым жив человек.

Между металлом и песней существует связь, пожалуй, ничуть не меньшая, чем между металлом и хлебом.

Литературное объединение Челябинского металлургического завода, так же как и ли-

тературная организация Магнитки, возникло почти одновременно с заводом. Оно одно из самых перспективных и творчески зрелых на Урале. Многие годы литобъединением руководил ныне известный поэт Валентин Сорокин, работавший в ту пору машинистом крана в сталеплавильном цехе. Сейчас «Горячий цех» возглавляет Вячеслав Богданов, также бывший рабочий завода, член Союза писателей, автор интересных поэтических книг. У Богданова немало хороших стихов о труде, о рабочем товариществе. Вот как он пишет о бригаде монтажников:

*Нас двенадцать парней – вся бригада,
Славная монтажная братва.
И дрожит под нами эстакада,
На леса садится синева.
За работой все мы на виду,
Как двенадцать месяцев в году!*

Виктор Сошин: – Через несколько дней после трагического ухода из жизни Богданова вышла в журнале «Огонёк» большая подборка его стихов. Это же успех, ведь тираж доходил до трёх миллионов экземпляров. Это, можно сказать, всесоюзная известность, признание.

Валентин Сорокин: – Слава шёл стремительно к поэтической вершине, и если бы он прожил ещё лет десять-пятнадцать, то он бы выдал очень большого уровня произведения, он уверенно к этому шёл. Он был мудрее своих лет, у него была эпическая энергия.

Наша многолетняя с ним дружба обогащала нас обоих. Не было ни одного стихотворения, которое бы мы не читали друг другу. Высказывались, чтобы улучшить строчки, без хитрости, была «сердечная редакция». Поэтому и нет холуйских, холопских и глупых стихов ни у меня, ни у него.

У талантливых поэтов зависти не бывает, у них общая боль за Родину, боль за близких. Талантливый поэт относится к своему стихотворению, как пахарь к полю.

Виктор Сошин: – В сентябре исполнится 85 лет со дня рождения Вячеслава Богданова. Как будем отмечать эту дату?

Валентин Сорокин: – При подготовке к проведению юбилейной даты Вячеслава Богданова, 24 сентября текущего года, надо каждому из нас, уральцам, тамбовчанам, жившим на Кавказе или в Москве, принимать это как необходимую святую заботу – утверждать благородное творчество, утверждать благородство в самом себе.

Мы, писатели и поэты, обратились к губернаторам Тамбовской и Челябинской областей с просьбой оказать содействие в проведении юбилейного праздника поэта Вячеслава Богданова, в дальнейшем утверждении его имени и творческого наследия.

Большую работу по увековечению памяти поэта проводит журналист и писатель, главный редактор патриотической челябинской газеты «Танкоград» Сергей Вениаминович Алабжин. С его активным участием совсем недавно на центральной улице челябинских металлургов – улице Богдана Хмельницкого – была установлена мемориальная доска на доме, где многие годы жил поэт. Своим патриотическим чувством и действиями он вносит большой вклад в сохранение и развитие русской литературы и истории.

Недавно вышедшая книга «Медоносная судьба. О жизни и творчестве поэта Вячеслава Богданова», составителем, редактором и издателем которой являетесь Вы, брат поэта, член Союза писателей России Виктор Михайлович Сошин, – тому подтверждение. В этой книге – весь Вячеслав Богданов и всё сказанное о нём. Это памятник-книга не только о Вячеславе Богданове, но и о всех его друзьях-поэтах. В ней и уральские, и тамбовские, и липецкие, и воронежские, и рязанские, и московские поэты, критики, литературоведы. Здесь – прекрасные статьи о поэте Максима Замшева, Светланы Замлеловой, Ольги Ижениковой, Любви Рыжковой-Гришиной, Валентины Дорожкиной и Ларисы Поляковой, Николая Кузина и Виктора Чалмаева, Петра Проскурина, Станислава Куняева, Ивана Евсеенко и многих других.

Я считаю, что книга «Медоносная судьба» нужна не только своей мудростью, она необходима в нашем литературном течении, нашей жизни.

Вячеслав Богданов, Борис Ручьёв
и Валентин Сорокин

Если говорить о родном крае Вячеслава Богданова, то, наряду с Тамбовщиной, Урал – такой же родной для него край, где прошли юные годы поэта, а поэты всегда это понимают и несут в своих душах.

Опять же на примере литературного объединения «Металлург» – сюда приходили люди не только даровитые, но и одарённые своей судьбой. Не занимались баловством, не пытались смухлевать своё отношение к природе, полю, черёмухову кусту, кипящему котлу стали.

И, завершая слово о моём талантливом друге – поэте Вячеславе Богданове, хочется привести его строки...

*Я в своих убеждениях прям,
Нет кривого пути у поэта.
Пусть враги по стихам
И делам
Целят в сердце от злости за это.
Только смерть остановит
В дороге,
А пока я живу
И дышу...*

*Пусть отрубят мне руки
И ноги –
Я
Зубами стихи напишу!!!*

(«Верность», 1967 г.)

В этих словах настоящий и большой русский поэт, мой друг – Вячеслав Богданов.

Интервью Виктора СОШИНА

Вячеслав БОГДАНОВ

Я ПРИШЁЛ В ЭТУ СТЕПЬ...

ПАМЯТИ ПОЭТА

*И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Всё же песню отмиценья за гибель
Пропоеют мне на том берегу.*

Сергей Есенин

Улеглась в гостинице гульба,
Жёлтый мрак качался в коридоре.
Как смогла ты,
Подлая труба,
Удержать такое наше горе?!
Не вино сдавило вдруг виски,
Не метель,
Что выла, словно сука, –
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туго.
Спал подлец,
Напившись в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь...
Смертный миг...
Лёд треснул на Оке...
Только мать на всей Руси проснулась...
Что же ей почудилось тогда?
Может быть,
Взаправду увидала,
Как с небес
Горячая звезда
На крыльцо морозное упала?
И зажгла зарю в селе звезда.
Мать у русской печки суетилась.
По снегам глубоким,
Как беда,
Весть на санках к дому подкатилась.
Рухнул месяц с голубых высот.
И берёзы
В дымной круговерти,
Словно петлю,
Рвали горизонт
И стонали голосом бессмертья.

(1969)

Распоясала степь заревую дорогу,
Молодая трава наклонилась немного.
Наклонилась трава,
Словно всё ещё дремлет,
И корнями взялась за надёжную землю.
Далеко,
Широко степь уходит куда-то,
Где бредут облака,
Точно овцы, кудлаты.
Я пришёл в эту степь – широте поучиться,
Я пришёл в эту степь – росной далью
лечиться.

Я лечиться пришёл от промашки вчерашней,
Почернела душа,
Как весенняя пашня...
А промашка моя – я врага не осилил,
Неудача моя – неудача России!..
А победа моя – её кровное дело.
Кровь раба ещё в дедовском сердце сгорела...
О родимая степь, травяное наследство,
И удачи моей неизменное средство!
После встречи с тобой – за победой победа,
Враг мой век не имел степь такую, как эта!

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Брату Владимиру

Я родился в России,
Россиянин я сам:
По бунтующей силе,
По озёрным глазам.
Русобровый, лобастый,
Самых русских кровей.
Никогда я не хвастал
Родословной своей.
Дед мой был землепашец
На кулацкой земле.
Жил он, хвори не знавший,
В захудалом селе.
Шёл за плугом он браво.
Как метель – борода.
И прямая, как правда,
Шла за ним борозда.

И пришлось бы покорно
 На пути трудовом
 Век запахивать горе –
 Век не видеть его.
 Только в наше селенье,
 В край бесхлебья и слёз
 Имя доброе – Ленин –
 Незнакомец принёс.
 В нашем пасмурном доме
 Ночью тлела свеча.
 Говорил незнакомец
 Про дела Ильича.
 Дед, придя в изумленье,
 Жадно слушал рассказ.
 Вдруг поднялся:
 – А Ленин не бывал ли у нас?
 Понимаешь, сердешный, –
 Кверху вскинул кулак, –
 Ленин нашенский, здешний,
 А иначе же как
 Разглядел наши души?
 Чай, поди ведь, не Бог.
 Где, скажите, подслушать
 Наши думки он смог?
 И ответил рассказчик,
 Оглядев горемык:
 – Нет, живёт не богаче
 И орловский мужик.
 От Амура до Дона
 Та же песнь бедняка.
 И мужицкие стоны
 Слышит он сквозь века.
 Время правду итожит,
 Прозревает народ...
 Ленин не был здесь, может,
 Но навечно придёт!
 Деду выпало вскоре
 Под разлив кумача
 Биться с белою сворой
 За дела Ильича.
 Был он храбрый вояка
 И под вражеский крик

Пронесил сквозь атаки
 Несгибаемый штык.
 И потом на стоянках,
 После долгих боёв,
 Запевал «Варшавянку»
 У походных костров.
 Русобровый, лобастый,
 Самых русских кровей,
 Никогда я не хвастал
 Родословной своей.
 Мой отец – землепашец
 На колхозной земле.
 Говорят, что папашу
 Уважали в селе.
 Не был он коммунистом,
 Но креста не носил.
 Большелобый, плечистый
 И по-русски красив.
 И любили Алёшу
 И в посев, и в страду.
 Разве кто его сможет
 Обойти по труду?!
 Жить бы людям на радость,
 Хлеб иметь в закромах.
 Но случиться же надо,
 Встал над Родиной враг.
 Он ушёл в сорок первом
 И назад не придёт...
 Только мама, наверно,
 До сих пор его ждёт...
 Пал он в битве под Курском,
 Обескровлен свинцом,
 Богатырски, по-русски,
 К вражьи́м танкам лицом.
 Если снова ракеты
 Остановят сердца,
 Вспомню я и про деда,
 Вспомню я про отца.
 За людское несчастье
 Всё припомню врагу...
 Докажу я, как хвастать
 Родословной могу!

(1966)

Голоса «Ахматовского парка»

Россия – это страна, которая существует словно бы исключительно для Поэзии, но при этом не только для тех людей, кто любит читать или слушать стихи других авторов, но и в первую очередь для тех, кто эти стихи сами пишут, выступая в роли полноценных поэтов. И таких поэтов в нашей культуре всегда немало – вспомним хотя бы череду российских стихотворцев от Державина, Пушкина и Гумилёва до Рубцова, Высоцкого и Вознесенского, а также множество других российских поэтов (не говоря уже о прозаиках и критиках). Особенно много судеб отечественных писателей пересекалось за годы истории России с нашим солнечным Крымом и знаменитой дачей поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле. В годы советской власти эта дача была излюбленным местом отдыха писателей Советского Союза, приезжавших сюда и в одиночку, и с друзьями, и с жёнами, и целыми семьями. (Хотя не менее любимыми для писателей были также и Севастополь, и Ялта, и Феодосия, и Керчь, и Судак, и другие уголки солнечного полуострова.)

О связях Анны Андреевны Ахматовой с Крымом рассказывается в сборнике произведений севастопольских и крымских писателей «Ахматовский парк», выпущенном в 2022 году рязанским издательством «ИП Коняхин А. В. (Book Jet)», составители – Татьяна Воронина и Анатолий Труба. «Любуясь парком имени Анны Ахматовой, очаровываешься пленительными ахматовскими строками, навеянными красотой севастопольской земли и бесконечной любовью к ней», – пишет во вступительной статье к сборнику Анатолий Труба и завершает своё слово об Ахматовой её необыкновенными строчками:

*Всё глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадёжно дряхлеют сердца.*

Речь в сборнике «Ахматовский парк» идёт не только об Анне Андреевне, но также и о целом ряде выдающихся российских поэтов, которым Волошин открыл «оригинальность и красоту» ставшего ему родным и близким Коктебеля. Как написала в этом сборнике, в статье «В Коктебель, на свидание с Николаем Гумилёвым», Тамара Гордиенко из Севастополя, «звёздами первой величины Серебряного века стали Александр Блок, Максимилиан Волошин, Николай Гумилёв, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Андрей Белый, Осип Мандельштам, Валерий Брюсов ... Для этих и многих других поэтов, писателей, художников и учёных дом Максимилиана Волошина – Дом Поэта – стал гостеприимным пристанищем на долгие годы. Весной 1909 года в Коктебель приехал Николай Гумилёв...»

При назывании имени Николая Степановича рядом с ним почти неизбежно всплывает имя Анны Андреевны Ахматовой – его первой жены, ставшей впоследствии символом Серебряного века России. Так было и 19 марта 2006 года при установке памятника Гумилёву в центре посёлка Коктебель, во время которого Тамара Гордиенко обратилась к руководителю Общества возрождения культуры посёлка Коктебель поэту Вячеславу Ложко.

– Мы стоим сейчас у памятника Николаю Гумилёву, – сказала она. – В Коктебеле несколько улиц названы именами писателей и поэтов Серебряного века, среди них – Анна Ахматова и Николай Гумилёв. Вы способствуете духовному возрождению Крыма. Скажите, тяжело было начинать?

– Да, трудности были, но я всё же нашёл понимание и поддержку у администрации посёлка, депутатов, предпринимателей, интеллигенции. Я родом из Комсомольска-на-Амуре, но живу здесь с 1967 года, и Коктебель стал для меня новой родиной. Когда я брал здесь участок для постройки дома, здесь не было других домов, пустое место. Позднее образовалась улица, которую я специально назвал именем любимого поэта... И сейчас мой адрес – улица Гумилёва, дом № 1!..

А там, где упоминается имя Гумилёва, тут же рядом с ним возникает и имя Анны:

*...И глазами маков и шафрана,
Торопя потерь и славы час,
С гребня херсонесского кургана
Николай Степанович и Анна
Сквозь счастливый дождь глядят на нас.*

В статье «Донеси любовь мою златоустой Анне всея Руси», включённой в сборник «Ахматовский парк», Людмила Обуховская откровенно пишет о том, что судьбы Гумилёва и Ахматовой «переплелись и слились с трагической летописью начала прошлого века. Революционный молох уничтожит Николая Гумилёва, Анну Ахматову назовёт "типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии", а её стихи, "пропитанные духом пессимизма и упадничества", будут надолго вычеркнуты из советской литературы. Сын Ахматовой и Гумилёва, выдающийся учёный-этнограф Лев Гумилёв, долгие годы проведёт в тюрьме и в лагерях...»

Сегодня о жизни и творчестве Анны Ахматовой, а заодно и о судьбе Николая Гумилёва, многие пишут стихи и прозу, а также издают специально посвящённые им исследовательские и поэтические книги. И во многом посвящённые им стихотворения воспринимаются как наши запоздалые воздаяния поэтам, жизни которых были во многом сплошными испытаниями и болью. Таково, в частности, стихотворение Юрия Бобылёва «Душа не тонет, не горит в огне», посвящённое Анне Ахматовой, в котором он пишет:

*...Прими, душа, колючий свой венок
За то, что ты, не променяв на крохи
От благ земных живое тело строк,
Прощенья не просила у эпохи.*

*Подумай. Нет, представь себе на миг:
Страна – корабль, мы вместе с нею тонем,
А кто ещё, как не родной язык,
Бросает нам спасательный синоним?..*

Русский язык и необычайная русская поэзия – это действительно тот спасательный круг, который многим людям помогал выжить в годы

губительных войн, революций и репрессий. И таким же спасательным кругом выступала во все времена пленительная русская природа, и особенно – её сказочный Крым и ласковое синее море, возле которого Анна Андреевна отдыхала практически каждым летом. В своих детских воспоминаниях она так писала об этих своих каникулах: «Каждое лето проводила на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление от этих мест – древний Херсонес, около которого мы жили... Назвали меня Анной в честь бабушки... Её мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем».

Но взятое Анной вместе с новой фамилией азиатское «чингизидство» не помешало ей стать впоследствии известной на весь мир поэтессой. Причём – русской поэтессой. Одна из сегодняшних её литературных последовательниц – Наталья Ищенко из города Феодосии – в своём стихотворении «Анне Ахматовой» так говорит о ней, будто вскрывает её душу, как кровоточащую рану:

*До капли жизнь отдав искусству
И часто стоя на краю,
Могла ты внять чужому чувству
И в душу допустить свою.*

Так же глубоко Наталья Ищенко пишет и о Николае Гумилёве, жизнь которого оборвалась в 1921 году в тридцатипятилетнем возрасте. Слишком рано, конечно. И вообще в его судьбе всё – слишком:

*...Слишком звонко слово пело,
Жизнь пронзая, как стрела.
Слишком трудным было дело,
Слишком белой кость была.*

*Слишком сердце жарко билось,
Слишком вдаль душа звала,
Слишком время торопило,
Слишком краткой жизнь была...*

В статье под названием «Анна Ахматова в почтовой миниатюре» академик РАН, член Союза писателей России Александр Семин говорит, что «о её жизни и творчестве, её заслугах написано значительное количество книг и великое множество различных статей, как обзорного (историко-познавательного) характера, так и научно-исследовательского. Но до настоящего времени отсутствуют публикации, в которых имеет место упоминание о ней (т. е. об Анне Ахматовой. – Н. П.), связанное с филателией, филателистическими материалами, на которых она изображена или имело место упоминание о её творчестве...» И это действительно так, и образ Анны Андреевны мы можем встретить на почтовых марках целого ряда стран – к примеру, она изображена на марках России, Украины, Казахстана, Гвинеи и некоторых других стран. В 1989 году в почтовое обращение вышло сразу несколько марок в честь 100-летия со дня рождения Ахматовой, а также почтовый конверт с изображением копии портрета Анны Андреевны, выполненного в 1921 году Юрием Анненковым, а в 2014 году – почтовая марка в честь её 125-летия и конверт. Портреты Анны Ахматовой были неоднократно воспроизводимы не только на конвертах и марках, но и на почтовых карточках, лучшей среди которых считается карточка с портретом Ахматовой работы Натана Альтмана.

Всего в книге «Ахматовский парк» помещены стихи и статьи более двух десятков поэтов и прозаиков, которые читаются как интересные и глубокие дополнения к биографиям и творчеству горячо любимых многими Анны Ахматовой и Николая Гумилёва. Поэзия в России никогда не умирала, и на какое бы время её ни вычёркивали из жизни нашего народа, рано или поздно она опять выныривает из небытия и возвращается к людям. Так было всегда. И так будет вечно.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь правления
Союза писателей России

АВГУСТОВСКИЙ СЕВАСТОПОЛЬ

20 августа 2022 года в библиотеке-филиале № 6 Центра семейного чтения и досуга ГБУК г. Севастополя «РИБС» состоялась презентация поэтического сборника, в создании которого приняли участие двадцать три севастопольских и крымских автора.

Идея создания поэтического сборника под названием «Ахматовский парк» принадлежит председателю Севастопольского регионального отделения Союза писателей России Татьяне Ворониной. И зародилась эта идея именно в сквере имени Анны Ахматовой, где в нынешнем году, 6 мая, в канун Дня Великой Победы, члены Союза писателей России приняли участие в обновлении посадок миндаля из питомника Никитского ботанического сада. На берегу Стрелецкой бухты, недалеко от развалин Херсонеса, там, где когда-то бегала босоногая Аня и где нашла кусок мрамора с греческой надписью, звучали стихи, посвящённые поэтам Серебряного века Анне Ахматовой и Николаю Гумилёву.

Над воплощением идеи в жизнь Татьяне Ворониной и рабочему секретарю Союза писателей России Анатолию Трубе, который стал инициатором закладки в сквере А. Ахматовой прекрасного сада из деревьев миндаля и грецкого ореха, пришлось немало потрудиться. В сжатые сроки, с мая по август, были собраны по крупницам стихотворные строки, уникальные биографические данные, редкие фотографии, посвящённые пребыванию на севастопольской земле поэтессы, которую сама Марина Цветаева назвала «златоустой Анной всея Руси». Медаль «К. М. Станюкович», учреждённая Севастопольским региональным отделением Союза писателей России, была вручена Татьяной Ворониной Анатолию Трубе как знак признания и благодарности за совместный творческий проект. Помимо стихов и прозы, написанных авторами из Севастополя и других городов Крыма, книга привлекает прекрасной графикой, выполненной заслуженным деятелем искусств Валерием Маниным.

На вечере звучали лучшие произведения из сборника в исполнении авторов, актёра Сергея Букова, романс на стихи Анны Ахматовой подарил собравшимся творческий дуэт композитора Татьяны Великодворской и актрисы Эротты Каменецкой. Работа над книгой была высоко оценена председателем Крымского регионального отделения Союза писателей России Владимиром Сорокиным. Фотография на память стала завершающим аккордом поэтической встречи.

Акция дарения прошла 21 августа в Морской библиотеке имени адмирала М. П. Лазарева.

Союз писателей России при поддержке Президентского фонда культурных инициатив выпустил сборник, посвящённый проведению СВО.

В книге собраны лучшие стихи и песни, посвящённые бойцам и командирам, выполняющим задачи специальной военной операции, и историческим событиям, происходящим на наших глазах в последние месяцы. Кроме того, в сборнике размещены замечательные иллюстрации, созданные прямо на передовой, а также сатирические карикатуры, показывающие изнанку событий – вероломные усилия противников нашей страны.

На вручении новой книги присутствовали руководитель Севастопольского отделения СПР Т. А. Воронина и рабочий секретарь правления СПР А. С. Труба.

Директор Морской библиотеки Н. И. Краснотелицкий поблагодарил гостей за подарки: книги «ПоЗыВной – Победа!», сборник произведений севастопольских и крымских писателей «Ахматовский парк» и литературно-художественный исторический журнал «Александръ».

Гостям подарили юбилейный альбом «Сокровищница богатств человеческого духа», посвящённый 200-летию Морской библиотеки.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru